

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

2(22)

2020

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426.

Тел. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 — исторические науки и археология; 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки

Редактор русского текста *А. И. Богданов*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 24.12.2020. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,19. Тираж 500 экз. Заказ № 0488.
Дата выхода в свет: 10.02.2021. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускается только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) — главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Кутырев Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) — секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России:

Аришинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмерикович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Ершов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Н. Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом:

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Илиева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левцика Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

2(22)

2020

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square, room 426.
Tel. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 — historical sciences and archeology; 22.00.00 — sociological sciences; 09.00.00 — philosophical sciences.

Editor *A. I. Bogdanov*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 24.12.2020. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 0488.
Release date: 10.02.2021. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2021

EDITORIAL BOARD

Shalaev V.P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) — Editor-in-Chief
Dakhin A.V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V.I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Kutyrev V.A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Lepsky V.E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S.V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A.A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T.M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V.V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) — Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia:**

Arshinov V.I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A.M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V.A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V.E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T.M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dunets A.N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A.N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A.V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K.I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Maksimova S.G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G.G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Nabiyev R.A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A.N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O.V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V.V., Doctor of Philosophy (St. Petersburg)
Sergeyev S.A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N.M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Spirova E.M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M.G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I.V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shalaeva S.L., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Shashkova Y.Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M.D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G.S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad:**

Babosov E.M., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P.A., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Zelenkov A.I., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Muza D.E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Perinçek M.B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y.V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора.....7

ФИЛОСОФИЯ

Голубинская А. В.

Аддитивные механизмы принятия знания (на примере естественно-научных знаний) 9

Попель А. А.

Творчество и общество потребления..... 18

Порошенко О. Н.

От «постмодернизма» к «постпостмодернизму» в концепциях современной архитектуры 28

Сафонов М. С., Гуров О. Н.

Коронавирус — новая точка отсчета. От техногенной цивилизации к неизвестному будущему 36

Ставицкий А. В.

Методологические особенности исследования современного мифа в контексте постнеклассической науки..... 46

Фатенков А. Н., Фатенкова Т. А.

Акторно-сетевая теория как выражение кризиса оснований нововременной рациональности..... 56

Шалаев В. П.

Синергетический образ университетской науки в условиях вызовов современности: между хаосом и порядком (опыт критического анализа) 66

СОЦИОЛОГИЯ

Андрянова Т. В.

Взаимодействие как основа управления социальной средой в условиях общедоступных библиотек 74

Петровская Ю. А.

«Неудачи» и «развилки» российских инновационных проектов 88

Флягина В. Ю., Грибенищikov К. В.

Социальная адаптация на рынке труда как фактор межрегиональной миграции выпускников вузов 96

Шалаев В. П.

Международные Вавиловские чтения в Марий Эл как научный феномен..... 112

ИСТОРИЯ

Кутарев О. В.

Боги полабо-балтийских славян в русской литературе XVIII в. Часть 1: научные труды 118

Филонов А. А.

Развитие лесного хозяйства во 2-м Царевококшайском лесничестве Царевококшайского уезда Казанской губернии во второй половине XIX века 138

Подготовка и порядок приёма рукописей 148

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief.....	7

PHILOSOPHY

Golubinskaya A. V.

Additive mechanisms of knowledge acception (on the example of natural science)	9

Popel A. A.

Creativity and Consumer society	18

Poroshenko O. Y.

From "post-modernism" to "post-post-modernism" in the concepts of modern Architecture	28

Safonov M. S., Gurov O. N.

Coronavirus as a new starting point. From technogenic civilization to unknown Future	36

Stavitskiy A. V.

Methodological features of the study of modern myth in the context of post-non-classical science.....	46

Fatenkov A. N., Fatenkova T. A.

Actor-network theory as an expression of crisis of new time rationality's Foundations.....	56

Shalaev V. P.

Synergistic image of university science in the face of modern challenges: between chaos and order (critical analysis experience)	66

SOCIOLOGY

Andriyanova T. V.

Interaction as a basis of social environment management in public libraries.....	74

Petrovskaya Yu. A.

"Failures" and "forks" of Russian innovative projects.....	88

Flyagina V. Y., Gribenshchikov K. V.

Social adaptation in the labour market as a factor of interregional migration of university graduates	96

Shalaev V. P.

International Vavilov readings in Mari El as a scientific phenom.....	112

HISTORY

Kutarev O. V.

Gods of Polabian-Baltic Slavs in Russian literature of XVIII century. Part 1: scientific books	118

Filonov A. A.

Development of forestry in the second Tsarevokokshaysky forest area of the Tsarevokokshaysky county of the Kazan province in the second half of the XIX century	138

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	148

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В двадцать втором номере журнала «**SocioTime / Социальное время**» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учёными и исследователями России. Все они посвящены актуальным вопросам философского и социально-гуманитарного знания, охватывающего современные и исторические процессы развития человека и общества под влиянием доминант современного социального времени.

Журнал «SocioTime» позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Партнерское сообщество журнала нашло свое отражение в составе его редколлегии и редакционного совета, представленных исследователями из университетов и академических институтов Российской академии наук из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежных стран: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана.

Двадцать второй номер журнала «SocioTime» имеет широкую географию авторов. Издание охватывает 12 статей авторов, представляющих различные вузовские и научные центры России. Три главных раздела журнала представлены работами исследователей из Нижнего Новгорода, Казани, Москвы, Севастополя, Йошкар-Олы, Санкт-Петербурга, Курска, Петрозаводска, Кемерово.

Раздел «Философия» включает в себя 7 научных статей. Его открывает статья А. В. Голубинской (Нижний Новгород), посвященная изучению аддитивных механизмов принятия знаний (на примере естественно-научных знаний). В работе А. А. Попеля (Нижний Новгород) с критических позиций анализируется влияние общества потребления на творчество. В статье О. Н. Порошенко (Казань) в центре внимания автора проблема перехода постмодернизма в постпостмодернизм в современной архитектуре. В работе автора из Севастополя А. В. Ставицкого проведён анализ методологических особенностей исследования современного мифа в контексте постнеклассической науки. В совместной статье А. Н. Фатенкова и Т. А. Фатенковой (Н. Новгород) исследуется акторно-сетевая теория как выражение кризиса оснований нововременной рациональности. Исследованию синергетического образа университетской науки в условиях вызовов современности, с критических позиций, посвящена статья В. П. Шалаева (Йошкар-Ола).

В разделе «Социология» представлено 3 статьи. Его открывает работа Т. В. Андрияновой (Курск), посвящённая анализу взаимодействия как основы управления социальной средой в условиях общедоступных библиотек. В статье Ю. А. Петровской (Петрозаводск) исследуются «неудачи» и «развилки» российских инновационных проектов. В центре внимания авторов из Кемерово В. Ю. Флягиной и К. В. Гребенщикова проблема социальной адаптации на рынке труда как фактор межрегиональной миграции выпускников российских вузов.

Раздел «История» открывает статья О. В. Кутарева (Санкт-Петербург), в центре внимания которой боги полабо-балтийских славян в русской литературе XVIII века. В статье автора из Йошкар-Олы А. А. Филонова исследуется развитие лесного хозяйства во втором Царевококшайском лесничестве Царевококшайского уезда Казанской губернии второй половины XIX века.

Двадцать второй номер журнала «SocioTime» объемлет собой оригинальные авторские материалы, фокусирующие внимание на актуальных исторических и современных проблемах развития человека и общества в пространстве философского и социально-гуманитарного научного дискурса. Редколлегия «SocioTime» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, направленные на творческое осмысление актуальных процессов и проблем развития человека и общества по профилю основных разделов журнала.

Отдавая дань уважения маститым авторам, особое внимание мы уделяем поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы науки, культуры, мировоззрения и общества.

Особое внимание журнал уделяет актуальным и оригинальным идеям, связанным с пониманием развития современной российской цивилизации и культуры, её критического экстремума в условиях противоречивого влияния на мир современного человека и общества, западного формата глобализации и постмодерна.

Уважаемые коллеги и друзья журнала, мы ждём ваши работы и открыты для обсуждения и дискуссий. Журнал «SocioTime / Социальное время» — это, несомненно, ваше социальное время, здесь и сейчас! Будем рады вашему участию на нашей философской, социологической и исторической площадках научного диалога.

До новых встреч в нашем общем социальном пространстве и времени. Будем рады пересечению наших научных усилий в точке координат очередного номера «SocioTime» в Йошкар-Оле!

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб. 426, 430а. E-mail: sociotime@volgatech.net. Тел. редакции: 8-8362-686800, 8-8362-686040 (главный редактор).

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) и в системе Elibrary.

УДК 165+304

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.9

АДДИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ)¹

А. В. Голубинская

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород (Россия)*

Введение. Исследуется вопрос о том, как в сложившейся культуре закреплены образцы принятия естественно-научного знания, исследуется связь между характеристиками субъекта и механизмами, описывающими его познавательную деятельность. Автор анализирует сам феномен принятия знания и связывает его прежде всего с прагматикой взаимодействия субъекта с окружающим миром. Актуальность работы обусловлена изменениями, связанными с тем, как современный человек работает с информацией, в том числе с научным знанием.

Методы. В статье используется сочетание методов философской аналогии и сравнения. Объектами сопоставления выступают представления о процедуре принятия и обоснования знания в философии науки с одной стороны и в повседневной культуре (фолк-эпистемологические) с другой.

Основные идеи исследования, его результаты и обсуждение. Принятие знания в философии науки направлено от выработки некоторого множества гипотез к их последующей проверке и опровержению большинства из них. Это означает, что данный процесс является процессом разъединения, в то время как фолк-эпистемологический механизм может быть описан как аддитивный процесс: принятие нового знания «добавляется» или «наращивается» на ранее принятые убеждения.

Заключение. Рассмотренный механизм принятия знания задаётся контекстом ситуации и социальными свойствами познающего субъекта. Предлагается определение аддитивного механизма принятия знания и способы его отличия от механизмов, описывающих иные познавательные практики.

Ключевые слова: фолк-эпистемология, естественная эпистемология, фолк-физика, принятие знания, аддитивное познание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

Введение. Частица «фолк», добавляемая ко многим отраслям научного знания, в последние десятилетия объединила целую совокупность исследований специфики взаимодействия неэкспертного субъекта с научным знанием [11]. Подобные исследования существуют в экономике [18], психологии [3], биологии [6] и других областях, они сопоставляются и ранжируются по порядку приобретения [13]. Фолк-физика или народная физика представляет собой систему убеждений

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

обычных людей о пространстве, времени, движении тел и так далее [12]. То, что отличает фолк-физику от некоторых других дисциплин, связано с универсальностью субъектов, способных быть носителями таких представлений: не существует субъекта, лишённого фолк-физических представлений [9]. Точнее, единственным таким субъектом может быть только профессиональный физик (именно потому, что его представления будут экспертными). Во всех остальных случаях трудно найти пример человека, который, хоть и не является экспертом, не имеет ни малейшего представления об окружающих его физических явлениях и процессах: понятие силы, интенсивности, количества заложены на самых базовых уровнях. Объекты падают, это следует из наблюдения, и в данном случае неважно, какое именно объяснение субъект считает истинным, — будут ли это гравитация или невидимые руки духов, опускающих неприкреплённые предметы к земле, — в любом случае он получает представление о явлении и задаётся вопросом «почему?».

Дихотомия науки и её отражения в массовом сознании не является проблемной, она естественна и становится ещё более естественной в условиях высоких темпов преумножения научных гипотез и научного знания. Начиная это размышление в рамках идеи народного отображения физической картины мира, заметим следующее: наша культура не просто допускает, но и поддерживает фолк-знания о физике для определённых групп населения. К примеру, будет странным на вопрос ребёнка о том, почему солнце кажется жёлтым, отреагировать описанием рэлеевского рассеяния. Вряд ли можно представить себе адекватную ситуацию, в которой новоиспечённый восьмиклассник размышляет подобным образом: «теперь, наконец, я достиг нужного возраста, чтобы узнать, что мой зрительный опыт обманчив, и солнце не жёлтое». Очевидно, что психологическая программа «де-фольклоризации» знания не является решением самого индивида: если субъект сомневается в своём знании, он нацелится уточнить его, убедиться в нём или отказаться от него, но ни одно из этих решений не будет спровоцировано усреднёнными психологическими данными о когнитивных способностях людей в соответствующем возрасте. Речь идёт о том, что в обществе существуют определённые стандарты достаточности понимания и описания тех или иных процессов и явлений, и, вероятно, это связано не только с возрастом. Если мы переключимся с физики на биологию, точнее на фолк-биологию, то найдём ещё более занятный пример: будет не только странным объяснять ребёнку, задающему свой первый философский вопрос, — вопрос о собственном происхождении, — всю правду о развитии новых организмов из половых клеток, но и в некоторых случаях противозаконно (по крайней мере там, где действует закон о возрастном ограничении определённой информации).

С одной стороны, если высказывание «солнце кажется жёлтым из-за рэлеевского рассеяния» истинно, то оно истинно в любом случае, независимо от свойств говорящего. Это означает, что истинность одномерна, она либо характеризует высказывание, либо нет. С другой стороны, мы можем провести измерение разных социальных контекстов этого высказывания, и увидим неоднородность. К примеру, если высказывание «я знаю, что солнце кажется жёлтым из-за рэлеевского рассеяния» будет сказано воспитателем детского сада или если оно будет высказано

аспирантом физического факультета на защите диссертации, следствия будут разные. В первом случае знания субъекта превышают какой-то конвенциональный стандарт знаний, а во втором случае явно недостаточны.

Выходит, существует социально-поощряемая форма фолк-науки [1]. Фолк-физика в данном случае служит «предварительным этапом научной физики» [13] и становится «физикой для тех, кому пока рано знать о зависимости интенсивности рассеянного света от длины волны». Как раз здесь открывается портал в особую сферу, где может быть поставлен вопрос о том, как устроены психические механизмы подготовленности субъекта к тому, чтобы «знать определённое знание».

Методы. К исследованию процессов принятия знания, в том числе входящего в предметное поле фолк-физики, можно подойти двумя способами. Первый — это систематизация опыта, выражающего «народные» представления о действительности, и последующее его обобщение [4]. Второй способ — выявление специфических характеристик искомого явления в его сравнении с явлениями аналогичными. Предложим в данной работе руководствоваться вторым способом, и в основу сравнения положим вопрос о том, каково основное свойство процесса принятия знания в рамках научного мышления и в рамках фолк-эпистемологии.

Основные идеи исследования, его результаты и обсуждение. У Э. Юдковского есть одно интересное размышление [21, р. 61—62] о ситуациях, в которых недоступность знания человека (или человека знанию) обретает форму социокультурной нормы. Он вспоминает, во-первых, родителей, отвечающих фразами: «Когда я был в твоём возрасте, я тоже задавал такие вопросы, но теперь я вырос». Во-вторых, директора школы с репликой «неважно, кто именно из вас затеял драку, я не хочу это знать». В-третьих, представителей государств, которые говорят меньшим группам прекратить боевые действия «прямо сейчас, независимо от причин». Все три примера иллюстрируют своеобразную мудрость неведения, которая допустима с учётом возраста или статуса говорящего. Но главным, что можно увидеть в этих примерах, является то, что фолк-знание социально неравномерно, и данная неравномерность предстаёт как часть общего социального порядка.

Интуитивная теория, объясняющая физические явления, как часть способного к мышлению существа, фигурировала в гипотезах нескольких проектов 80-х годов XX века: научное знание будто «пристраивается» к ранее сформированной (иногда предлагают — врождённой) системе представлений о физических процессах [2; 10; 15; 19]. В обыденной жизни мы не только работаем с заученными из школы законами физики, но и выполняем операции, которые за редким исключением способны полностью понять, взять хотя бы способность людей неосознанно рассчитывать траекторию и скорость движения в толпе, не попадая в столкновения. Более того, в конкретных исследованиях можно пронаблюдать, что эти самые «ранее сформированный/врождённые» наивные представления современного человека во многом похожи на предположения ранних учёных [14; 17; 5]. Выходит, современное научное знание выросло из той же фолк-науки, которой руководствуется обыватель, то есть из *первично очевидных разумному существу* объяснений. Вот только что бы это могло значить?

Возможно, ответ заключён в том, что «народная» наука не ограничена исключительно наивным пониманием научного знания и культурно-исторической манерой его изложения. Термин «врождённые представления», применявшийся в упомянутых исследованиях, опасен. Здесь крайне важно подчеркнуть, что идея, лежащая в основе этого термина, не имеет ничего общего с известными философии «врождёнными идеями» и несёт исключительно психологическое значение — врождёнными потребности в объяснении, как и почему всё устроено так, как есть. Поиску этой потребности в эволюционной динамике видов психолог В. Кёлер и позже биолог Д. Повинелли посвятили несколько лет своей исследовательской практики. Д. Повинелли резюмирует основные интересы изучения фолк-физики у животных: поскольку не вызывает сомнений тот факт, что шимпанзе могут использовать инструменты, созданные из предметов окружающего мира, то они должны обладать какими-либо представлениями об устройстве «мироздания», значит ли это, что шимпанзе руководствуется фолк-физическими знаниями? Взаимодействие с физическим миром не является исключительным правом человека. Бобры строят плотины, морские выдры ударом камня вскрывают моллюсков, дятлы исследуют насекомых при помощи веточек в слишком узких для клюва отверстиях древесного ствола, а некоторые животные не только используют, но и преобразуют предметы. Примеры этих действий достаточно задокументированы в соответствующей литературе, и найти их не составляет труда. Для нас эти примеры и догадки важны только в контексте следующего вопроса: все живые системы так или иначе взаимодействуют с гравитацией, пространством, силой, формой, движением, но, если говорить о таких приматах, присутствует ли это в их сознании?

Фолк-физика, понимание физического мира, которое развивается естественно и спонтанно в процессе развития, пронизывает и взрослое, здравомыслящее представление о том, почему мир работает так, как он работает [16, р. 2]. Многочисленные исследования по использованию и созданию инструментов шимпанзе не затронули фундаментального различия между пониманием того, что инструменты работают, и пониманием того, почему они работают. Здесь Д. Повинелли делает важное для нас заключение о том, что фолк-физика, в отличие от научной физики, предназначена для описания и понимания ситуаций, с которыми мы можем столкнуться [16, р. 3]. В народной физике не существует понятия «специальная теория относительности», поскольку обыватель не может вывести из него инструкцию наподобие той, что следует из фразы «если что-то подбросить вверх, то оно упадёт вниз». Это можно генерализовать до фолк-науки в целом, которая меньше озабочена событиями настолько малыми, что исключена из практического опыта субъекта, и которая стремится к резонному знанию, к знанию-инструкции или знанию-описанию о том, как нам взаимодействовать с окружающим нас физическим миром.

Почему в процессе эволюции возникли организмы, обладающие неточными знаниями о физическом мире? Ответ очевиден: если наивная, неточная народная физика объясняет и предсказывает диапазон обстоятельств, с которыми обычно

сталкиваются люди (здесь стоит вспомнить недавний пример с СТО), то с эволюционной точки зрения она работает.

Свойства объекта, с точки зрения фолк-физики, следуют исключительно из чувственного опыта. Вряд ли кто-то готов взяться за обоснование способности шимпанзе к рассудительному описанию природы ненаблюдаемых явлений. Д. Повинелли заключает: принципы народной физики шимпанзе основаны на вещах, которые могут быть непосредственно восприняты, включая последовательности действий, которые могут быть сохранены в памяти как визуальные образы [16, p. 307].

Фолк-эпистемология, как и фолк-физика, изначально выстраивается на перцептивно основанных суждениях, что значит, что их обоснование следует из закономерного чувственного опыта. И это значит для нас чуть больше, чем кажется на первый взгляд. Представим, что нам стал известен случай шимпанзе-астрофизика и теперь нам необходимо проследить механизмы его перехода из обычного шимпанзе в астрофизика, но поскольку этот мысленный эксперимент служит для дальнейшего анализа фолк-эпистемологии, то и механизм нас интересует, разумеется, не биологический. Отбросив в сторону возможность обучаться, сфокусируемся на том, как это преобразование искажает естественное состояние фолк-эпистемологии шимпанзе. Исходным тезисом является утверждение, что формирование народной физики в общем-то следует из народной теории познания. Иными словами, сначала мы принимаем факт, что опыт — это источник истины, а затем уже опыт свидетельствует нам о физическом мире. Все физические знания, которые недоступны шимпанзе, не следуют из опыта и требуют рационального познания. Выходит, первое, что должно было случиться с этим гипотетическим шимпанзе, — это принятие факта о недостаточности чувственного опыта. Теперь, когда наш шимпанзе способен к мысленной работе с невидимыми явлениями, он может справиться с новыми переменными, например, с моделями явлений, а не самими явлениями. Его феноменологический опыт дополнился ранее неизвестными переживаниями — умозрительными. Этого достаточно, чтобы вместо алгоритмического воспроизведения известных причинно-следственных связей пробовать прогнозировать варианты событий. Однако, этого пока недостаточно, чтобы стать астрофизиком, для этого потребуются ещё одна категория. Это категория ложного.

То, как человечество пришло к результатам, наполнившим современную науку о физическом мире, вряд ли похоже на то, как об этом рассказывает школьный курс физики. История науки — это не только история великих открытия, но также и история огромного числа ошибок и заблуждений. Однако, их преодоление было бы невозможно без понятия «ложь», которая в непосредственном опыте, вроде опыта обычного шимпанзе, недоступна. Выходит, гипотетический шимпанзе научится отличать заблуждения, при том отличая именно истинное от ложного, а не ложное от истинного, и эту разницу стоит рассмотреть отдельно.

Заключение. Необходимо подытожить: народное знание контекстуально, оно является одной из форм выражения социального ожидания, и соответствие реальности этим ожиданием оценивается при помощи определённых стандартов. Конечно, с точки зрения философской теории познания, эти стандарты не являются

эпистемическими в строгом смысле, поскольку они не касаются знания как такового, но они в полной мере применимы к фолк-эпистемологическим ситуациям. Главный тезис заключается в том, что пара «истина — ложь» в фолк-эпистемологии зеркально отражает взаимосвязь этих же понятий в научной эпистемологии. В научной эпистемологии истина как бы вторична: сначала мы предлагаем несколько гипотез, и методом исключения среди ложных обнаруживаем истинные. Выходит, что мы как бы изначально производим ложь, — не намеренную, то есть без негативной коннотации, — и только потом в бочке дёгтя ищем молекулы мёда. Фолк-эпистемология, кажется, устроена совсем наоборот: принимая истину, мы попытаемся её сохранить и защитить от чуждых «новых» истин, и в связи с тем отпадает потребность в производстве числа гипотез. Данный процесс отражает скорее добавление новых убеждений к существующим, чем исключение ложных, и потому может быть назван аддитивным (от английского *add* — добавлять). В повседневной жизни за истину «болеют». Несостоятельность ложной теории незаметна, когда мы не знаем о правилах мышления и даже о существовании таких правил. Или, как отметил Э. Юдковский: «то, что угрожает лжи, за которую вы цепляетесь, вы отвергаете, словно бы заталкивая солнце обратно за горизонт» [21, р. 337]. Но фолк-эпистемология потому и «фолк», что протекает своим естественным путём, неподвластным нормативным требованиям.

Борьба с ложными убеждениями, если верить когнитивистам [7], свойственна человеку в возрасте трёх—пяти лет. До этого изменение опытных данных влечёт изменение не только своих представлений, но и описание предшествующих, ошибочных представлений [8]. Основной вывод состоит в том, что дети в возрасте до трёх лет не имеют понятия веры, потому что они не справляются с «задачей ложной веры», и здесь мы видим действие упомянутого ранее эволюционного принципа. Однако, в целом это остаётся областью психологического интереса, нам же достаточно задать вопрос о том, что вообще значит «обретать способность бороться с ложными убеждениями». Понятно, что в нашем организме нет специального детектора заблуждений, который генетически запрограммирован на включение в возрасте трёх—пяти лет. Также понятно, что одного только опыта недостаточно для того, чтобы структурировать возведённые на нём суждения на истинные и ложные, начиная с достижения заветного возраста. Стоит предположить, что речь идёт о способности выстраивать соответствие между опытом и высказывании об опыте, и тогда эта способность должна происходить из коммуникации, из языка.

Аддитивное познание — это концепт, позволяющий выразить определённый механизм принятия нового знания: целое собирается из частей, притом каждая последняя часть состыковывается с имеющимися. Научное познание не является аддитивным, напротив, оно направлено на уточнение, на избавление от лишних частей. В этом смысле аддитивным является механизм принятия знания неэкспертным субъектом информационного общества. Эта черта становится особо заметной в условиях массивных информационных потоков и появления необходимости выбирать не только источники знаний, но и их интерпретацию.

Список литературы

1. Bender A. The role of culture and evolution for human cognition // *Topics in Cognitive Science*. 2019. P. 1—18. DOI: <https://doi.org/10.1111/tops.12449>
2. Caramazza A., McCloskey M., Green B. Naive beliefs in “sophisticated” subjects: Misconceptions about trajectories of objects // *Cognition*. 1981. Vol. 9. No. 2. P. 117—123. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(81\)90007-X](https://doi.org/10.1016/0010-0277(81)90007-X)
3. Castro V. F. Justification, conversation, and folk psychology // *Theoria: An International Journal for Theory, History and Foundations of Science*. 2019. Vol. 34. No. 1. P. 73-88. DOI: <https://doi.org/10.1387/theoria.18022>
4. DeVito M. A. et al. How people form folk theories of social media feeds and what it means for how we study self-presentation / DeVito, M. A., Birnholtz, J., Hancock, J. T., French, M., & Liu, S. // *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2018. P. 1—12. DOI: <https://doi.org/10.1145/3173574.3173694>
5. DiSessa A. A. Unlearning Aristotelian physics: A study of knowledge-based learning // *Cognitive science*. 1982. Vol. 6. No. 1. P. 37—75. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0601_2
6. Evans E. M. Bridging the gap: From intuitive to scientific reasoning — The case of evolution // *Perspectives on science and culture*. 2018. P. 131—148. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt2204rxr.12>
7. Flavell, J. H., Miller, P. H. Social cognition // In W. Damon (Series Ed.), D. Kuhn, & R. Siegler (Vol. Eds.), *Handbook of child psychology: Vol. 2. Cognition, perception, and language* (5th ed.). New York: Wiley, 1998. P. 851—898.
8. Gopnik, J.W. Astington. Children's understanding of representational change and its relation to the understanding of false belief and the appearance-reality distinction // *Child Development*. 1988. Vol. 59. P. 1—14. DOI: <https://doi.org/10.2307/1130386>
9. Gow L. Everything is clear: All perceptual experiences are transparent // *European Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 412—425. DOI: <https://doi.org/10.1111/ejop.12427>
10. Kaiser M. K., Proffitt D. R., Anderson K. Judgments of natural and anomalous trajectories in the presence and absence of motion // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1985. Vol. 11. No. 4. P. 795. DOI: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.11.1-4.795>
11. Keil F. The Challenges and Benefits of Mechanistic Explanation in Folk Scientific Understanding // *Advances in Experimental Philosophy of Science*. 2019. P. 41—57. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350068896.0006>
12. Kitchener R. F. Personal epistemology and philosophical epistemology: The view of a philosopher // *Links between beliefs and cognitive flexibility*. Springer, Dordrecht, 2011. P. 79—103. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-1793-0_5
13. Lespiau F., Tricot A. Primary knowledge enhances performance and motivation in reasoning // *Learning and Instruction*. 2018. Vol. 56. No. 1. P. 10—19. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2018.02.007>
14. McCloskey M., Kohl D. Naive physics: The curvilinear impetus principle and its role in interactions with moving objects // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1983. Vol. 9. No. 1. P. 146—156. DOI: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.9.1.146>
15. McCloskey M., Washburn A., Felch L. Intuitive physics: the straight-down belief and its origin // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1983. Vol. 9. No. 4. P. 636—649. DOI: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.9.4.636>
16. Povinelli D. *Folk physics for apes: The chimpanzee's theory of how the world works*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 412 p.
17. Shanon B. Aristotelianism, Newtonianism and the physics of the layman // *Perception*. 1976. Vol. 5. No. 2. P. 241—243. DOI: <https://doi.org/10.1068/p050241>
18. Swedberg R. Folk economics and its role in Trump’s presidential campaign: an exploratory study // *Theory and Society*. 2018. Vol. 47. No. 1. P. 1—36. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-018-9308-8>
19. Todorovic D. Is kinematic geometry an internalized regularity? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 24. No. 4. P. 778—778. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X01790085>

20. Wimmer, J. Perner Beliefs about beliefs: Representation and constraining function of wrong beliefs in young children's understanding of deception // *Cognition*. 1983. Vol. 13. P. 103—128. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(83\)90004-5](https://doi.org/10.1016/0010-0277(83)90004-5)

21. Yudkowsky E. *Rationality: from AI to Zombies*. Berkeley, MIRI, 2015. 2393 p.

Авторская справка

ГОЛУБИНСКАЯ Анастасия Валерьевна, кандидат философских наук, научный сотрудник, Университет Лобачевского, ННГУ, Нижний Новгород, Россия. E-mail: golub@iio.unn.ru.

UDC 165+304

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.9

ADDITIVE MECHANISMS OF KNOWLEDGE ACCEPTION (ON THE EXAMPLE OF NATURAL SCIENCE)²

A. V. Golubinskaya

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod (Russia)

Introduction. The article presents the investigation of how patterns of acceptance of natural science knowledge are fixed in the current culture, and how the characteristics of the subject connects with the mechanisms that describe cognitive activity. The author analyzes the phenomenon of knowledge accepting and connects it first with the pragmatics of the subject's interaction with the surrounding world. The relevance of the work is due to changes related to how modern people work with information, including scientific knowledge.

Methods. The article bases on the combination of methods of philosophical analogy and a comparative method. The objects of comparison are the complex of ideas about the procedure for accepting and justifying knowledge in the philosophy of science on the one hand and in everyday culture (folk-epistemology) on the other.

Results. The acceptance of knowledge in philosophy of science is directed from the development of a certain set of hypotheses to their subsequent verification and refutation of the most of them. This means that this process is a process of disconnection, while the folk-epistemological mechanism can be described as an additive process: the acceptance of new knowledge is "added" or "built up" on previously accepted beliefs.

Conclusion. The considered mechanism for accepting knowledge is set by the context of the situation and the social properties of the cognizing subject. We propose a definition of an additive mechanism for accepting knowledge and ways to distinguish it from mechanisms that describe other cognitive practices.

Keywords: folk epistemology, natural epistemology, folk physics, acceptance of knowledge, additive cognition.

References

1. Bender A. The role of culture and evolution for human cognition // *Topics in Cognitive Science*. 2019. pp. 1—18. DOI: <https://doi.org/10.1111/tops.12449>

2. Caramazza A., McCloskey M., Green B. Naive beliefs in “sophisticated” subjects: Misconceptions about trajectories of objects // *Cognition*. 1981. Vol. 9. No. 2. pp. 117—123. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(81\)90007-X](https://doi.org/10.1016/0010-0277(81)90007-X)

3. Castro V. F. Justification, conversation, and folk psychology // *Theoria: An International Journal for Theory, History and Foundations of Science*. 2019. Vol. 34. No. 1. pp. 73—88. DOI: <https://doi.org/10.1387/theoria.18022>

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

4. DeVito, M. A., Birnholtz, J., Hancock, J. T., French, M., & Liu, S. How people form folk theories of social media feeds and what it means for how we study self-presentation // *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2018. pp. 1—12. DOI: <https://doi.org/10.1145/3173574.3173694>
5. DiSessa A. A. Unlearning Aristotelian physics: A study of knowledge-based learning // *Cognitive science*. 1982. Vol. 6. No. 1. pp. 37—75. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0601_2
6. Evans E. M. Bridging the gap: From intuitive to scientific reasoning — The case of evolution // *Perspectives on science and culture*. 2018. pp. 131—148. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt2204rxr.12>
7. Flavell, J. H., Miller, P. H. Social cognition // In W. Damon (Series Ed.), D. Kuhn, & R. Siegler (Vol. Eds.), *Handbook of child psychology: Vol. 2. Cognition, perception, and language* (5th ed.). New York: Wiley, 1998. pp. 851—898.
8. Gopnik, J.W. Astington. Children's understanding of representational change and its relation to the understanding of false belief and the appearance-reality distinction // *Child Development*. 1988. Vol. 59. pp. 1—14. DOI: <https://doi.org/10.2307/1130386>
9. Gow L. Everything is clear: All perceptual experiences are transparent // *European Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 27. No. 2. pp. 412—425. DOI: <https://doi.org/10.1111/ejop.12427>
10. Kaiser M. K., Proffitt D. R., Anderson K. Judgments of natural and anomalous trajectories in the presence and absence of motion // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1985. Vol. 11. No. 4. pp. 795. DOI: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.11.1-4.795>
11. Keil F. The Challenges and Benefits of Mechanistic Explanation in Folk Scientific Understanding // *Advances in Experimental Philosophy of Science*. 2019. pp. 41—57. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350068896.0006>
12. Kitchener R. F. Personal epistemology and philosophical epistemology: The view of a philosopher // *Links between beliefs and cognitive flexibility*. Springer, Dordrecht, 2011. pp. 79—103. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-1793-0_5
13. Lespiau F., Tricot A. Primary knowledge enhances performance and motivation in reasoning // *Learning and Instruction*. 2018. Vol. 56. No. 1. pp. 10—19. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2018.02.007>
14. McCloskey M., Kohl D. Naive physics: The curvilinear impetus principle and its role in interactions with moving objects // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1983. Vol. 9. No. 1. pp. 146—156. DOI: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.9.1.146>
15. McCloskey M., Washburn A., Felch L. Intuitive physics: the straight-down belief and its origin // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1983. Vol. 9. No. 4. pp. 636—649. DOI: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.9.4.636>
16. Povinelli D. Folk physics for apes: The chimpanzee's theory of how the world works. Oxford: Oxford University Press, 2000. 412 p.
17. Shanon B. Aristotelianism, Newtonianism and the physics of the layman // *Perception*. 1976. Vol. 5. No. 2. pp. 241—243. DOI: <https://doi.org/10.1068/p050241>
18. Swedberg R. Folk economics and its role in Trump's presidential campaign: an exploratory study // *Theory and Society*. 2018. Vol. 47. No. 1. pp. 1—36. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-018-9308-8>
19. Todorovic D. Is kinematic geometry an internalized regularity? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 24. No. 4. pp. 778—778. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X01790085>
20. Wimmer, J. Perner Beliefs about beliefs: Representation and constraining function of wrong beliefs in young children's understanding of deception // *Cognition*. 1983. Vol. 13. pp. 103—128. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(83\)90004-5](https://doi.org/10.1016/0010-0277(83)90004-5)
21. Yudkowsky E. Rationality: from AI to Zombies. Berkeley, MIRI, 2015. 2393 p.

Author's bio

GOLUBINSKAYA Anastasia Valerievna, Ph.D., researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, NNSU, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: golub@ioo.unn.ru.

Библиографическая ссылка

Голубинская А. В. Аддитивные механизмы принятия знания (на примере естественно-научных знаний) // *SocioTime / Социальное время*. – 2020. – № 2(22). – С. 9-17. – DOI: [10.25686/2410-0773.2020.2.9](https://doi.org/10.25686/2410-0773.2020.2.9)

ТВОРЧЕСТВО И ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ

А. А. Попель

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия)

Введение. Цель статьи — показать эволюцию творчества в условиях общества потребления.

Методы. Сравнительно-исторический метод и диалектика.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. Традиционно творчество ассоциируется с тем, что ранее сокрытая от наших органов чувств, в определенном смысле сакральная, сущность творчества начинает самовизуализироваться, обретать осязаемые формы через акт сотворения нечто нового, ранее не существовавшего продукта. На протяжении многих столетий общественное представление о том, что следует считать творческим, не подвергалось существенным изменениям и оказалось устойчивым к сменяющим друг друга социально-политическим системам — творчество традиционно отождествлялось с созданием прекрасного, которое должно было соответствовать критериям гармонии и эстетики.

Возникшее в результате прихода неолиберализма общество потребления провозгласило культ постоянного обновления и адаптации, что привело к возникновению нового типа человека — «пластилинового человека» (по Б. Ю. Кагарлицкому). Рост информационных технологий, в свою очередь, ускоряет экспансию культурной стандартизации. Происходящие изменения затронули характер творческого труда. Экономике требуются уже не единичные «креативы», создающие свои гениальные шедевры ценой болезненных, подчас бесплодных, попыток на протяжении долгих лет; напротив, процесс производства новых «продуктов с добавленной творческой стоимостью» должен быть максимально свернут во времени и, образно выражаясь, поставлен на поток.

Заключение. «Подлинное» творчество, как деятельность, направленная на создание нового продукта, который, помимо всего прочего, должен обладать и определенной общественной полезностью, постепенно подменяется «творческим суррогатом», цель которого сводится к максимальному эпатированию публики, как правило, через апеллирование к её низменным инстинктам и влечениям, при этом общественная полезность (как и иная другая) остаётся вынесенной за скобки понимания творящего.

Поставленное на рельсы коммерциализации творчество все более и более утрачивает своё истинное предназначение, превращаясь из особого дара в продукт массового потребления.

Ключевые слова: креативность, общество потребления, фриланс, информационные технологии.

Введение. Творчество неразрывно сопровождало человека на всем протяжении его долгого эволюционного пути — от изобретения простейших орудий труда до создания сложных инженерных систем и механизмов. Именно благодаря творческому гению стали во многом возможны все достижения современной цивилизации, которыми по праву может гордиться современное общество — от покорения космоса до создания мировых шедевров живописи. Непосредственная возможность сотворения нечто нового, более совершенного по сравнению с предыдущими образцами, и выступает необходимым условием эволюционного развития человеческой цивилизации, который открывает для нас новые горизонты развития, делает возможным научное познание, что в конечном итоге позволяет каждому из нас реализовать свой собственный творческий потенциал.

Однако, несмотря на несомненное признание ведущей роли творчества в развитии нашего общества, исторически ситуация с его изучением оказалась не столь

безоблачной, поскольку на протяжении многих десятилетий проблема творчества оказалась в буквальном смысле «выпавшей» из сферы научных интересов как социологии, так и психологии. Первые положительные сдвиги наметились лишь в середине прошлого века с появлением первых серьёзных исследований по этой проблеме, однако, несмотря на достигнутые с тех пор успехи, выражающиеся преимущественно в довольно обширном массиве накопленных теоретических и эмпирических фактов, учёным так и не удалось не только найти сколь-либо внятный ответ на главный вопрос: «Что представляет собой творчество и что считать творческим?», но даже создать единую универсальную теорию творчества, которая позволила бы связать зачастую противоречивые результаты исследований в единое теоретическое целое.

Методы. Сравнительно-исторический метод и диалектика. Применение этих методов позволяет нам наиболее полно описать явление в динамике, его эволюции во времени.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. Уже на самом раннем этапе исследования творчества в середине прошлого века насчитывалось более полусотни его определений, и мы с большой степенью уверенности можем предположить, что за прошедшее время их количество существенно возросло. К сожалению, чересчур широкий плюрализм мнений не только не способствовал интеграции всего многообразия данных в единую концепцию, которая была бы приемлемой для большинства, но, напротив, окончательно завёл научное сообщество в тупик [1]. Традиционно творчество ассоциируется с тем, что ранее сокрытая от наших органов чувств, в определенном смысле сакральная, сущность творчества начинает самовизуализироваться, обретать осязаемые формы через акт сотворения нечто нового, ранее не существовавшего продукта [2—7].

Действительно, творческими в равной степени можно назвать и музыкальные произведения, и предметы живописи, научные теории, технические изобретения и многие другие артефакты; однако диапазон того, что подпадает под это определение, оказался слишком широк, поскольку творческими в таком случае нам придётся признать как шедевры мировой культуры и искусства, изобретения в технике, новые концепции в науке, так и то, что окружает нас в повседневной жизни, например, необычный дизайн одежды, оригинальный рецепт блюда и др. Возникла необходимость уточнить критерии того, что можно считать творческим. Ф. Баррон, один из наиболее авторитетных исследователей творчества, предложил считать творческим такой продукт, который соответствовал бы критериям новизны, оригинальности и востребованности социальным окружением [3]. Несмотря на кажущуюся очевидность предложенных критериев, Баррон вскоре подвергся справедливой критике: действительно, если исходить из понимания оригинального как нечто нового, ранее не существовавшего, отличного от традиционного, мы неизбежно рано или поздно попадём в ловушку, поскольку в равной степени оригинальными нам придётся признать и новый рецепт салата, и проявления психопатологии, которые, несмотря на всю свою оригинальность и эксцентричность, как мы понимаем, имеют мало общего с творчеством. Ситуацию с критерием новизны усугубляет и пресловутый «парадокс новизны», согласно которому любой новый

продукт, с одной стороны, будет неизбежно воспроизводить в своей структуре (пусть и в разных пропорциях) «старые», привычные нам, элементы; с другой стороны, подобное смешение нового и старого неизбежно приведёт к возникновению между ними качественно иных отношений, что даст нам определенные основания считать получившийся продукт условно «новым».

Потерпев фиаско в определении творческого через соотношение нового и старого в творческом продукте, в качестве альтернативного и, как полагали, более объективного критерия „творческой“ продукта вскоре был предложен критерий осмысленности. На первый взгляд, подобное решение выглядело весьма заманчивым, поскольку, если творчество рассматривать безотносительно его общественной полезности, то мы окажемся не способными отличить подлинно креативные идеи от, например, шизофренических, которые зачастую превосходят первых по уровню оригинальности, однако, при этом обладают весьма сомнительной эффективностью. Но и здесь ситуация оказалось не столь определенной, поскольку огромное количество творческих продуктов, особенно в живописи и музыке, с трудом, если вообще можно назвать осмысленными в полном смысле этого слова. Другими предложенными критериями были следующие: продукт должен производить сильное впечатление [8], должен быть экономным [5], вызывать необратимые изменения в человеческом опыте [9], использоваться социумом, создавшим его [10], содержать необычные сенсорные образы или трансформации [11].

Весьма оригинальное решение данной проблемы мы можем найти у М. Боден [12], которая предлагает выделить два уровня творчества: Н-творчество (историческое творчество) и Р-творчество (индивидуально-личностное творчество). Нам следует считать идею или продукт Р-творческой, если они выступают новыми для непосредственно творящего, даже если подобная идея или продукт уже были созданы до него; Н-творческой же предлагалось считать абсолютно новую идею. Следует отметить, что на протяжении многих столетий общественное представление о том, что следует считать творческим, не подвергалось существенным изменениям и оказалось устойчивым к сменяющим друг друга социально-политическим системам. С античных времён и до середины двадцатого века творчество традиционно отождествлялось с созданием прекрасного, которое должно было соответствовать критериям гармонии и эстетики. Красота обнажённого тела, воплощённая в скульптурах Микеланджело, изящность математических формул Пуанкаре, технические новации Теслы на многие десятилетия, если не на века, опередившие своё время, являются наиболее выразительными примерами творчества в классическом его понимании.

Ситуация стала стремительно меняться с приходом неолиберализма, который сменил собой индустриальное общество. Возникшее в результате его прихода общество потребления провозгласило культ постоянного обновления и адаптации, что привело к возникновению нового типа человека — «пластилинового человека», как его метко охарактеризовал известный отечественный социолог Б. Ю. Кагарлицкий: «люди становятся не тем, чем хотели стать, а безликим, пластичным материалом, подлежащим постоянной переработке. „Пластилиновый человек“ на разные лады лепит себя сам, но делает это не по собственной инициативе, а под-

чиняясь недвусмысленно сформулированным требованиям системы. Идея перемен, новаций, гибкости становится культом, самоцелью. Новация превращается в фетиш. Уже никто не спрашивает, зачем и для чего нужно „новое“, лучше ли оно старого. Новизна становится достоинством сама по себе» [13, с.35]. Обратим наше внимание на последнюю фразу — новация становится достоинством сама по себе. В ней, на наш взгляд, в максимально концентрированном виде раскрывается основная движущая сила, которая и привела к поистине титаническим сдвигам в понимании творчества и творческого. Продукт творчества более не обязан отвечать классическим требованиям; более того, с него снимается необходимость побуждать аудиторию к размышлению, сопереживанию и рефлексии, он более не обязан быть лучше своих предшественников. Главное — чтобы он был более «новым», чем предшествующие образцы.

Необходимость (именно необходимость, зачастую противоречащая желаниям самого человека) обладания подобными «постоянно обновляемыми» артефактами становится культом, который подобно громадной воронке начал затягивать в своё ненасытное чрево все больше и больше рядовых людей, искренне убеждённых в том, что обладание более совершенным (визуально или технологически) предметом потребления повышает их социальный статус, представляет их как более успешных людей в глазах их социального окружения. Огромную роль в этом процессе сыграло бурное развитие информационных технологий. «Творчество» (или «креативность», выражаясь выхолощенным языком политехнологов) — вот ключевое слово эпохи информационных технологий. Именно благодаря ему труд из библейского проклятия всё в большей степени превращается в развлечение. «Разумно трудящийся» человек всё в большей степени становится, по выражению Йохима Хёйзинги, более полувека спустя подхваченному и распространённому братьями Стругацкими, «человеком играющим» [14, с.9].

Рост информационных технологий, в свою очередь, ускоряет экспансию культурной стандартизации. Как пишет Б. Ю. Кагарлицкий: «Для того, чтобы национальные культурные продукты окупались и приносили настоящую прибыль, они должны успешно продаваться на американском рынке и на глобальном рынке, подчинённом голливудским стандартам. Чем больше стандартизируется культура, тем больше она превращается в разновидность бизнеса, тем больше её создатели и потребители оказываются заложниками корпораций» [16, с.30]. В результате происходящих процессов стираются границы между государствами, размывается культурная идентичность, мир все больше и больше глобализуется.

Происходящие изменения не могли не затронуть и характер творческого труда. Экономике срочно требуются уже не единичные «креативы», создающие свои гениальные шедевры ценой болезненных, подчас бесплодных, попыток на протяжении долгих лет; напротив, процесс производства новых «продуктов с добавленной творческой стоимостью» должен быть максимально свернут во времени и, образно выражаясь, поставлен на поток.

Ситуация усугубляется тем, что, поскольку теперь творческий вынужден «обслуживать» интересы тех, кто оплачивает его творческий труд, он все меньше и меньше принадлежит самому себе, происходит стремительное сужение границ то-

го, что мы называем подлинным творчеством, творчеством по зову, а не по принуждению, что приводит к катастрофическому нарастанию разрыва между «желаемым» и «требуемым». Вот как описывает весь драматизм ситуации с научным творчеством российский экономист, публицист и политик М. Г. Делягин: «Сложившиеся в последние десятилетия условия и правила развития мировой общественной науки, если и не делают качественные скачки в развитии человеческой мысли институционально невозможными, то, во всяком случае, кардинально затрудняют их. Ведь гранты по вполне объективным коммерческим причинам предоставляются преимущественно на гарантированное и потому, как правило, заведомо незначительное продвижение вперед» [14, с.6].

Последствия подобного подхода к научным исследованиям весьма печальны: вместо того, чтобы посвятить себя работе над фундаментальными научными проблемами, имеющими высокую общественно-полезную ценность, многие учёные подчас вынуждены заниматься бесконечным уточнением ранее открытого или подгонять результаты своих научных исследований под требования заказчика, чтобы обеспечить себе относительно приемлемое финансирование. Также работник более не отчуждается от рабочей силы, поскольку «с приобретением трудом преимущественно творческого характера, такое отчуждение становится технологически невозможным. Соответственно, место эксплуатации занимают отношения кооперации владельцев принципиально различных и дополняющих друг друга производительных сил» [там же]. В своей работе Р. Флорида выделяет три взаимосвязанных вида творчества: технологическое, экономическое и художественное [15]. Остановимся более подробно на технологическом творчестве. По мнению Е. П. Ильина, оно близко научному, но обладает рядом отличительных признаков: «1. Оно опирается на наглядно-образные и наглядно-действенные компоненты мышления. 2. Процесс технического творчества выражается в изобретательстве, конструировании, а его продуктом является изобретение механизмов, конструкций, отвечающее запросам практики. Отсюда его *рациональность и утилитарность* (выделено мной — А. П.). 3. То, что изобретается, не существует до его создания, хотя и опирается на уже имеющийся технический базис, на достигнутый уровень технического прогресса» [16, с.20].

С сожалением приходится наблюдать, что современное техническое творчество под давлением ценностей общества потребления, главным из которых является уже упомянутое нами создание нового ради нового во имя последующего его потребления, подвергается процессу маргинализации, суть которого лучше всего можно охарактеризовать ставшей уже печально знаменитой фразой о том, что на производстве инженеры окончательно уступили место маркетологам.

Дело в том, что уже на этапе проектирования подавляющего большинства технических изделий инженеры все больше и больше вынуждены отходить от решения таких традиционно инженерных задач как, например, продление ресурса изделия, повышение его ремонтпригодности и пр. в угоду бесконечных улучшений во имя улучшения эстетики и чувства комфорта от его использования. В результате рациональность и утилитарность технического изделия окончательно уступили место малозначимым (а зачастую и попросту ненужным) в технологиче-

ском плане «украшательствам». Как здесь не вспомнить про принцип «новации ради новации» во имя все большей и большей прибыли. Классическим примером поражения инженеров в битве с маркетологами является проект «вечного» автомобиля (Forschungsprojekt Langzeit Auto), который был впервые продемонстрирован компанией Porsche в далёком 1973 (!) году, однако, несмотря на свою феноменальную долговечность и просто запредельный запас прочности (средний срок службы, по мнению разработчиков, должен был составить 20 лет), до массового производства этой модели, увы, добраться было не суждено. Маркетологи, разглядев в ней скрытую угрозу как собственным рабочим местам, так и самой концепции массового потребления, на волне борьбы за экологию стали активно продвигать идею экологичного автомобиля — гораздо менее долговечного, но допускающего возможность вторичной переработки, которая и была в конечном итоге выбрана в качестве ведущей концепции в автомобилестроении. С тех самых пор единственный прототип «вечного» автомобиля по-прежнему одиноко стоит в музее Porsche как грустное напоминание о несбывшихся надеждах.... Все это приводит нас к весьма неутешительным выводам: эпоха создания фундаментальных технических открытий и изобретений, например, экранопланов и судов на подводных крыльях, разработанных нашим земляком Р. Е. Алексеевым и создавшим принципиально новый класс транспортных средств на стыке судостроения и авиационной техники, постепенно подходит к своему закату, что, с нашей точки зрения, свидетельствует о деградации технического творчества в классическом его понимании.

Оставим для последующих работ оценку тех поистине колоссальных изменений в понимании творческого, которые пришли вместе с эпохой неоллиберализма, и попытаемся найти ответ на не менее актуальный вопрос: как вообще стала возможной ситуация, когда те смыслы, которыми наше общество традиционно вкладывало в понятие творчества и творческого на протяжении многих веков, оказались подвержены столь стремительным изменениям, а зачастую и просто утеряны? Для ответа на этот вопрос обратимся к истории. Уже в 60-е годы прошлого столетия авторитетный американский теоретик менеджмента Питер Друкер выдвинул предположение о том, что главенствующей фигурой постиндустриальной экономики станет «интеллектуальный работник», что в конечном итоге приведёт к формированию нового социального порядка, в котором выигрывают те, кто будет обладать знаниями и способностью творчески решать нестандартные задачи [17]. Данная идея получила своё дальнейшее развитие в работе известного американского социолога Ричарда Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». По мнению автора, основу современной западной экономики составляют уже не столько непосредственно сами знания, а креативность, которая «стала решающим фактором конкурентного преимущества. Практически во всех отраслях — от автомобилестроения до индустрии моды, от пищевой промышленности до информационных технологий — в долгосрочной перспективе побеждает тот, кто способен творить» [15, с. 31]. Таким образом, именно креативность выступает той всеобъемлющей и непрерывной движущей силой, которая приводит в движение все процессы в экономике и общественной жизни.

В результате мы становимся невольными свидетелями формирования нового

социального класса, отдающего предпочтение новой форме организации труда — фрилансерству. Следует отметить, что фрилансерство с каждым годом становится все более и более популярной формой организации трудовой деятельности среди россиян. Согласно данным отчёта НИУ ВШЭ, в 1992 г. в отечественной экономике насчитывалось 1,8 млн. временных работников, в 2001 г. их количество достигло уровня 4,3 млн. чел., в 2010 г. поднялось до уровня в 5,3 млн. чел., а в 2015 г. составило уже вполне внушительные 6,0 млн. чел [18]. Несмотря на ряд очевидных (хотя и малочисленных) преимуществ, с нашей точки зрения, подобная форма занятости характеризуется одним весьма неприятным обстоятельством, который сторонники фриланса традиционно обходят стороной: многомиллионная армада фрилансеров, ежегодно прирастающая все новыми и новыми членами, требует все большего и большего количества работы (заказов), что в условиях экономической турбулентности как в России, так и в мире в целом, неизбежно приводит к сокращению финансовых ресурсов (заказов) на человека и, как следствие, обострению конкурентной борьбы за их обладание.

Это приводит к обострению необходимости придумывать и воплощать некие атрибуты, которые способствовали бы росту «узнаваемости» каждого отдельного фрилансера, как в части его творческого образа, так и с точки зрения способа выполнения профессиональной деятельности, для того, чтобы с их помощью выделиться из толпы себе подобных десятков тысяч других программистов, видеоблогеров, онлайн-преподавателей и представителей иных творческих профессий. На первый взгляд, казалось бы, вот оно — то самое идеальное поле для реализации своих творческих амбиций, однако, к сожалению, реализация подобных замыслов на практике зачастую принимает весьма уродливые формы, поскольку категория новизны превалирует над всеми прочими атрибутами творческого продукта, прежде всего общественной полезностью. В результате рекорды просмотров в сети традиционно принадлежат отнюдь не наиболее компетентным, наиболее эрудированным авторам, а, напротив, так называемым «экспертам», чей уровень профессиональной компетентности вызывает у нас большие сомнения, равно как и качество их творческой мысли. В итоге медиапространство стремительно заполняется всевозможными фриками, готовыми продемонстрировать все грани своего безумного «гения» только ради одной единственной цели — последующей коммерциализации «творческого» продукта. Более того, подобная тенденция приобретает все более изощренные формы и, словно расплзающаяся по телу раковая опухоль, начинает угрожать даже тем отраслям деятельности, которые, как нам ранее казалось, традиционно обладают к ней довольно стойким иммунитетом — например, образованию. В одной из своих предыдущих работ мы упомянули случай, когда преподаватель одного из лицеев НИУ ВШЭ прочитал (в буквальном смысле!) лекцию по отечественной истории в форме рэп речитатива [19, с.106—114]. Несомненно, подобная форма организации учебного материала отличается новизной и оригинальностью, но та ли это новизна, чтобы ей рукоплескать? Кроме этого, нам в гораздо большей степени хотелось бы узнать лично у автора подобных педагогических «новаций» об уместности изложения сакральных для каждого гражданина нашей страны исторических фактов языком американских уличных банд в стенах универ-

ситета? Неужели подобная клоунада со стороны тех, кто поставлен служить идеалам образования, в угоду современному студенчеству и являет собой образец того самого «нового творчества», о котором так грезил Р. Флорида? Если так, что чему оно способно научить, какие ценности заложит в умы «лайкающих» в восторге от подобного «действия» студентов? Основной причиной подобного тренда, на наш взгляд, выступает постепенное падение уровня общей культуры и интеллекта молодёжи как следствие насаждения неолиберальной модели (вспомним «пластилинного человека» Кагарлицкого).

Заключение. В результате «подлинное» творчество, понимаемое нами как деятельность, направленная на создание нового продукта, который, помимо всего прочего, должен обладать и определенной общественной полезностью, постепенно подменяется «творческим суррогатом», цель которого сводится к максимальному эпатированию публики, как правило, через апеллирование к её низменным инстинктам и влечениям, при этом общественная полезность (как и иная другая) остаётся вынесенной за скобки понимания творящего. Мы становимся невольными свидетелями того, как поставленное на рельсы коммерциализации творчество все более и более утрачивает своё истинное предназначение, превращаясь из особого дара в продукт массового потребления.

Список литературы

1. Amabile T.M., Hennessey B.A. The conditions of creativity // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.). The nature of creativity. Cambridge Press, 1988. P.11—43.
2. Arieti S. Creativity: The magic synthesis. Basic Books, New York. 1976. 212 p.
3. Barron F., Harrington D.M. Creativity, intelligence and personality // Annual Review of Psychology. 1981. Vol.32. P.439—476.
4. Boden M.A. The creative mind: myths and mechanisms. New York: Basic Books; London: Abacus, 1991. 171 p.
5. Boden M.A. Dimensions of Creativity, MIT Press, Cambridge. 1994. 242 p.
6. Chikszentmihalyi, M. Society, culture and person: A system view of creativity // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.). The nature of creativity. Cambridge: Cambridge Press, 1988. P.325—339.
7. Drucker P. The age of discontinuity guidelines to our changing society / P. Drucker. New Jersey, 1992. 364 p.
8. Feldman D.N. The development of creativity // Handbook of Creativity/ Sternberg (ed.). Cambridge, 1999. P.169—189.
9. Gruber H., Devis S. Inching our way up Mount Olympus: the evolving-system approach to creative thinking // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.). The nature of creativity. Cambridge Press, 1988. P.243 —270.
10. Runco M.A., Bahleda M.D. Implicit theories of artistic, scientific and everyday creativity // Journal of Creative Behavior. 1986. Vol.20. P.93—98.
11. Simonton D. Creativity, leadership and chance // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.). The nature of creativity. Cambridge: Cambridge Press, 1988. P.125—147.
12. Taylor C.W. Various approaches to and definitions of creativity // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.), The nature of creativity. Cambridge: Cambridge Press, 1988. P.99—126.
13. Torrance E.P. The nature of creativity as manifest in its testing // R. Sternberg (eds.), The nature of creativity. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 43—75.
14. Деягин М. Г. Мировой кризис: Общая Теория Глобализации. Москва, ИНФРА—М, 2003. 207 с.
15. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одарённости. Питер, 2013. 448 с.
16. Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. М.: Алгоритм: Эксмо, 2012. 224 с.
17. Попель А. А. Экологические аспекты реализации креативного потенциала сотрудника в условиях вызовов на рынке труда. Семейная экосистема человека: монография / З. Х. Саралиева, Г. Л.

Воронин, С. А. Судьин, Д. А. Шпилев [и др.]. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с.

18. Российский рынок труда: тенденции институты, структурные изменения. Под редакцией В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой и С. Рощина // Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и лаборатории исследования рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ. Москва, 2017.

19. Урусов И. К. Проблема трансформации общественного труда в производстве информационных технологий // Социальное время. 2019. №4. С. 48—57.

20. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Классика — XXI, 2011. 430 с.

21. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Социальное время. 2016. № 2. С. 71—82.

Авторская справка

ПОПЕЛЬ Александр Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского национального исследовательского университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

UDC 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.18

CREATIVITY AND CONSUMER SOCIETY

A. A. Popel

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University,
Nizhny Novgorod (Russia)*

Introduction. The purpose of the article is to show the evolution of creativity in the consumer society.

Methods. Comparative-historical method and dialectics.

Results. Traditionally, creativity is associated with the fact that previously hidden from our senses, in a sense sacral, essence of creativity begins to emerge, to become tangible by creating some new, previously non-existent product. Over the centuries, the public perception of what should be considered creative has not undergone significant changes and has proved to be resistant to successive socio-political systems — creativity has traditionally been identified with the creation of beauty, which should meet the criteria of harmony and aesthetics.

The society of consumption that emerged as a result of neoliberalism proclaimed the cult of constant renewal and adaptation, which led to the emergence of a new type of man — "plasticine man" (according to B.Yu. Kagarlitsky). The growth of information technologies, in turn, accelerates the expansion of cultural standardization. These changes have affected the nature of creative work. The economy does not need a single "creator" who creates his masterpieces at the cost of painful, sometimes fruitless, attempts over long years; on the contrary, the process of production of new "products with added creative value" should be maximally curtailed in time and, figuratively speaking, put on stream.

Conclusion. "Genuine" creativity, as an activity aimed at creating a new product, which, among other things, should also have a certain social utility, is gradually replaced by a "creative surrogate", the purpose of which is to shock the public by appealing to its primitive instincts and drives, while the public utility (as well as other) is put beyond the scope of a creator.

Creativity having been heavily commercialized is increasingly losing its true purpose, turning from a special gift into a product of mass consumption.

Keywords: creativity, consumer society, freelance, information technology.

References

1. Amabile T. M., Hennessey B. A. The conditions of creativity // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.). The nature of creativity. Cambridge Press, 1988. P.11—43.

2. Arieti S. Creativity: The magic synthesis. Basic Books, New York. 1976. 212 p.

3. Barron F., Harrington D.M. Creativity, intelligence and personality // *Annual Review of Psychology*. 1981. Vol.32. P.439—476.
4. Boden M. A. *The creative mind: myths and mechanisms*. New York: Basic Books; London: Abacus, 1991. 171 p.
5. Boden M. A. *Dimensions of Creativity*, MIT Press, Cambridge. 1994. 242 p.
6. Chikszentmihalyi, M. *Society, culture and person: A system view of creativity* // R. Sternberg, T. Tardif (eds.). *The nature of creativity*. Cambridge: Cambridge Press, 1988. P.325—339.
7. Drucker P. *The age of discontinuity guidelines to our changing society* / P. Drucker. New Jersey, 1992. 364 p.
8. Feldman D. N. *The development of creativity* // *Handbook of Creativity*/ R. Sternberg (ed.). Cambridge, 1999. P.169—189.
9. Gruber H., Devis S. *Inching our way up Mount Olympus: the evolving-system approach to creative thinking* // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.). *The nature of creativity*. Cambridge Press, 1988. P.243 —270.
10. Runco M. A., Bahleda M. D. *Implicit theories of artistic, scientific and everyday creativity* // *Journal of Creative Behavior*. 1986. Vol.20. P.93—98.
11. Simonton D. *Creativity, leadership and chance* // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.). *The nature of creativity*. Cambridge: Cambridge Press, 1988. P.125—147.
12. Taylor C. W. *Various approaches to and definitions of creativity* // R. Sternberg, T. Tardiff (eds.), *The nature of creativity*. Cambridge: Cambridge Press, 1988. P.99—126.
13. Torrance E. P. *The nature of creativity as manifest in its testing* // R. Sternberg (eds.), *The nature of creativity*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 43—75.
14. Delyagin M. G. *Mirovoy krizis: Obshchaya teoriya globalizatsii*. [The world crisis: general theory of globalisation]. Moscow, INFRA-M Publ, 2003. 207 p.
15. Il'in E. P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarenosti* [Psychology of creativity and giftedness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2013. 448 p.
16. Kagarlitskiy B. YU. *Vosstanie srednego klassa* [The rise of the middle class]. Moscow, Eksmo, Publ., 2012. 224 p.
17. Popel A. A. *Ekologicheskie aspekty realizatsii kreativnogo potentsiala sotrudnika v usloviyakh vyzovov na rynke truda* [Ecological aspects of realization of an employee's creative potential before challenges on the labor market], *Semeynaya ekosistema cheloveka: monografiya*. Nizhny Novgorod, NISOTS Publ., 2018. 225 p.
18. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. Roshchin S. *Rossiyskiy rynek truda: tendentsii instituty, strukturnye izmeneniya* [Russian labour market: tendencies, institutions, structural changes]. Moscow, Tsentr strategicheskikh razrabotok Publ., 2017. 148 p.
19. Urusov I. K. *Problema transformatsii obshchestvennogo truda v proizvodstve informatsionnykh tekhnologiy* [The problem of transformation of social labor to produce information technologies], *SocioTime / Sotsyalnoe vremya*, 2019, No.4. pp. 48—57.
20. Florida R. *The Rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. Hazard Press, 2003. 404p. (Russ. ed.: Florida R. *Creativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee*. Moscow, Klassika — XXI Publ., 2011. 430 p).
21. Shalaev V. P. *Bifurkatsionnyy chelovek v globalnom obshchestve potrebleniya* [Bifurcation man in a global consumer society], *SocioTime / Sotsyalnoe vremya*, 2016, No. 2, pp. 71—82.

Author's bio

POPEL Alexandr Alexandrovitch, candidate of Philosophy, docent of department of general sociology and social work of faculty of social science in Nizny Novgorod national research university named by N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Библиографическая ссылка

Попель А. А. Творчество и общество потребления // *SocioTime / Социальное время*. – 2020. – № 2(22). – С. 18-27. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.18

УДК 130.2

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.28

ОТ «ПОСТМОДЕРНИЗМА» К «ПОСТПОСТМОДЕРНИЗМУ» В КОНЦЕПЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

О. Н. Порошенко

*Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань
(Россия)*

Введение. Завершился ли проект Постмодерна? Или взаимовлияния экономики постфордизма и постмодернистской культуры ещё не достигли своей точки «меры», необходимой для перехода в новое качественное состояние социума? Для поиска ответов на эти вопросы в статье проводится анализ постмодернистских и постпостмодернистских философских концепций, ставших методологической основой для описания современных стилей архитектуры.

Методы. В статье показано влияние ряда идей постструктурализма, деконструктивизма, социального конструктивизма, синергетики, динамизма и диджимодернизма на формулирование принципов параметрического стиля в архитектуре. С этой целью была проанализирована теоретическая концепция современных архитекторов З. Хадид и П. Шумахера и выделен новый принцип эпохи «Постпостмодерна» — непрерывное изменение внутри всех систем и их взаимодействия.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В результате компаративистского анализа архитектурной концепции Бюро «ZahaHadidLTD» и идей философов постмодернизма в статье делается вывод о том, что современная концептуализация архитектуры свидетельствует о значительном влиянии культуры на характер экономики и общественного миропорядка. Современный архитектор способен в рамках своего «стиля» формировать «культурные коды» своей эпохи.

Заключение. Так же как в 60-е годы XX в. философское течение постмодернизма возникло как продолжение идей постмодернизма в архитектуре, в эпоху Постпостмодерна новые архитектурные стили и социокультурная проблематика, отражённая в них, способны дать почву для актуальных философских обобщений.

Ключевые слова: постмодернизм в архитектуре, постфордизм, параметрический стиль в архитектуре, постпостмодернизм.

Введение. Существует два подхода к трактовке проблемы взаимоотношения между экономикой и культурой. Первый связан с именами марксистов Г. Лукача, Т. Адорно, В. Бенямина и «постиндустриалистов» Д. Харви, Л. Гроссберга, С. Холла, Э. Сойяи, Ф. Джеймисон, согласно которому экономические изменения влекут за собой изменения культурные. Второй подход состоит в том, что именно культурные изменения, такие, например, как «языковые игры» Ж. Лиотара, «ирония» привели к экономическим переменам, характерными для эпохи постфордизма³, связанными с противоречиями между индивидуальностью и единообразием. В рамках первого подхода рассматривается проблема взаимовлияния экономической и культурной составляющих и их общего влияния на индивида. Этому

³ В российской социально-философской литературе чаще всего используют понятия «индустриальное» или «постиндустриальное» общество, когда хотят описать культурные и социальные процессы XX—XXI вв. Однако в Европе более привычными понятиями при анализе современных типов общества являются «фордизм» и «постфордизм». Фордистский и постфордистский типы общества характеризуют его, в большей степени, с экономической и производственной стороны. Со стороны культуры каждому из этих обществ соответствует модернистский и постмодернистский типы.

посвящена работа Дэвида Харви [8]. В своей книге Д. Харви утверждает, что культура модернизма появилась одновременно с фордизмом и была ответом на вызванные им социальные противоречия и ценностные сдвиги. Эти социальные противоречия вылились в огромное количество проблем, которые были описаны в концепциях рационализации М. Вебера и отчуждения К. Маркса.

Основной целью фордистского массового производства было превращение человека из субъекта в абстрактный, легко просчитываемый объект (винтик), существующий в полностью рационализированной системе, контролируемой другими людьми в своих собственных интересах. С одной стороны, человек ощущал себя фрагментом системы, с другой — система массового потребления создавала для человека иллюзию личной неприкосновенности, изолированность частной жизни. Этот парадокс нашёл своё отражение в модернистском искусстве, например, в романе Франца Кафки «Процесс» и в картине Эдварда Мунка «Крик». В эпоху постфордизма капитализм превратился в огромную, децентрализованную глобальную сеть, с более глобальной и диверсифицированной системой производства. «Фактически к началу XXI века имеет смысл говорить о сконструированном Западом западофицированном планетарном мире» [7, с.51], который имеет своё распространение на все регионы и страны. Отказ от кейнсианской политики, проводившейся государствами, привёл к созданию новой системы потребления. Постфордистский рынок неоднороден и разбит на сектора. Группы с высоким доходом покупают эксклюзивные, выполненные «по заказу» товары, производимые в небольшом количестве, в то время как малообеспеченные классы продолжают покупать дешёвые массовые товары, что ведёт к усложнению всех процессов, дифференцируемости, сегментированности и углублению неравенства.

Современное общество «постфордизма», создаёт постмодернистскую культуру, которой чужда идея стандартизации и однообразия, и которая, наоборот, стремится к многоплановости, образности, текучести и даже иллюзорности. К основным характеристикам постфордистского общества можно отнести:

1. Технологии с высокой добавочной стоимостью;
2. Гегемония нематериального труда, «интеллектуальный капитал»;
3. Доминирование постматериальных потребностей, связанных с самореализацией;
4. Социализация вне рабочего места;
5. Слабые социальные связи, основанные на «доверии»;
6. Текучесть кадров/мобильность;
7. Возникновение нового креативного класса, использующего в качестве ведущего фактора производства инновации, образование, знание.

Второй подход, с доминантой на культурную составляющую, позволяет сегодня наиболее адекватно объяснить изменения в стилистике и выборе концептов современной архитектуры как части материальной культуры общества, тесно связанной с экономикой.

Методы исследования. В современной мировой критической теории сегодня активно обсуждается феномен «усталости постмодернизма» и переход к новой терминологии «псевдомодернизма», «цифродернизма» и «метамодернизма», в

которых описываются новые формы общественного мироустройства и субъективного восприятия этих форм: разнообразие, многоплановость, эфемерность любых концепций; восприятие мира становится не историчным, а современным, поэтому ничто уже не выглядит новым и прогрессивным; постоянное изменение моды и представления о прекрасном; отмена диалектического единства глубины и поверхности с концентрацией на одномоментность и поверхностность (пример — глобализация и стирание различий между народами); эгоцентричность личности, раздробленной на огромное количество сегментов и потребностей. Вследствие этого происходит «эстетический поворот», наиболее ярко выраженный в стилях современной архитектуры.

В качестве примера можно взять проекты всемирно известного архитектурного бюро Заха Хадид (ZHA) и «Манифест параметризма» архитектора Патрика Шумахера [9]. Патрик Шумахер вместе с Захой Хадид представили «параметризм» как «новый глубокий стиль внутри авангардистской архитектуры». По мнению Шумахера, параметризм стал ответом постфордистского общества на почти вековую гегемонию «фордистского» модернизма в архитектуре и дизайне. В своём манифесте, описывающем новый архитектурный стиль, П. Шумахер обращается к идеям Ж. Лиотара, Ж. Делёза, Ж. Дерриды, Н. Лумана. Фактически, манифестируя новый стиль в практически создаваемых архитектурных объектах, архитекторы обращаются к существующим философским концепциям постструктурализма, деконструктивизма, социологического конструктивизма, динамизма и дифференциальной логики.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Основные принципы, описанные в «Манифесте», построены в соответствии с вышеперечисленными постмодернистскими «теориями»:

- В отличие от модернизма, параметризм отрицает использование идентичных повторяющихся элементов, правильных геометрических форм и наложение несвязанных между собой элементов. В новой архитектуре активно используются плавные перетекающие поверхности, взаимозависимые элементы и вариации самоорганизованных форм.

- На смену структурам приходят функции. В функциональном плане параметризм предполагает отказ от жёсткого деления на функциональные зоны в пользу более проницаемых и многоцелевых пространств. Так, если в основе идеологии модернизма лежало массовая типовая застройка, то теперь в основе параметризма лежит массовая индивидуализированная застройка.

- Сенсуальный метод параметристов преследует цель максимального акцентирования явной дифференциации и визуального усиления дифференциальной логики. Это воспринимается как элегантность упорядоченной сложности, чувство бесшовной текучести, родственной природным системам, что является отличительным признаком параметризма.

- Основной задачей параметрической архитектуры становится формирование насыщенной многоуровневой, непрерывно и плавно меняющейся городской среды.

- Принцип дифференциации через поиск зависимостей приходит на смену комплексности. Дифференцируемость в любой системе связана с изменениями в других системах. В систему архитектурного объекта включаются многие параметры (архитектурный объект, окружающая среда, наблюдатель).

- Интенсивность экономических и социальных процессов городского сообщества отражается в отзывчивости и динамичности окружающей среды (динамизма сил, потенции, энергии).

- Провозглашается универсальный гуманизм всего живого в глобальном масштабе, который приходит на смену антропоцентризма. Интеграция (слитность) с ландшафтом, окружающей средой.

- Применяется метод интерпретации абстрактных построений через работу с экстраординарными диаграммами как приёма инфографики (семиотика) для создания протоизображений.

- Актуализируется тектоническая артикуляция как структурный экспрессионизм. Используется глубокая соотносительность как интеграция морфологии зданий посредством детальной артикуляции тектоники и внутренней организации.

- Особый акцент делается на высвобождение скрытых творческих сил архитектора, снятие устаревших типологических форм. Раскрытие подсознательного, интуитивного, иррационального с целью поиска скрытых смыслов.

- Возрастает роль информационности через включение в архитектурный объект кибервиртуальной реальности и визуальной культуры.

В перечисленных принципах современного архитектурного стиля мы видим адаптацию основных философских концепций, как эпохи Постмодерна, так и новых «постпостмодернистских» идей.

Социальным символом наступления постструктурализма стал революционный кризис 1968 во Франции. Он свидетельствовал об изменении духовного климата и социальной чувствительности. Постструктурализм выражает разочарование в проекте Просвещения. Постструктурализм, так же как и структурализм, сохраняет языково-знаковый взгляд на мир, он практически осуществляет намерение структурализма объединить научно-философский подход с искусством, рациональное с чувственным и иррациональным, учёного с художником. Но, в отличие от структурализма, он отказывается от понятий структуры и системы, от структуралистского универсализма. Постструктурализм не стремится объективно «выяснить» действительность, независимую от субъекта, главное для него — раскрепощение желаний и поиск удовольствия в любом жизненном акте. Соответственно для постструктурализма важны недифференцированность длительности-становления, самодостаточность события, сингулярность, эмоции и аффекты, пульсация энергий, случайность, фрагментарность, разнородность. ««Тексты», «дискурсы» и «стили письма» становятся важными в постструктурализме не своей системной связностью, а, наоборот, своей отрезочностью, вычленённостью, принципиальной необобщаемостью... Абсолютизация «различия» позволяет в постструктурализме всё называть интертекстуальным — цитатным, аллюзивным, перекликающимся через голову эпох и веков» [1]. Постструктурализм нацелен на создание новой практики «открытого» чтения.

Для деконструктивизма важно понимание многослойности, вариативности, многозначности текста и отсюда возникает необходимость особого текстологического анализа, с помощью которого выделяются опорные понятия и метафоры, указывающие на то, что в анализируемом тексте есть переклички с другими текстами. В результате такого способа выявляются новые маргинальные смыслы. В деконструктивистском анализе руководствуются в большей степени «чувствительностью», нежели используют объективистский метод исследования.

Ж. Деррида вводит глагол «differer», означающий одновременно «различать» и «отсрочивать» и соответствующий неографизм «differ-Ance» («различАние»). Данное понятие поясняет, что всякий текст живёт среди откликов, «перекличек», «прививок», «следов» одного текста на другой. Другой представитель деконструктивизма Ж. Делёз формулирует цель жизни как возможность добиться сосуществования всех повторений в пространстве распределения различия, где маскируется и смещается «дифференциальное» (differential). Здесь Делёз отсылает нас к идее «Вечного возвращения» Ф. Ницше. «Вечное возвращение» это всегда есть возвращение того, что способно к отличию, отбору, устранению средних форм и высвобождению высшей формы всего что есть, поэтому оно всегда есть избирательное бытие и высшее мышление. Субъект в деконструктивизме — «безумец, колдун, дьявол, ребёнок, художник, революционер, шизофреник»; он — «слуга беспорядка», рупор стихий, превосходящих систему; его цель — «свести с ума структурализм, культуру, общество, религию, психоанализ» [2].

В рамках социологического конструктивизма Н. Лумана при разработке определения общества используется в необычном смысле, известное для науки понятие системы. Суть необычного использования состоит в том, что здесь под системой понимаются не определенные виды объектов, а *процесс различения* системы и окружающей среды. Социальная система это самовоспроизводящаяся самоопиываемая система, постоянно устанавливающая границы между собой и своей средой. Самовоспроизводство системы осуществляется посредством процессов системной дифференциации, редукции комплексности, операционной замкнутости и самореференции. В отличие от структурно-функционального подхода Т. Парсона, для которого первичной и определяющей по отношению к «функции» является «структура», Н. Луман выделяет первичность функции, а не структуры. Элементы социальной системы Лумана не люди, а коммуникации. Он лишает понятие «субъект» какого бы то ни было предметного основания («гуманистическое предубеждение») и сводит общество не к взаимодействию индивидов, а к «сети коммуникаций».

В синергетической теории И. Пригожина основными концептами выступают «переоткрытие времени», «позитивная» нестабильность и нелинейность. Формулирует холистическое миропонимание, Пригожин использует идеи становления и самоорганизации. Подход Пригожина сближает «западную науку» с древневосточной философской традицией, в частности с идеями холизма и динамизма в даосизме, о чем писал Ф. Капра в своей работе «Дао физики» [5].

В классической европейской философии (Г. В. Лейбниц) динамизм противопоставит механицизму. Здесь материя есть форма проявления действующих сил. Фи-

лософия процесса как становления получила своё отражение в работе А. Бергсона «Творческая эволюция» [3]. Бергсон использовал принципы творческой эволюции и жизненного порыва, согласно которым происходит переход от простых форм организации материи к более сложным. Канвой реальности, по мнению А. Бергсона, является «длительность — текучесть». Все эти идеи в последствие были переосмыслены в неклассической философии XX в.

Центральной идеей диджимодернизма, по А. Кирби является вывод о том, что Постмодерна больше нет. Ему на смену приходит то, что можно назвать «псевдомодернизмом» [10]. Под последним автор понимает эпоху, для которой характерны совершенно новые технологии, и, как следствие, изменившиеся отношения между «аудиторией» и продуктами культуры, созданными в цифровом мире — современные «тексты», «контент» и динамика, которые напрямую зависят от участия зрителя или слушателя. Теперь автора, создававшего когда-то произведения искусства в действительности, нет, а всё, что производят участники культурного процесса — это «текст» в самом широком понимании слова.

Модернизм и постмодернизм испытывали влияние «тяжкого ощущения предшествующего культурного наследия», которого больше не существует. «Невоспроизводимый и мимолётный диджимодернизм страдает амнезией: есть лишь культурные акты настоящего, не связанные ни с будущим, ни с прошлым» [6, с.203]. Ключевыми чертами эпохи становятся — переход от популярной культуры к развлечениям для детей, отход от иронии к серьёзности и рождение «бесконечных нарративов». Доминирующим социальным трендом современности XXI в. становится «аутизм», ставший нормой и определяющий социально-историческую и культурную идентичность. Современный индивид — «аутист» оправдывает добровольную изоляцию от общества, а социопатическое как его характеристика становится нормативным и легитимируется посредством репрезентации в культуре.

Заключение. В результате анализа ставших уже «классическими» постмодернистских идей, остаётся актуальным вопрос, заданный когда-то Ю. Хабермасом об эпохе Модерна: завершился ли проект Постмодерна? Или взаимовлияния экономики постфордизма и постмодернистской культуры ещё не достигли своей точки «мерь», необходимой для перехода в новое качественное состояние? Вывод, который делает П. Шумахер в своём «Манифесте», состоит в том, что «постмодернизм» закончился, и он так и не смог установить своего окончательного «принципа». Поэтому автор «Манифеста» провозглашает свой новый принцип эпохи «Постпостмодерна» — непрерывное изменение внутри всех систем и их взаимодействия. Насколько сможет этот «принцип» лечь в основу будущих философских течений, подобно интеллектуальным концепциям постмодернизма, возникших в конце 60-х годов XX в. как расширение понятия, использованного Ч. Дженксом в книге «Язык архитектуры постмодернизма» [4], покажет история.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Постструктурализм // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe582c8604b992ee6c8eae5> (дата обращения 22.04.2020).

2. Артамонова Ю. Д. Эволюция структуральных методов анализа культуры (неопубликованные материалы рукописи). URL: https://studme.org/162690/istoriya/strukturalizm_vozmozhnosti_opisanii_istoricheskikh_protseessov (дата обращения 22.04.2020).
3. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. А. Флеровой. Москва: КАНОН-пресс, Кучково поле. 1998.
4. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. Москва: Стройиздат. 1985.
5. Капра Ф. Дао физики: Общие корни современной физики и восточного мистицизма. Москва: София. 2008.
6. Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II, 2. С. 197 — 212.
7. Шалаев В. П. Не-запад в глобальном обществе потребления: безопасность и аттракторы развития // Socio time / Социальное время. 2019. №3 (19). С. 51—64. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.3.51
8. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge & Oxford: Blackwell, 1990.
9. Schumacher P. Parametricism — A New Global Style for Architecture and Urban Design in: AD Architectural Design — Digital Cities. Vol 79. No 4, July/August 2009. URL: http://www.patrikschumacher.com/Texts/Parametricism%20-%20A%20New%20Global%20Style%20for%20Architecture%20and%20Urban%20Design.html#_ednref2 (дата обращения 22.04.2020).
10. Kirby A. Dijimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.-Y.: Continuum Publishing Corporation, 2009.

Авторская справка

ПОРОШЕНКО Ольга Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань, Россия. E-mail: olgaporo@mail.ru.

UDC 130.2

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.28

***FROM "POST-MODERNISM" TO "POST-POST-MODERNISM"
IN THE CONCEPTS OF MODERN ARCHITECTURE***

O. Y. Poroshenko

Kazan State University of Architecture and Engineering, Kazan (Russia)

Introduction. Has the Postmodern Project completed? Or have the mutual influences of the economy of Postfordism and Postmodern culture still not reached their point of “measure” necessary for the transition to a new qualitative state of society? In order to find answers to these questions in article was analyzed postmodern and post-postmodern philosophical concepts that have become the methodological basis for describing of modern styles of architecture.

Methods. The article is devoted to analysis of postmodern and post-postmodern philosophical concepts that have become the methodological basis for description of contemporary styles of architecture. To this aim theoretical concept of modern architects Z. Hadid and P. Schumacher was analyzed and a new principle of the “Post-Postmodern” era was identified — continuous change within all systems and their interactions. In particular, article shows the influence of post-structuralism, deconstructivism, social constructivism, synergetics, dynamism, and digimodernism on the formulation of parametric architecture’s principles.

Results. As a result of a comparative analysis of the architectural concept of Zaha Hadid LTD Bureau and the ideas of philosophers of postmodernism in the article was concluded that modern conceptualization of

architecture indicates a significant impact of culture on the nature of the economy and the public world order. A modern architect is capable of forming “cultural codes” of his era within the framework of his “style”.

Conclusion. The article concludes that contemporary conceptualization of architecture testifies the significant influence of culture on nature of economy and public world order. Like in 60s of XX century postmodernism as philosophical approach arose as a continuation of ideas of architectural postmodernism in Postpostmodern era new architectural styles and socio-cultural issues reflected there can provide the basis for actual philosophical generalizations.

Keywords: postmodernism in architecture, postfordism, parametric style in architecture, post-postmodernism.

References

1. Avtonomova N.S. Poststrukturalizm [Poststructuralism]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe582c8604b992ee6c8eae5> (accessed 22 April 2020).
2. Artamonova U.D. Evolutsiya strukturnykh metodov analiza kultury (neopublikovannye materialy) [Evolution of structural methods of cultural analysis (unpublished manuscript materials)]. Available at: https://studme.org/162690/istoriya/strukturalizm_vozmozhnosti_opisaniy_istoricheskikh_protseessov (accessed 22 April 2020).
3. Bergson A. Tvorcheskaya evolutsiya [Creative evolution], Moscow: KANON-press, Kuchkovo pole, 1998.
4. Djenks Ch. Yazyk arkhitektury postmodernizma [Language of postmodern architecture], Moscow: Stroyizdat, 1985.
5. Kapra F. Dao fiziki: obshchie korni sovremennoy fiziki i vostochnogo mistitsizma [Tao of Physics: common roots of modern physics and Eastern mysticism.], Moscow: Sofiya, 2008.
6. Pavlov A.V. Obrazy sovremennosti v XXI veke: didjimodernizm: retsenzia na knigu Alana Kirby [21st Century Images: Digimodernism: Book Review by Alan Kirby], *Filosofiya. Zhurnal Vysschey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2018, T. II, 2, pp. 197 — 212.
7. Schalaev V.P. Ne-zapad v globalnom obschestve potrebleniya: bezopasnost i attraktyory razvitiya [Non-West in a Global Consumer Society: Security and Development Attractors], *Sociotime / Sotsialnoe vremya*, 2019. №3 (19). pp. 51—64. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.3.51
8. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge & Oxford: Blackwell, 1990.
9. Schumacher P. Parametricism — A New Global Style for Architecture and Urban Design in: AD Architectural Design — Digital Cities. Vol 79. No 4, July/August 2009. Available at: http://www.patrikschumacher.com/Texts/Parametricism%20-%20A%20New%20Global%20Style%20for%20Architecture%20and%20Urban%20Design.html#_ednref2 (accessed 22 April 2020).
10. Kirby A. Dijimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.-Y.: Continuum Publishing Corporation, 2009.

Author's Bio

POROSHENKO Olga Yurievna, PHD in philosophical sciences, Ass. Prof., Kazan State University of Architecture and Engineering, Kazan, Russia. E-mail: olgapor@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Порошенко О. Н. От «постмодернизма» к «постпостмодернизму» в концепциях современной архитектуры // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 2(22). – С. 28-35. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.28

КОРОНАВИРУС — НОВАЯ ТОЧКА ОТСЧЁТА. ОТ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ К НЕИЗВЕСТНОМУ БУДУЩЕМУ

¹М. С. Сафонов, ²О. Н. Гуров

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва (Россия);

²Институт философии Российской академии наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва (Россия)

Введение. Заявленная тема непосредственно затрагивает актуальную проблему пандемии коронавируса. В статье проводится философский анализ текущего состояния техногенной цивилизации через призму стремительных потрясений всех общественных систем в результате пандемии COVID-19. Актуальность исследования обусловлена фактом того, что развитие техногенной цивилизации в настоящее время основано исключительно на научно-техническом прогрессе. При этом законы науки используются и для управления социальными и общественными процессами. В данных условиях очевидна необходимость рассмотреть риски и угрозы цивилизации, которые накладывает технократический подход, а также возможности, имеющиеся в арсенале культуры и цивилизации, для обеспечения дальнейшего развития.

Методы. В качестве основных методов исследования выступили аналитический, системный и синергетический подходы, которые в совокупности позволяют раскрыть глубину контекстов исследуемой темы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

На основании проведенного исследования делается предположение о том, что существующей системе координат недостаёт социально-этического измерения. Пандемия коронавируса, заставившая пошатнуться все основные институты цивилизации, является показательным примером тому, как шатко и бесперспективно положение техногенной цивилизации в текущих условиях. В статье раскрывается позиция о необходимости формирования новой этической системы, нового мировоззрения, которое будет способным объективно отразить и дать трезвую оценку происходящим процессам в цифровом и физическом мире. Формирование новой парадигмы, в основу которой лягут социально-этические положения, является спасательным кругом для человечества в условиях кризиса основных категорий цивилизации и культуры. Новое мировоззрение позволит не допустить разрушения того, что созидалось веками, и станет платформой для дальнейшего прогресса с учётом человеческого измерения.

Заключение. Итогом исследования стал вывод о необходимости консолидации частных и разрозненных инициатив, направленных на обеспечение стабильного и устойчивого развития, во всеобъемлющую программу, которая сможет учесть особенности и интересы всех участников общественных процессов и будет направлена на формирование человеко-ориентированной системы координат. Результаты работы могут быть полезны в междисциплинарном поле исследований цивилизационных процессов.

Ключевые слова: Техногенная цивилизация, коронавирус, метапаразит, потребление, кризис.

Введение. В настоящее время осуществление политических и экономических процессов синхронизировано, мы наблюдаем неразрывную связь между ними. Точно также переплетены гуманитарные и точные науки, и становится невозможным отделить одно от другого. С одной стороны, нет сомнений в том, что успешное развитие общества, прогресс, решение любых проблем на макро- и микроуровнях уже невозможно без соответствующего технического обеспечения. С другой стороны, развитие технологий и сама техногенная цивилизация ставят под угрозу само существование человечества. В настоящее время мы наблюдаем такие масштабные явления, как завершение глобализационных процессов и разрушение системы однополярного мира. В результате сдвигов фактически тектонического масштаба, модель функционирования цивилизации оказалась в определенном кризисе. Возможно утверждать, что концепция техногенной цивилизации не является полностью состоятельной, что подтверждается фактом существования и даже увеличения критических для выживания человека и социума рисков и угроз, включающих как экологическую составляющую, так и саму техносферу как таковую. Пандемия коронавируса и связанные с ней явления являются печальной и убедительной иллюстрацией. США больше не супердержава, Китай выиграл Третью Мировую войну, не сделав ни одного выстрела, и никто не смог помешать этому, а европейцы не так образованны, как кажется.

Возможно, технологии и стали своего рода важнейшим стратегическим инструментом в обществе и определяют его жизнеспособность и конкурентоспособность. Однако процесс их развития выходит за привычные рамки чисто технической проблемы, поскольку содержит в себе широкий комплекс философских аспектов, что обуславливает острую необходимость адекватной оценки его влияния на теоретические и практические аспекты всех видов деятельности. Особенно актуально данная ситуация предстаёт в тех реалиях, с которыми мы столкнулись только что. Уроки, которые мы получаем, начиная с декабря 2019 века, когда практически все умы человечества занимает такое явление, как COVID-19, требуют всеобъемлющего философского исследования.

Методы. К числу главных методов проведённого исследования можно отнести аналитический и системный подходы, которые позволяют раскрыть глубину контекстов исследуемой темы, а также синергетический подход, с помощью которого сделана попытка описать проблематику техногенной цивилизации в текущей ситуации. По мнению авторов, исследуемая проблематика в наиболее адекватной форме может быть описана совокупностью применяемых подходов, поскольку данный комплекс позволяет детально выявить проблематику и предложить варианты дальнейшего развития.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. С теоретической точки зрения техногенная цивилизация характеризуется тем, что базу её развития составляет постоянная трансформации, как естественной среды, так и социума. Перманентные изменения осуществляются с помощью достижений, обусловленных развитием науки и техники, и, следовательно, совершенствованием производства. Исторически техногенная цивили-

зация является достаточно молодым явлением. Большинство учёных сходится в том, что её возникновение имело местов Западной Европе. Именно там, в период XV—XVII веков постепенно начал складываться новый тип цивилизационного развития, качественно отличающийся от предыдущих типов. Новая модель развития оказалась взаимосвязанной с формирующимся техногенным обществом.

Начал складываться новый тип цивилизаций, который оказался качественно отличным и, более того, даже противоположным по отношению к традиционным обществам, которые существовали до этого. Именно новые определяющие признаки, начиная с периода Возрождения, и явились фундаментом для культурной парадигмы техногенной цивилизации. В XVII столетии она начала своё самостоятельное развитие и за несколько последующих столетий прошла три значительных этапа: сначала прединдустриальный, далее — индустриальный, и, в конце концов, постиндустриальный. Базисом её зарождения, развития и существования в целом, является в первую очередь совершенствование технического знания и технологий, постоянное увеличение количества и качества фундаментального и прикладного научного знания, а также его применение во всех основных сферах цивилизационной деятельности. Именно таким образом и появился тип развития, который стал базироваться на постоянном изменении природы и общественных систем. Отдельно необходимо отметить, что изменения всех процессов осуществляются в постоянно ускоряющемся темпе, что оказывает существенное влияние на жизнь человека и на все сферы предметного мира [1].

Наиболее важная перемена, обуславливающая постепенное превращение традиционного общества в техногенную цивилизацию, заключается в том, что смыслом и важным активом, обладающим главным значением, становится автономия личности. Как известно, в традиционном обществе действует противоположная позиция: в нём личность существует и имеет право на ограниченную самореализацию только в контексте принадлежности к какой-либо внутренней системе координат, к тем или иным корпорациям. В традиционном обществе, если человек не является представителем определенного сословия, профессии и пр., он не может считаться личностью. Позднее, во время перехода от традиционного общества к техногенной цивилизации, появляется новое измерение личностной автономии. Требование, чтобы человек являлся частью той или иной корпорации, перестаёт быть обязательным, человек освобождается от необходимости быть прикованным к ограничениям, которые играли столь важную роль ранее.

Человек обретает возможность и способность выстраивать коммуникации с различными людьми по своему выбору, он получает свободу для собственной идентификации с разнообразными социальными сообществами, для изучения и следования культурным традициям, которые не присущи ему по праву рождения или по другим причинам. Свобода выбора такого качества позволила совершить качественную трансформацию социальных связей. Постоянно развивающаяся и меняющая мир техногенная цивилизация и взаимосвязанный с ней

научно-технический прогресс являются основой для перманентной трансформации моделей и форм коммуникации, и шире — типологии общения. На этой основе постоянно изменяются нормы, правила, образ жизни, да и сами личностные типы. Изменения формируют заметный даже в разрезе достаточно коротких периодов времени прогресс, который нацелен на продолжение изменений. Движение прогресса неизменно направлено в сторону будущего.

Говоря о культуре техногенной цивилизации, нельзя не отметить важнейший элемент системы ценностей, среди прочих во многом определяющий смысл деятельности и человеческое предназначение. Речь идёт об особом отношении к природе и её понимании. В смысловом поле техногенной цивилизации природа выступает в качестве познаваемой и логичной системы, своего рода управляемого ресурса и пространства мирового устройства. На этой территории, функционирующей по понятным и логическим законам, высший представитель разумной жизни, человек, осознающий законы природы, обладает всей полнотой власти над этими законами и природными явлениями самых разных масштабов. Его право, цель и задача — получить контроль и использовать для собственного блага законы природы и её ресурсы, независимо от того, какую цену приходится за это платить. Целью деятельности человека является преобразование, которое само по себе представляется инструментами, средствами подчинения и господства. В данном случае — ради обеспечения прогресса над явлениями природы. Целью прогресса человека в рамках техногенной цивилизации является достижение позиции владыки и управляющего обстоятельствами, которая в предыдущих формациях воспринималась недоступной человеку для контроля и руководства. Процесс трансформации человека из существа, ведомого природными и социальными обстоятельствами, в хозяина над ними, интерпретируется глоссарием техногенной цивилизации как достижение успеха и обретение мощи над общественными силами и над природой. Человек становится творцом, силой, которая способна менять мир, и тем самым исполняет предназначение, которое ранее относилось лишь к божественным силам. Эта способность изменять мир проявляется благодаря приложению приобретённой мощи к природной среде, а также и к общественной сфере.

В связи с вышеизложенным, огромное значение начинает иметь научно-технический фокус, определяющий особый взгляд на мир. Основой этого взгляда является стремление к научному познанию мира с целью его последующего преобразования. А самым главным является то, что фокус на научное познание дарит человеку уверенность, что он в силах регулировать, управлять и даже изменять правила и законы природы, и кроме этого, законы общественной жизни, в целях достижения поставленных перед собой задач. В этом контексте ключевым условием для достижения вечно ускользающего, но определённо находящегося в будущем, процветания и дальнейшего прогресса, является такая категория, как научность. Таким образом, существование и развитие техногенного общества характеризуется высокой оценкой и признанием в качестве главной ценности научной рациональности, которая оказывает непосредственное и мощное влияние на все сферы культуры и жизни человека.

Каждый из нас проживает сейчас странные дни. Мы с удивлением обнаружили, что наша планета быстро восстанавливается и без участия человека, а нефть абсолютно бесполезна в обществе без потребления. Люди сами становятся настоящими вирусами, а богатый человек на самом деле может быть менее защищён, чем бедный. Люди становятся эгоистичными и подлыми, независимо от их социально-экономического положения, когда цены растут, но мы можем потратить миллионы на людей без какой-либо бюрократии. И самое главное, никакие священники, будь они православные или католические, равнины или имамы, не смогут спасти пациентов, и в кризисных условиях медицинские работники стоят больше, чем самые известные футболисты. Мы неожиданно поняли, как животные чувствуют себя в зоопарке. У нас неожиданно поменялась система координат. Большинство людей может работать из дома, дети могут прожить без фастфуда, осужденные на лишение свободы за мелкие преступления могут быть освобождены, постоянно мыть руки и соблюдать гигиену не сложно и т. д. Но как жить в условиях не только пандемии, но и инфодемии, информационной эпидемии, обилия информации из различных источников, правдивой и фейковой, профессиональной и дилетантской, объективной и субъективной, научной и антинаучной? [8]. Как определить в новом информационно-культурном пространстве, где находится правда, или хотя бы соблюсти интеллектуальный и эмоциональный нейтралитет?

Несколько лет назад был предложен новый термин «метапаразит», понятие, описывающее страх человека перед неизвестными или откровенно враждебными явлениями, которые в условиях информационного общества распространяются способами, подобными тому, как это происходит с паразитарными инфекциями [3, с. 41—47]. В качестве примера реализованной в локальном масштабе на практике концепции метапаразитизма была приведена история геноцида в Руанде 1994 года, во время которого представители более многочисленной народности хуту, традиционно занимавшей низшую социальную ступень в обществе, уничтожили сотни тысяч тутси, аристократической верхушки общества — паразитов с точки зрения бедняков. При этом идеологи хуту называли тутси «тараканами, которых следует истребить». Массовые убийства и сброс трупов в реки и колодцы, отсутствие возможности для захоронения огромного числа погибших, а также массовые изнасилования, привели к эпидемиям холеры и росту заражений населения паразитарными заболеваниями, то есть, в данной ситуации в единый клубок сплелись явления из политической, социальной, сельскохозяйственной и медицинской сфер.

Аналогичную конструкцию, но уже в планетарном масштабе, мы наблюдаем сегодня — существуют болезнь, вирус, инфекция в физическом мире, и параллельно с ней возникает такой же вирус в информационном, культурном пространстве. Эти токсичные и вирулентные явления превращаются в плодотворную почву для разрушительных тенденций в международных отношениях, экономических процессах, культуре — практически во всех сферах жизни. Мы наблюдаем становление настоящей метапаразитарной конструкции мирового масштаба, и каждый участник информационных процессов выступает актив-

ным субъектом и объектом этого процесса. Пандемия коронавируса затронула практически все сферы хозяйственной жизни и профессиональной деятельности. Рынок труда уже испытывает реальные сложности. По данным одной из рекрутинговых компаний, в феврале 2020 года прекратили принимать на работу 12% работодателей, а в марте это показатель достиг 40%. [7] ТПП РФ, проводя мониторинг сложившейся ситуации, считает, что около 3 миллионов предпринимателей среднего и малого бизнеса могут прекратить свою деятельность, и около 8 миллионов человек рискуют остаться безработными в ближайшей перспективе [5].

Мы видим, что пандемия затронула буквально все сферы жизни, и, к сожалению, по мнению ряда учёных, это закономерный результат развития техногенной цивилизации. В своих работах, посвящённых кризису этой модели развития общества, В. Е. Лепский утверждает, что в техногенной цивилизации базовые ценности, научно-технический прогресс и наука, не уделяют внимания и не учитывают гуманитарную составляющую. Социальные ценности, имеющие колоссальное значение, не входят в данную систему координат. Более того, не берётся в расчёт управление и контроль социальных процессов с учётом этической составляющей. Угрозы, которые стоят перед нами вследствие развития технологического сегмента экосферы, обусловлены непониманием и неприятием этических и социальных норм. Другими негативными факторами является расширяющаяся пропасть между субъектной и различными видами искусственно создаваемых реальностей (виртуальной, дополненной, смешанной). Отдельно необходимо упомянуть риски, связанные со злоупотреблением результатами развития техносферы, направленными во вред обществу, в частности, для манипуляции различными социальными процессами [4].

Коллега В. Е. Лепского, В. С. Стёпин, философ, работавший в СССР и России и занимавшийся широким кругом вопросов, таких как организация и история науки, теория познания и философия культуры, в своё время также исследовал данную проблематику. Он писал, что существуют ключевые ценности, которые могут существовать и развиваться в комплексе. Это поддержка, развитие и сохранение, как человека, так и всей человеческой культуры и цивилизации, шире — всего человечества. И далее, биосферы и техносферы, которая преодолела границы физического мира, и уже включает цифровую реальность. По мнению В. С. Стёпина, развитие цивилизации возможно лишь при фокусе на таких ценностях и при создании условий для их успешного развития. При этом важно не забывать ошибки и успехи прошлого для использования лучшего опыта и недопущения повторных промахов. Подобный подход позволит преодолеть слабую позицию техногенной цивилизации, основанной на торжестве потребления и идеалах рыночной экономики, и продемонстрировавшей свою несостоятельность. Скрепляющим звеном всех элементов посттехногенной цивилизации должны стать этические и моральные ценности, которые станут фирменным знаком и глубинным наполнением новой формации [6].

Заключение. Мы должны признать тот факт, что в условиях пандемии коронавируса цифровые технологи прошли реальную проверку. Возвращаясь к

теме образования, отметим, что в недавнем прошлом дистанционное образование было отдельным направлением деятельности и являлось альтернативой «офлайну». Но сегодня нам нужен гибкий подход, подразумевающий, что регулирование будут осуществляться не через федеральные законы, а через подзаконные акты. И это подразумевает не только правовое регулирование, но также необходимость качественного повышения уровня цифровой грамотности. Под цифровой грамотностью понимаются не только правила работы с гаджетами и компьютерами, но, в первую очередь, знакомство и принятие норм и правил работы и коммуникаций в цифровом пространстве.

Сейчас сложно делать какие-то прогнозы, ситуация меняется стремительно, и наши рассуждения носят гипотетический характер, но в этих поистине экстремальных условиях важно, чтобы каждый человек имел доступ к полезной информации, в том числе, и от практиков, находящихся на «передовой». Это нужно для сохранения «человеческого», чтобы не отказаться от стандартов гуманизма либо в пользу системы тотального контроля, либо хаоса и анархии. При этом особенно важен поиск системных подходов в новых условиях. Даже перспективы развития уходят на второй план по сравнению с необходимостью достижения стабильности. Риски высокого уровня безработицы, переход бизнеса в онлайн, необходимость реформирования систем здравоохранения и образования требуют активного участия всех стейкхолдеров общественных процессов для качественного обновления системы. С правовой точки зрения необходим пересмотр доктрин, которые ранее казались незыблемыми. Сейчас стоит задача проанализировать приемлемые ограничения свободы в условиях чрезвычайной ситуации с учётом необходимости установить такие критерии допустимости, как соразмерность и пропорциональность. Особенно важно в текущих условиях провести различия общего и частного порядка, требуется составить список людей с особыми потребностями, для которых должны действовать особые правила.

Особый вызов стоит перед системой образования. Нам всем очевидно, что если бы мы строили больше школ, то пришлось бы строить гораздо меньше больниц. Ещё до пандемии в нашей стране отмечалось несоответствие стандартов и уровня подготовки специалистов в целом, говорилось о необходимости принятия неотложных мер для повышения стандарта подготовки специалистов во всех учебных заведениях России и устранения диспропорции в качестве подготовки студентов. Одним из инструментов решения этой задачи является цифровизация, которая позволяет предотвратить разрыв на всех уровнях, неизбежный при недостаточном внимании к развитию технологий. В условиях пандемии коронавируса эти явления получили мощный импульс к развитию, став, по сути, единственным инструментом для коммуникации между администрацией, преподавателями и студентами. При этом, множество поступающих уведомлений и инструкций затрудняет возможность ориентироваться в таком объёме информации. Безусловно, снижается качество образования, так как культура дистанционного образования ещё не сложилась.

С учётом того, что в результате биологической эволюции и развития цивилизации и науки возник человек, создавший техногенную цивилизацию, и вместе с этим ему удалось перейти от интеллекта к мышлению и от знания к творчеству, сегодня перед всеми нами стоит задача дальнейшего осознанного развития [2]. Таким образом, речь идёт о формировании этической системы, нового мировоззрения, которое объективно оценит всё происходящее в цифровом (и столь зависящем от цифры) физическом мире и учтёт необходимость определения новых процессов и понятий. Это не должна и не может быть исключительно законодательная инициатива, равно как недостаточно и усилий отдельных организаций, научных, коммерческих или общественных. Необходимо консолидировать разрозненные инициативы в дополняющие друг друга программы развития с вовлечением всех заинтересованных сторон, как создателей, так и потребителей нового знания.

Список литературы

1. Бряник Н. В. Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник; отв. ред. О. Н. Дьячкова. — Екатеринбург: Изд-во Урал, унта, 2007. 318 с.
2. Войцехович В. Э., Вольнов И. Н., Малинецкий Г. Г. Гармония, эволюция, прикладная математика и междисциплинарные подходы // SocioTime / Социальное время. — 2019. — № 3(19). С. 17—29.
3. Гуров О. Н. «Метапаразит» как феномен современной массовой культуры. Межкультурная коммуникация: Запад—Россия—Восток: материалы Международной студенческой научно-практической конференции (г. Новосибирск, 08—10 ноября 2017 г.) / под ред. Е. Е. Тихомировой; — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 41—47.
4. Лепский В. Е. Гармония культур в саморазвивающихся рефлексивноактивных средах (От техногенной к социогуманитарной цивилизации) / Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17—19 мая 2018 г. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 431—433.
5. РБК: ТПП предупредила о риске разорения 3 млн предпринимателей из-за вируса. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/03/2020/5e7490569a7947467949c77d> (дата обращения: 02.04.2020).
6. Стёпин В. С. XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18—20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017 С. 185—188.
7. Финмаркет: Какие компании готовятся к увольнениям, а какие набирают персонал. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/5206249>(дата обращения: 02.04.2020).
8. Хуртц С. Почему инфодемия так же опасна, как и пандемия. INOPRESSA. URL: <https://www.inopressa.ru/article/19Mar2020/sueddeutsche/infodemie.html> (дата обращения: 06.04.2020).
9. Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов: монография. — М.: Проспект, 2018. 512 с.

Авторская справка

САФОНОВ Максим Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия. E-mail: upr@igsu.ranepa.ru.

ГУРОВ Олег Николаевич, MBA, соискатель, Институт философии Российской академии наук; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия. E-mail: gurov-on@ranepa.ru.

UDC 101.1:316; 02.41.51

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.36

CORONAVIRUS AS A NEW STARTING POINT. FROM TECHNOGENIC CIVILIZATION TO UNKNOWN FUTURE

¹*M. S. Safonov, ²O. N. Gurov*

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow (Russia);*

²*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow (Russia)*

Introduction. The stated topic directly addresses the urgent problem of the coronavirus pandemic. The article provides a philosophical analysis of the current state of technological civilization through the prism of the rapid upheaval of all social systems as a result of the COVID-19 pandemic. The relevance of the study bases on the fact that at present the development of technogenic civilization focuses solely on scientific and technological progress. Moreover, the laws of science are used to control social and social processes. In these conditions, we need to consider the risks and threats of civilization, which are imposed by the technocratic approach, and the opportunities available in the arsenal of culture and civilization, for further development.

Methods. The main research methods were analytical, systemic and synergetic approaches, which together allow us to reveal the depth of the contexts of the topic under study.

Results. Based on research done, the authors put forward the supposition that the existing coordinate system lacks a socio-ethical dimension. The coronavirus pandemic, which made all the basic institutions of civilization shaky, is a good example of how precarious and unpromising the situation of technogenic civilization is under current conditions. The article reveals the position about the need to form a new ethical system, a new worldview that will be able to objectively reflect and give a sober assessment of the processes taking place in the digital and physical world. The formation of a new paradigm, which will be based on social and ethical considerations, is a lifeline for mankind in a crisis of the main categories of civilization and culture. The new worldview will prevent the destruction of what has been built up over the centuries, and will become a platform for further progress, taking into account the human dimension.

Conclusion. As a result of the study taken authors came to conclusion about the need to consolidate private and fragmented initiatives aimed at ensuring stable and sustainable development into a comprehensive program that can take into account the features and interests of all participants in public processes and will be aimed at creating a human-oriented coordinate system. Results achieved within the research may be used in the interdisciplinary field of research on civilizational processes.

Keywords: technological civilization, coronavirus, meta-parasite, consumption, crisis.

References

1. Bryanik N.V. Obshhie problem filosofii nauki: Slovar' dlja aspirantov I soiskatelej [General problems of the philosophy of science: Dictionary for graduate students and applicants] / ed. N.V. Bryanik. — Yekaterinburg, 2007, 318 p.
2. Voitsekhovich V.E., Volnov I.N., Malinetskiy G.G. Garmonija, jevoljucija, prikladnaja matematika I mezhdisciplinarnye podhody [Harmony, evolution, applied mathematics and interdisciplinary approaches] // SocioTime / Social time. — 2019.— No. 3 (19), pp. 17—29.
3. Gurov O.N. «Meta-parazit» kak fenomen sovremennoj massovoj kul'tury ["Meta-parasite" as a phenomenon of modern mass culture] Intercultural Communication: West — Russia — East: Materials

of the International Student Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, November 08—10, 2017) / Ed. E.E. Tikhomirova; — Novosibirsk, 2018, pp. 41—47

4. Lepsky V.E. Garmonija kul'tur v samorazvivajushhihsja reflektivnoaktivnyh sredah (Ottehnojennoj k sociogumanitarnoj civilizacii) [Harmony of cultures in self-developing reflective environments (From technogenic to socio-humanitarian civilization)] / Contours of the future in the context of world cultural development: XVIII International Likhachev Scientific Readings, May 17—19, 2018 SPb.St. Petersburg, 2018, pp. 431—433.

5. RBK: TPP predupredila o riskerazorenija 3 mlnpredprinimatelejiz-zavirusa [RBC: CCI warned of the risk of ruining 3 million entrepreneurs due to the virus]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/03/2020/5e7490569a7947467949c77d> (accessed: 04/02/2020).

6. Stepin V.S. XXI vek — radikal'najatransformacijatipacivilizacionnogo razvitija [XXI century — a radical transformation of the type of civilizational development] // Global World: systemic shifts, challenges and contours of the future: XVII International Likhachev Scientific Readings, May 18—20, 2017 St. Petersburg, 2017, pp. 185—188.

7. Finmarket: Kakiekompaniigotovjatsja k uvol'nenijam, a kakienabirajut personal [Finmarket: Which companies are preparing for layoffs, and which are hiring staff]. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/5206249> (accessed: 02.04.2020).

8. Hurts S. Pochemuinfodemijatakzheopasna, kakipandemija [Why is infodemia as dangerous as a pandemic?]. URL: <https://www.inopressa.ru/article/19Mar2020/sueddeutsche/infodemie.html> (accessed 04.04.2020).

9. Chumakov A.N. Global'nyjmir: stolknovenieinteresov: monografija [Global World: Conflict of Interest: Monograph]. — Moscow, 2018, 512 p.

Author's Bio

SAFONOV Maxim Sergeevich, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: upp@migsu.ranepa.ru.

GUROV Oleg Nicolaevich, applicant for PhD in Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: gurov-on@ranepa.ru.

Библиографическая ссылка

Сафонов М. С., Гуров О. Н. Коронавирус — новая точка отсчета. От техногенной цивилизации к неизвестному будущему // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 2(22). — С. 36-45. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.36

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИФА В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. В. Ставицкий

Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в городе Севастополе, Севастополь (Россия)

Введение. В данной статье рассматривается проблема изучения методологических особенностей современного мифа как культурной универсалии в контексте установок и принципов постнеклассической науки. Цель статьи — показать, что получившие развитие в рамках постнеклассической науки современные научные методологические подходы позволяют увидеть и понять те процессы и явления, которые помогут существенно сблизить и скоординировать противоречия между наукой и мифом, превращая их взаимодействие в рамках культуры как целого в продуктивный и взаимовыгодный процесс.

Методы. Особое место в статье уделяется анализу двух базовых научных подходов к мифу. Первый из них можно назвать классическим. В нём миф представлен как исключительно архаичное явление и характеризуется как сказание о богах и героях, которое было свойственно народам в древности, а в современной культуре по мере развития науки в целом успешно преодолено. При данном подходе миф рассматривается как до-логическая форма мышления, возникшая на заре человечества, не свойственная человеку разумному и толкающая его на самообман. Второй подход рассматривает миф как базовую универсалию культуры, свойственную человеку на всех этапах его развития. При этом подходе миф отвечает за формирование поля ценностных смыслов. И поэтому играет в жизни человека крайне важную роль. Такой миф свойствен человеческому сознанию на всех этапах его развития. Второй подход к мифу в XX в. был представлен выдающимися исследователями (А. Ф. Лосев, Э. Кассирер, К. Г. Юнг, М. Элиаде, К. Леви-Строс, Ю. М. Лотман, К. Хьюбнер, Дж. Кэмпбелл, Г. Д. Гачев и др.) и является в плане исследования мифа наиболее перспективным, поскольку позволяет преодолеть узкую специализацию отдельных научных отраслей. Для этого необходимо рассматривать миф синкретично, как целое, с учётом его онтологии. Однако второй подход требует учесть ряд методологических установок, которые соответствуют базовым принципам постнеклассической науки и изложены в статье.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. В силу своей уникальной пластичности миф оставляет место для его домисливания в соответствии с постоянно меняющимися обстоятельствами. И поэтому остаётся для исследователя неуловим. Являясь универсалией культуры, миф свойственен человеку на всех этапах его развития и играет очень важную роль в его жизни, формируя поле значимых смыслов. И эти смыслы всегда будут соответствовать ожиданиям. Так миф становится образом факта и фактом сознания, контролируя его. И поэтому человек всегда будет пребывать в мифе культуры и носить свой миф в себе, меняя мифы по мере своего развития.

Заключение. Использование методов и подходов постнеклассической науки могут помочь лучшему пониманию мифа как базовой культурной универсалии и его функционированию в обществе.

Ключевые слова: миф, современный миф, методология науки, постнеклассическая наука.

Введение. Специфика понимания мифа заключается в том довольно важном обстоятельстве, что он описан языком науки [11]. И хотя наука постоянно развивается, её возможности изучать окружающий мир в его многообразных проявлениях весьма ограничены. А поскольку различные отрасли науки развиваются с разной скоростью, в ней самой создаётся противоречие, схожее с тем временем, когда од-

ни учёные преследовались инквизицией как еретики, а другие помогали инквизиции их ересь обосновать, чтобы привести на костёр.

В отличие от науки, миф способен играючи выйти на бесконечность и замкнуть её в цельной самодостаточной форме, которая абсолютно не нуждается ни в чём, кроме человеческого участия [19]. И потому, как бы ни старались пытающиеся анализировать миф исследователи рассмотреть миф максимально глубоко и обстоятельно, они уже ограничивают себя теми условиями, которые наука им предлагает и устанавливает [18]. А значит, в лучшем случае им удастся в качестве результата своего анализа предложить схему, некую идеализированную модель своих представлений, которая может не иметь к мифу никакого отношения, кроме того, что они как бы его изучали.

Методы исследования. Впрочем, методологические установки постнеклассической науки существенно расширяют наши возможности, позволяя в исследовании современного мифа использовать новые подходы и инструментарий [25]. Но в самой науке их пока не стоит считать общепринятыми [16], что существенно усложняет процесс его изучения.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Поскольку миф, несмотря на ограниченные возможности научного познания, весьма долго и относительно системно исследовался, в науке сложился не один общий для всех подход к изучению мифа, а несколько. И их необходимо перечислить и описать, дабы была возможность оценки и выбора. Так, на наш взгляд, весь спектр выработанных в отношении мифа современных научных представлений можно свести к четырём основным вариантам:

1. Миф стал первой и самой примитивной, до-логической формой мышления и системой представлений, зафиксированной историками на заре человечества [7]. На определенной стадии развития в результате критического осмысления мифологически описываемой реальности миф был преодолен благодаря выделившемуся из него рациональному мышлению (логосу) и ныне господствует только в архаичных обществах первобытных людей. И, так как современный человек мыслит рационально, сохранение сейчас мифа в обществе следует считать случайным исключением, результатом инерции, пережитком прошлого, следствием издержек проявления массового сознания, не до конца изжитой аномалией, оказывающей на общество крайне вредное деградирующее влияние. Поэтому с ним надо всемерно бороться с помощью науки: разоблачать, преодолевать и искоренять.

2. Миф сохранился в современном обществе и даже в последние десятилетия пережил своеобразное возрождение, но он проявляется в нём, как суеверие и предрассудок [16]. Главными причинами возрождения мифа являются культурная деградация общества и манипуляция сознанием для одурачивания людей [2], не считая художественного творчества [4].

3. В силу своей природы миф создаёт необходимое смысловое напряжение, без которого мышление невозможно было бы в принципе [25]. А это значит, что мифическое и рациональное восприятие при всей их внешней противоположности изначально свойственны человеческому мышлению, независимо от степени ума и образованности людей [17]. Выполняя в рамках мышления разные функции, мифы

создают ту выстроенную в диалоге асимметрию мышления, без которой оно бы не было плодотворным [29].

4. Являясь обязательной составной частью человеческого сознания, миф создаёт то поле смыслов, в рамках которого человеческая мысль только и может существовать, от мифа отталкиваясь и в миф возвращаясь [8], за пределы мифосферы не выходя [4].

Из последнего тезиса вытекает, что, возможно, самая большая иллюзия человечества заключается в том, что оно убедило себя, будто способно мыслить исключительно рационально и, более того, с помощью рационального мышления познать мир во всей его полноте и целостности [4]. И хотя рационально мыслить в целом людям вполне удаётся, но в крайне ограниченных локальных пределах, которые не дают им цельной и полной картины происходящего, так как не могут быть в рамках рациональности помножены на бесконечность. Чтобы сделать это, человеку необходимо прибегать к символу, образу, метафоре, различным смысловым ассоциациям и другим инструментам из арсенала мифического мышления для того, чтобы хотя бы на время создать видимость полноты и целостности окружающего мира [19]. Но, не прибегая к мифологическому мышлению, исключительно на основе рациональности человек создать обращённую в бесконечность цельную картину мира не может [22].

Что касается сравнительного анализа приведённых выше вариантов, очевидно, что предложенные нами четыре подхода к рассмотрению мифа при определённых оговорках и допущениях могут быть сокращены до двух. И тогда первый вариант в рамках двухступенчатой структуры будет выстраиваться вокруг признания примитивности и аномальности мифа применительно к современному обществу [13], согласно которому он может быть свойственен лишь примитивному массовому сознанию и ограничен в мифотворчестве определенной социальной средой (дети, народные массы, необразованные люди) при условии принципиального отрицания за ним чего-либо положительного.

Во втором варианте основные идеи сводятся к утверждению того, что миф:

- свойственен всем людям без исключения, независимо от их развития возраста и образования в силу психофизиологических особенностей человека, а также вследствие типичных особенностей структурной организации культуры, языка и социума [3];
- принципиально индифферентен относительно человеческих желаний и потребностей;
- не является аномалией и не несёт изначально отрицательную нагрузку для человека и общества (всё зависит от направленности мифа, нравственного уровня и исходной мотивации его носителей) [13];
- выполняет крайне важную для человека смыслообразующую функцию, формируя то поле символически окрашенных ценностных смыслов, по которым человек будет жить [14].

Кроме того, поскольку в рамках второго варианта нет полного единства, отстаивающих данную позицию исследователей стоит разделить на тех, кто ограничивается признанием определенного равенства мифического и рационального

мышления хотя бы в рамках человеческой физиологии [9], и тех, кто придерживается панмифологистских взглядов [8], считая, что рациональность относится к мифу как частное к общему и конечное (локальное) к абсолютному, а потому не может выйти за пределы мифического пространства, пребывая в нём в режиме определенной автономии [12].

Однако, поскольку данные позиции изложены в максимально сжатом виде, на наш взгляд следует на отдельных аспектах анализа мифа остановиться более детально. В частности, большинству исследователей мифа понятно, что первые два варианта рассмотрения мифа не отвечают современным представлениям и являются устаревшими, а последние позиции в отношении к мифу и его роли в обществе более предпочтительны [24], поскольку в них миф рассматривается как универсалия культуры. Однако, что касается разночтений в рамках двух последних вариантов, мы не будем настаивать на каком-то одном из них, предлагая исследователям самим решать, какая точка зрения для них является предпочтительнее. Только отметим, что особенности мозга, мышления и культуры подводит нас к принятию точки зрения, согласно которой рациональное и мифическое существовали и взаимодействовали в человеческом сознании всегда, независимо от того, выделился ли логос из мифа или нет [3], и действовали на принципах исходного функционального равенства и взаимного дополнения [6]. С другой стороны, если исходить из смысловой ориентации рационального на конкретно-локальное, а мифического — на оформленную как единое целое бесконечность, то рациональное будет смотреться частным случаем мифического. Поэтому, признать одну из них более убедительной на данный момент не представляется возможным, не забывая о том, как миф создаёт свою мифологию о мифе [1]. Согласно ей миф — ложное, предвзятое, примитивное объяснение реальности. И скрывается за этим, для одних — простота и понятность [27], для других — архаика и примитив [7]. Однако, если сбросить покровы этой мифологии, то выяснится, что за «примитивностью» мифа люди скрывают своё непонимание, в основе которого лежит вызванное нашими мифологиями упрощённое отношение к нему. Отношение, объяснимое тем, что мы исследуем непонятное и одновременно как бы чужое [15], когда склонность к мифотворчеству считается уделом глупых и необразованных, незнакомых с логическим мышлением людей [27]. В результате, те, кто мыслит подобным образом, попадают в ловушку своего мифа о мифе, с которым будут жить, пребывая в полной уверенности, что мифы они преодолели. При этом забывается, что внешний наблюдатель воспринимает миф как нечто для него мёртвое и условное. То, что является следствием определённых исторических обстоятельств и используется людьми для достижения своих целей и контроля над людьми. И не видно, как, борясь с одними мифами, мы используем другие [22]. Спасаясь от одних мифологических конструкций, мы прячемся за другими, которые отвечают нашим привычкам и желаниям и воспринимаются нами как истинные. Опять же нередко миф и контрмиф размещаются в рамках одной мифологемы. Подобную ситуацию можно назвать своеобразной игрой мифических масок, плутовством мифа и плутовством с мифом, которые, применительно к людям, очень напоминают попытку обмануть самих себя [5].

В любом случае, независимо от ориентаций и предпочтений, прежде чем приступить к рассмотрению заявленного вопроса, необходимо высказать ряд методологических оговорок, без которых процесс познания мифа может оказаться бессмысленным.

1. Миф никогда не был равен сам себе по двум основным причинам. Первое: он никогда не раскрывается полностью перед исследователем, как бы тот ни старался [21]. Второе: его постоянная изменчивость не даёт возможности в каждый конкретный момент считать, что данный миф как конкретное явление исследователем зафиксирован, отрефлексирован и больше меняться не будет. В результате, миф постоянно ускользает от исследователя [20, с. 35—57], обращаясь в нечто другое.

2. Общение с мифом, а именно таким должно быть его исследование, носит всегда личностный характер, ибо иначе миф перед исследователем не откроется. Тогда он будет исчезать, меняться, ускользать, трансформироваться, устраивая своеобразную «игру» с исследователем, которой не будет конца [12]. Значит, изучение мифа в той части её, когда исследователь действительно готов что-то в мифе понять, чем-то сродни инициации. Инициации тождества.

3. Тождество исследователя с мифом означает, что он начинает изучать миф с себя, и достаточно честен перед собою, чтобы понять, что он сам есть миф для себя и других. И, дабы подавать себя как образно-символически отражённую сознанием реальность, он неизбежно будет мифологизировать [23]. Для этого надо будет играть роль, менять маски, пытаться произвести впечатление, чтобы вызвать восторг, уважение или сострадание, вовлечь в свою жизнь тех, от кого сам зависит и попытаться вызвать у них чувство благожелательной причастности.

4. В силу последних доводов понятно, что мифотворчество — процесс открытый, так как предназначен не только для себя, но и для других. Но вместе с тем, это — глубоко интимный процесс. Настолько интимный, что в нем мы зачастую не можем признаться даже самим себе. По крайней мере до тех пор, пока он нам не перестанет быть нужен. Однако, несмотря на это, миф может быть представлен как автобиография нашего мышлечувствования, результат интуитивной работы нашего сознания, которая всегда принимается, но далеко не всегда осознаётся [10]. Поэтому главная проблема в изучении мифотворчества — не миф, а человек его породивший, ибо он и есть делатель мифов и главный миф одновременно [28].

Как в знаменитых строках Б. Пастернака: «Когда строку диктует чувство, / Оно на сцену шлёт раба, / И тут кончается искусство, / И дышат почва и судьба». Эти «почва и судьба» — не просто прочувствованная реальность. Это — реальность, идущая от принятой всем сердцем традиции. За ней стоят века «памяти», которая вводит прошлое в пространство «здесь и сейчас», делая его прочувствованным до глубины души настоящим. И в этой ситуации для нас уже всё равно, что именно было в прошлом и как оно произошло. Главное, как мы воспринимаем его согласно принципу причастности, и как проецируем себя через него [30].

Кстати, ощущение мифа как непосредственно проявленной реальности не отрицает постоянной проверки его на подлинность [26]. Поэтому, несмотря на то что в современных условиях носитель мифа, как и раньше, воспринимает миф серд-

цем, критический анализ и поиск новых доказательств того, что сердце приняло, на предмет его правдоподобия происходит в сознании человека постоянно [31].

О том, как это происходит, можно судить по довольно распространённой фразе «я так и знал», которую часто произносят после того, как интуитивное знание фактически и логически «доказано». И оно, как правило, свидетельствует о том, что человек не искал решение незнакомой ему проблемы, а подгонял под уже принятое интуитивно решение своё логическое обоснование.

5. В мире людей нет ничего, кроме мифа, что могло бы быть к нему сведено. Но нет и ничего в их жизни значимого, что может мифа и мифологии избежать. Миф реален как факт бытия. Но он — факт бытия сознания [29], возникший как образ факта имеющей место реальности. И потому может существовать либо в сознании отдельного человека, либо в рамках общественного (коллективного) сознания. Хотя для людей, которые разделяют миф, он неотделим от реальности [2]. Обладая всеми признаками правдоподобия и логической обоснованности, миф может сделать объектом своей экспансии любую вещь, любой текст, любое явление. Причём, делает это незаметно за счёт малейшего смещения смысла в сторону образно-символического значения. Не случайно многие окружающие нас вещи, люди, явления при более внимательном рассмотрении обнаруживают черты мифического и несут их в себе до тех пор, пока они для нас интересны и значимы.

Заключение. Из выше описанного следует совсем неудобный для современного, воспитанного на культе разума, homo sapiens вывод о том, что мы все находимся внутри мифа, который каждому социуму и человеку предлагает нечто особое, эксклюзивное, своё. Безальтернативное как судьба. Близкое и родное. Освящённое общей памятью чувств и переживаний. То, отказаться от чего для нас равносильно отказу от самих себя. Впрочем, такой пугающий обывателя вывод в действительности несёт в себе и новые возможности — для науки, культуры, человека и общества, где миф уже воспринимается как инструмент и оружие, делающее нас сильнее [14]. Этими возможностями мы можем воспользоваться или нет в зависимости от исходного отношения к мифу, где в случае неправильного решения проигрывает не миф, а мы сами, ибо миф растёт даже негативным отношением и борьбой с ним. И если мы не занимаемся мифом, это не значит, что миф не занимается нами, обращая свою силу против нас. И, чтобы все это исправить, сделав миф нашим оружием, нам нужно лишь изменить отношение к нему в соответствии с той научной традицией, которую последовательно отстаивали такие выдающиеся исследователи мифа как А. Ф. Лосев, К.-Г. Юнг, Э. Кассирер, К. Леви-Строс, Дж. Кэмпбелл, Ю. М. Лотман, Г. Д. Гачев и М. Элиаде. Именно благодаря им миф стал восприниматься не как чудом сохранившаяся архаика, но как базовая универсалия культуры, лежащая в основе её функционирования и делающая мифотворчество естественной потребностью каждого человека и человечества в целом. Универсалия, формирующая поле значимых смыслов, которыми человек будет жить.

Список литературы

1. Балла О. Мифология мифа // Балла О. Примечания к ненаписанному. Статьи. Эссе. USA: Franc-Tireur, 2010. С. 65—93.

2. Вандт Л. Э., Муратова А. С. Насколько реальна мифологическая реальность? // Мир психологии. — 2003. № 3 (35). С. 47—57.
3. Кириллова Р. М., Самарина Е. А. Онтологические и гносеологические основания мифа в контексте современного гуманитарного знания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskie-i-gnoseologicheskie-osnovaniya-mifa-v-kontekste-sovremennogo-gumanitarnogo-znaniya> (дата обращения: 17.03.2019).
4. Круглов А. Н. Трансценденталистская интерпретация мифа // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. Под ред. И. Т. Касавина и В. Н. Поруса. СПб.: РХГИ, 1999. С. 150—162.
5. Кэмпбелл Дж. Мифический образ; Пер. с англ. К. Е. Семенова. М.: 000 Издательство АСТ, 2002. 684 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. Изд.2-е. Изд.: URSS, 2008. 256 с.
7. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление; Пер. с фр. М.: Безбожник, 1930. 531 с.
8. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство—СПБ, 2004. 704 с.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
11. Маслова В. А. Связь мифа и языка Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 159—163.
12. Маслова Н. С. Функционирование мифа в современной культуре: контекст перехода к рациональности постмодерна // Известия Томского политехнического университета, 2007. Т. 310. № 2. С. 210—214.
13. Микулашек М. Миф как парадигма сознания и бытия // Litteraria humanitas: Roman Jakobson. IV. Vrnо: Masarikova univerzita v Vrne, 1996. С. 95—106.
14. Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. 353 с.
15. Носков Н. Задачи и правила делания науки. URL: <http://n-t.ru/tp/ng/zpdn.htm> (дата обращения: 17.03.2019).
16. Огурчиков П. К. Экранная культура как новая мифология (на примере кино). Дис... докт. культурол. наук. — Химки, 2008. — 287 с.
17. Осаченко Ю. С. Миф как конфигурация опыта сознания — возможности экзистенциально-феноменологической тематизации // Эпистемология и философия науки. 2006. т. VIII. № 2. С. 120—140.
18. Полищук Р. Ф. Научная истина и религиозный миф // Socio Time / Социальное время. 2017. № 4(12). С. 28—48.
19. Смирнов М. Ю. Мировоззренческое значение и возможные перспективы мифологии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6, Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1997. Вып. 4. С. 21—30.
20. Ставицкий А. В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
21. Ставицкий А. В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
22. Ставицкий А. В. Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэст, 2013. 148 с.
23. Ставицкий А. В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
24. Телегин С. М. Миф и бытие. М.: Компания Спутник +, 2006. 320 с.
25. Тычкин П. Б. Логика мифа в концепции К. Хьюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-mifa-v-kontseptsii-k-hyubnera-kak-epistemologicheskaya-model-evolyutsii-postneklassicheskoy-nauchnoy-metodologii> (дата обращения: 17.03.2019).
26. Тычкин П. Б. Методологические аспекты конституирования мифа как элемента постнеклассической научной рациональности. URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2009/v315/i6/24.pdf (дата обращения: 17.03.2019).

27. Щукин В. Г. В мире чудесных упрощений (к феноменологии мифа) // Вопросы философии. М., 1998. № 11. С. 20—29.
28. Юнг К.-Г. Алхимия снов / Пер. с англ. СПб.: Тимошка, 1997. 352 с.
29. Юнг К.-Г. Душа и миф: Шесть архетипов. Киев; М.: Порт-Рояль; Совершенство, 1997. 384 с.
30. Юнг К.-Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общей редакцией С. Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1998. 368 с., илл.
31. Bell D.S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. №1. P. 63—81.

Авторская справка

СТАВИЦКИЙ Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доцент кафедры истории и международных отношений, Севастополь, Россия. E-mail: stavis@rambler.ru.

UDC 008:165; 101.1:316

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.46

***METHODOLOGICAL FEATURES OF THE STUDY OF MODERN MYTH
IN THE CONTEXT OF POST-NON-CLASSICAL SCIENCE***

A. V. Stavitskiy

Branch of Moscow State University in Sevastopol, Sevastopol (Russia)

Introduction. This article discusses the problem of studying the methodological features of the modern myth as a cultural universal in the context of the attitudes and principles of post-non-classical science. The purpose of the article is to show that modern scientific methodological approaches developed in the framework of post-non-classical science make it possible to see and understand those processes and phenomena that will help significantly bring together and coordinate the contradictions between science and myth, turning their interaction within culture as a whole into a productive and mutually beneficial process.

Methods. A special place in the article is devoted to the analysis of two basic scientific approaches to myth. The first of them can be called classic. In it, the myth is presented as an exclusively archaic phenomenon and is characterized as a legend about gods and heroes, which was characteristic of peoples in antiquity, and in modern culture, as science as a whole developed, it was successfully overcome. With this approach, myth is considered as a pre-logical form of thinking that arose at the dawn of mankind, is not peculiar to rational man and pushes him to self-deception. The second approach considers myth as the basic universal of culture, characteristic of man at all stages of its development. With this approach, the myth is responsible for the formation of the field of value meanings. And therefore, plays an extremely important role in human life. Such a myth is characteristic of human consciousness at all stages of its development. The second approach to myth in the twentieth century was presented by outstanding researchers (A.F. Losev, E. Cassirer, K. G. Jung, M. Eliade, C. Levy-Strauss, Yu. M. Lotman, K. Hübner, J. Campbell and others) and is in terms of the study of myth, the most promising, because it allows you to overcome the narrow specialization of individual scientific branches. To do this, it is necessary to consider the myth syncretically, as a whole, taking into account its ontology. However, the second approach requires taking into account a number of methodological guidelines that correspond to the basic principles of post-non-classical science and are presented in the article.

Results. The main ones can be reduced to the following. Due to its unique plasticity, the myth leaves room for its speculation in accordance with constantly changing circumstances. And so it remains elusive for the researcher. Being a universal of culture, myth is peculiar to man at all stages of his development and plays a very important role in his life, forming a field of meaningful meanings. And these meanings will always live up to expectations. So, a myth becomes an image of a fact and a fact of consciousness, controlling it. And therefore, a person will always be in the myth of culture and carry his myth in himself, changing myths as they develop.

Conclusion. The use of methods and approaches of post-non-classical science can help to better understand myth as a basic cultural universal and its functioning in society.

Keywords: myth, modern myth, methodology of science, post-non-classical science.

References

1. Balla O. Mifologiya mifa [Mythology of myth] // Balla O. Primechaniya k nenapisannomu. Stat'i. Esse [Notes to Unwritten. Articles. Essay]. USA: Franc-Tireur Publ., 2010. Pp. 65—93.
2. Vandt L.E., Muratova A.S. Naskol'ko real'na mifologicheskaya real'nost'? [How Real is the mythological Reality?] // Mir psihologii. 2003. №3 (35). Pp. 47—57.
3. Kirillova R.M., Samarina E.A. Ontologicheskie i gnoseologicheskie osnovaniya mifa v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya [Ontological and epistemological Foundations of Myth in the Context of modern humanitarian Knowledge]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskie-i-gnoseologicheskie-osnovaniya-mifa-v-kontekste-sovremennogo-gumanitarnogo-znaniya> (Accessed: 17.03.2019).
4. Kruglov A.N. Transcendentalistskaya interpretaciya mifa [Transcendental Interpretation of Myth] // Razum i ekzistenciya. Analiz nauchnyh i vnauchnyh form myshleniya. Pod red. I.T. Kasavina i V.N. Porusa. St. Petersburg: RHGI Publ., 1999. Pp. 150—162.
5. Kempbell Dzh. Mificheskij obraz [Mythical Image]; Per. s angl. K.E. Semenova. Moscow: ACT Publ., 2002. 684 s.
6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we Live by]. Per. s angl. Izd.2-e. Izd.: URSS Publ., 2008. 256 p.
7. Levi-Bryhl L. Pervobytnoe myshlenie [Primitive Thinking]; Per. s fr. Moscow: Bezbozhnik, 1930. 531 p.
8. Lobok A.M. Antropologiya mifa [Anthropology of Myth]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 1997. 688 p.
9. Lotman YU.M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2004. 704 p.
10. Lotman YU.M. Struktura hudozhestvennogo teksta [The Structure of the artistic Text]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 384 p.
11. Maslova V. A. Svyaz' mifa i yazyka Frazeologiya v kontekste kul'tury [Relationship of Myth and language Phraseology in the Context of Culture]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999. Pp. 159—163.
12. Maslova N.S. Funkcionirovanie mifa v sovremennoj kul'ture: kontekst perekhoda k racional'nosti postmoderna [The Functioning of the Myth in modern culture: the Context of the Transition to Postmodern Rationality] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2007. T. 310. № 2. Pp. 210—214.
13. Mikulashek M. Mif kak paradigma soznaniya i bytiya [Myth as a Paradigm of Consciousness and Being] // Litteraria humanitas: Roman Jakobson. IV. Brno: Masarikova univerzita v Brne, 1996. Pp. 95—106.
14. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture]: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2018 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej O.A. Gabrielyana, A.V. Stavickogo, V.V. Hapaeva, S.V. YUrchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2019. 353 p.
15. Noskov N. Zadachi i pravila delaniya nauki [Tasks and Rules of Science] / URL: <http://n-t.ru/tp/ng/zpdn.htm> (Accessed: 17.03.2019).
16. Ogurchikov P. K. Ekrannaya kul'tura kak novaya mifologiya (na primere kino) [Screen Culture as a new Mythology (on the Example of Cinema)]. Dis... dokt. kul'turolog. Himki, 2008. 287 p.
17. Osachenko YU. S. Mif kak konfiguraciya opyta soznaniya — vozmozhnosti ekzistencial'no-fenomenologicheskoy tematizacii [Myth as a Configuration of the Experience of Consciousness — the Possibilities of existential-phenomenological Thematization] // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2006. T. VIII. № 2. Pp. 120—140.
18. Polishchuk R. F. Nauchnaya istina i religioznyj mif [Scientific Truth and Religious Myth] // SocioTime / Social'noe vremya. 2017. № 4(12). Pp. 28—48.

19. Smirnov M.YU. Mirovozzrencheskoe znachenie i vozmozhnye perspektivy mifologii [Worldview Significance and Possible Perspectives of Mythology] // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 6, Filosofiya, politologiya, sociologiya, psihologiya, pravo. SPb., 1997. Vol. 4. Pp. 21—30.
20. Stavickiy A.V. Ontologiya sovremennogo mifa [Ontology of modern Myth]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 543 p.
21. Stavickiy A.V. Sovremennaya mifologika: opyt postizheniya Inogo [Modern Mythologies: The Experience of Comprehending the Other]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 192 p.
22. Stavickiy A.V. Sovremennyy mif: ego priroda i prednaznachenie [Modern Myth: its Nature and Purpose]. Sevastopol': Ribest Publ., 2013. 148 p.
23. Stavickiy A.V. Sovremennyy mif i ego osnovnye funktsii [Modern Myth and its Main Functions]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 238 p.
24. Telegin S.M. Mif i bytie [Myth and Being]. Moscow: Kompaniya Sputnik+ Publ., 2006. 320 p.
25. Tychkin P.B. Logika mifa v koncepcii K. Hyubnera kak epistemologicheskaya model' evolyucii postneklassicheskoy nauchnoy metodologii [The Logic of Myth in the Concept of K. Hübner as an Epistemological Model of the Evolution of Post-Non-Classical Scientific Methodology]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-mifa-v-kontseptsii-k-hyubnera-kak-epistemologicheskaya-model-evolyutsii-postneklassicheskoy-nauchnoy-metodologii> (Accessed: 17.03.2019).
26. Tychkin P.B. Metodologicheskie aspekty konstituirovaniya mifa kak elementa postneklassicheskoy nauchnoy racional'nosti [Methodological Aspects of the Constitution of Myth as an Element of post-non-classical scientific Rationality]. URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2009/v315/i6/24.pdf (Accessed: 17.03.2019).
27. SHCHukin V.G. V mire chudesnyh uproshtchenij (k fenomenologii mifa) [In the World of Miraculous simplifications (to the Phenomenology of Myth)] // Voprosy filosofii. M., 1998. №11. Pp. 20—29.
28. YUng K.-G. Alhimiya snov [Alchemy of Dreams] / K.-G. YUng / Per. s angl. SPb.: Timoshka, 1997. 352 p.
29. YUng K.-G. Dusha i mif: SHeSt' arhetipov [Soul and Myth: Six Archetypes] / K.-G. YUng. Kiev; Moscow: Port-Royal'; Sovershenstvo Publ., 1997. 384 p.
30. YUng K.-G., fon Franc M.-L., Henderson Dzh. L., YAkobi I., YAffe A. Chelovek i ego simvoly [Man and his Symbols] // K.-G. YUng i dr. Pod obshchej redakciej S. N. Sirenko. Moscow: Serebryanye niti Publ., 1998. 368 p., ill.
31. Bell D.S.A. Mythscapes: Memory, Mythology, and national Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. №1. Pp. 63—81.

Author's Bio

STAVITSKIY Andrey Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Branch of Moscow State University named after MV Lomonosov in Sevastopol, Associate Professor of the Department of History and International Relations, Sevastopol, Russia. E-mail: stavis@rambler.ru.

Библиографическая ссылка

Ставицкий А. В. Методологические особенности исследования современного мифа в контексте постнеклассической науки // SocioTime / Социальное время. — 2020. № 2(22). — С. 46-55. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.46

УДК 165.0

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.56

АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ОСНОВАНИЙ НОВОВРЕМЕННОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

¹А. Н. Фатенков, ²Т. А. Фатенкова

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия), Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород (Россия);

²Независимый исследователь, Нижний Новгород (Россия)

Введение. Держась субъектно-ориентированной позиции, авторы рассматривают, в критическом плане по преимуществу, акторно-сетевую теорию (АСТ) в версии Брюно Латура. Формулируются и аргументируются претензии к ней, главным образом в части свойственных ей редукционизма и реляционизма.

Методы. Статья выстроена в стратегии концептуальной реконструкции, под которой подразумевается «одновременное» рассмотрение исследуемого материала и в логике его автора, и в логике интерпретатора.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. АСТ не решает продуктивно теоретические проблемы, к которым обращается. Прежде всего — проблему принципиальной онтологической недостаточности каузального дискурса и обусловленного ею содержательного расхождении процедур описания и объяснения. Обнаруженные Латуром прорехи в основании нововременной рациональности — небесспорный редукционизм и, как следствие, недостаточная простота метода познания и нечуждость к уникальному предмету познания — самой акторно-сетевой теорией не преодолеваются. Напротив, редукционизм в ней нарастает: за образец описываемой реальности принимается интеробъективная актантно-ризомная сеть.

Заключение. АСТ, коррелятивно связанная с определёнными тенденциями в современных научных и социальных практиках, представляет собой эпатажное выражение кризисного состояния нововременной рациональности.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория (АСТ), Брюно Латур, реляционизм, интеробъективное, редукционизм, нововременная рациональность.

Введение. Знакомство с акторно-сетевой теорией (АСТ) — прежде всего, в версии Брюно Латура — и с её критикой (в частности, со стороны Дэвида Блура [1, 2]) вызывает стойкое ощущение неудовлетворённости. Трудно остаться равнодушным и витать в академических облаках, когда человека (стало быть, и тебя) приравнивают к отыгранному бильярдному шару и съеденному морскому гребешку. Даже если подобная редукция и не сугубо надуманна, ей и вызвавшим её социальным обстоятельствам следует не потакать, не играть с ними в нейтралитет, а сопротивляться. Конкретизация и аргументация мотивов (как теоретического, так и практического характера), побудивших к полемике с одним из ведущих разработчиков акторно-сетевой теории, и будет представлена в настоящей работе. Её авторы, об этом сразу надо сказать, открыто и твёрдо держатся просубъектных, «неотношенческих» предпочтений, радикально противостоящих реляционизму сетевого подхода. Под реляционизмом здесь и далее понимается установка или точка зрения, согласно которой отношения тенденциозно доминируют над теми, кто в них вступает или включён, будь то субъекты или объекты. Под подозрение

падают, причём в первую очередь, и отношения координации между объектами, существующими, как у Аннмари Мол (см.: [10]), «бок о бок», но не в некоем охватывающем их единстве (которое, что надо также иметь в виду, отнюдь не всегда благоволит индивидам). В противовес реляционизму мы постулируем: 1) есть нечто, что сильнее и ценнее самых сильных связей и отношений; это не «бок о бок», это *близость*; 2) культ слабых связей и отношений (сетевых, в частности) есть спекулятивная попытка дискредитировать как близость, так и сильные связи, либо, и опять же в ущерб близости, замаскировать никуда не девшуюся сильную детерминацию. Стилистика нашего текста не исключает весомой доли иронии, активно используемой сторонниками самой АСТ.

Методы. Авторами выбрана стратегия концептуальной реконструкции, под которой подразумевается «одновременное» рассмотрение исследуемого материала и в логике его автора, и в логике интерпретатора.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. Латур из горты тех, кто уравнивает (или делает вид, что уравнивает) жизнь с её описанием. При этом у описываемого, всегда фрагментарного, предмета не подразумевается никакого основания, отличного от самого предмета (будто бы и сетевые структуры неосновательны). У регистрации, записи и означивания не подразумевается никакого априори (будто регистратор появляется на свет одновременно с актом записи). Описание равно объяснению: каузальность, стало быть, отбрасывается — вероятнее же, была отброшена априори (вот незадача!), что и привело к уравниванию двух дискурсивных, описательных и объяснительных, процедур. Интерпретации и контексты описания-объяснения табуируются. Умысел понятен (и он далёк от канона интеллектуальной честности): во-первых, избавить себя от обязанности предьявлять правильное толкование в ответ на «неправильные» толкования своей позиции оппонентами; во-вторых, менять собственную позицию когда вздумается и без каких бы то ни было объяснений; в-третьих, вуалировать доминирующий контекст всех этих изменений, вернее — произвольно чередовать в мировоззренческих вопросах изощрённое лукавство и циничную браваду.

Сформулируем главные из обсуждаемых в данном тексте претензии к амбициозной теории.

- Поднимаемые АСТ важные теоретические проблемы — прежде всего, о соотношении внутреннего и внешнего взглядов на предмет и о приоритете в способах видения, о сложностях с идентификацией процессуального, о всегдашней онтологической недостаточности каузального дискурса и обусловленном ею содержательном расхождении описания и объяснения — ничуть не новы и уже обросли спектром возможных решений, среди которых латуровские теряются и не выглядят эвристически предпочтительными.

- Обнаруженные Б. Латуром прорехи в основании нововременной рациональности — небесспорный редукционизм и, как следствие, недостаточная простота метода познания и нечуткость к уникальному предмету познания — самой акторно-сетевой теорией не преодолеваются. Напротив, редукционизм в ней лишь нарастает: и в онтологически нисходящей цепочке «субъект — объект — актор — актант»; и, аналогично, в цепочке «пространство — поверхность — линия, расще-

плюющаяся на волоски». В итоге — тотальный реляционизм: за образец описываемой реальности принимается интеробъективная актантно-ризомная сеть.

Теперь об очерченных изъянах латуровской концепции чуть подробнее.

Зададимся рядом вопросов об онтогносеологическом статусе акторно-сетевой теории, не повторяя те, что уже обсуждены одним из авторов настоящего текста (см.: [11]). Сама-то она отображает или хоть как-то символизирует нечто более основательное, нежели её собственные положения? Детерминирована она, на худой конец, чем-то? Или, подтверждая амбиции своих разработчиков, автономно пребывает близ перманентно складывающихся и распадающихся социальных (социотехнических) форм?

Латур здесь то открывничает, то путает след, исходя из сомнительного (с коннотациями шизофрении, безволия и безответственности — или навязчивого патронажа) тезиса «Я — это Другой» [7, с. 66]. В самом деле, следуя данной посылке, попадаем впросак, в нигилистическую западню: если Другой это Я, то Другого фактически нет, он фиктивен, он зеркало для лукавого нарцисса; если Другой это не Я, то уже совершенно точно нет меня. Если броская, рассчитанная на внешний эффект фраза подразумевает более тонкую и глубокую мысль — «Я — это Я, но не только...», — ту и надо прописывать, не вводя людей в заблуждение. Латуровский тезис, отождествляющий Я и Другого, прочитывается вовсе странным, если учесть, что самость (а значит, и Я), согласно самому «пересборщику» социального, вроде бы ничем не обоснована и не детерминирована, что надёжно удостоверяется только тогда, надо заметить, когда никакого Другого рядом нет.

Эпатирующе, более чем двусмысленно звучит и собственно гносеологическая максима французского интеллектуала: «сеть» АСТ описывает, дескать, всё что угодно, но не сеть АСТ (см.: [5, с. 199]). Понимай как хочешь, в том числе и так, что созданный сетевой познавательный конструкт претендует на объективное описание внешней по отношению к нему реальности. Но как надёжно убедиться в результирующей объективности того, что получено, прямо или косвенно, благодаря усилиям людей? Хотя, и это встречное недоумение, обязательно ли отождествлять истинное знание со знанием объективным? В случае с латуровским высказыванием (возвращаемся к нему) уместнее, думается, иная трактовка: выражая что-то, акторно-сетевая теория выражает, может статься, вовсе не то, что она выражает. Ни одному критику тогда, разумеется, к ней вплотную не подобраться — заведомо, в силу отрицательного априори (но всё же априори, заметьте...). Пойдём, однако, наперекор фабрикуемым обстоятельствам. «Всё что угодно» в одном из вариантов означает «совсем ничего». Насмешка, казалось бы. Но нет: комплиментарная апелляция Б. Латура к лукаво-сократическому «знаю, что ничего не знаю» допускает и подобную интерпретацию комментаторов. В чуть менее экстравагантном варианте «всё что угодно» — это пустоты, имеющие место меж нитями сети. Текстуальное подтверждение добыть не сложно. «Это пустое пространство „между“ сетями, эта *terra incognita* является самым захватывающим аспектом АСТ, поскольку показывает степень нашего неведения и огромные запасы, открытые для изменений» [4, с. 207]. Признательное суждение, впрочем, заранее дезавуировано: «Буквально нет ничего, кроме сетей, ничего между ними — или, используя мета-

фору из истории физики, нет никакого эфира, в который сети были бы погружены» [6, с. 177]. Конечно, можно продолжать петлять, заявив, например, что табуирование эфира равносильно постулированию эвристически ценной пустоты. Толк, однако, почти нулевой; разве что претенциозное неведение обольщает ум.

Логика отсылки к Другому подразумевает неизбежную метафоричность соответствующего дискурса. Даже тогда, когда отсылающий затем каким-то образом аннулируется. Латур признаёт неустранимость иносказания: да, «*логос* никогда не говорит прямо...» [8, с. 203]. Иными словами, язык описания всегда непрост, непрозрачен. В притязаниях же на объективизм, и явно противореча констатируемой непрямоте логоса, разработчик акторно-сетевой теории намерен оперировать предельно бедным описательным инструментарием — «инфразыком» (см.: [6, с. 181]). В силу чего АСТ выгоднее предстать на публике не теорией, а методом, то есть интеллигибельной конструкцией, не имеющей своего (по крайней мере, богатого) содержания, но позволяющей актуализировать и беспримесно фиксировать содержание того, к чему она прилагается. Дословно: «...это метод, а не теория, способ путешествовать от одного места к другому, от одного поля к следующему...» [4, с. 208—209]. Конкретнее: «...это *метод* для описания развёртывания ассоциаций», он даёт возможность говорить «не о форме сущностей и действий, а о том, каким должно быть записывающее устройство, которое бы позволило подробно описать сущности» [7, с. 185]. Под сущностями здесь понимаются в первую очередь исходные данные научной эмпирии: мозаичный набор фактов, взятых до их обобщения, когда каждый из них наличествует прежде всего благодаря различённости с любыми и всеми остальными фактами (чувственными данными). В солидарности с установкой Габриэля Тарда «существовать — значит различаться» формулируется кредо «сетевика»: при работе с фактами — «*регистрировать* не фильтруя, *описывать*, не поучая...» [7, с. 86].

Окольными путями Б. Латур доходит до самых уязвимых, пожалуй, сторон нововременной рациональности — научной рациональности по преимуществу.

Во-первых, нововременная наука, с которой, по большому счёту, мы имеем дело и сегодня, не способна корректно, полновесно осмыслить уникальное, эксклюзивное. Она сосредоточена не на единичном факте, а по меньшей мере на эмпирическом обобщении статистически значимого количества фактов. Однако даже подобное, опытное обобщение не гарантирует отсутствия в полученном результате спекулятивных довесков, далёких от норм объективности.

Во-вторых, простота научного метода трактовалась и внедрялась нововременной рациональностью с подчёркнутым, и притом однобоким, вниманием к субъекту: метод должен быть настолько прост, чтобы им мог овладеть всякий, даже без особых способностей, здравомыслящий индивид. Итогом в таком случае будет как максимум интересубъективное знание, не дотягивающее опять же до планки объективности без отвлечённо-умозрительных приписок.

Вывод, который уже можно сделать, не рискуя ошибиться: акторно-сетевая теория — не интеллигибельный суверен, а ответная реакция на парадигмальные затруднения нововременной (модерновой) рациональности. АСТ причинно обусловлена прорехами в основоположениях науки, функционирующей последние

четыре столетия. Данный вывод подкрепляется тем, что и латуровский способ преодоления концептуальных затруднений выстраивается в том же, пусть отчасти и модифицированном, объективистском ключе, который был заявлен, но до конца не реализован ни классической современной, ни модернистской (неклассической) наукой. Французский интеллектуал не верит в нейтральность ни чувственного образа, ни мыслимой идеи, но надеется на нейтральность (порой близкой объективности, порой равной ей) особой методологической сети. Он считает: «правильная», не субъективистская простота специфического инструментария — в его самоустранении при встрече с фактом, который оказывается тогда способным говорить сам за себя. Тут уместно напомнить, что диалектика, ориентируя мышление на незряшные противоречия и отрицания, как раз и осуществляет, уже две с половиной тысячи лет и весьма продуктивно, подобную процедуру — подводя субъекта к познаваемой им реальности, сбрасывает с её содержания свои строительные леса, не репрессируя и не дискредитируя при этом самого познающего. Бессубъектная сетевая стратегия по понятным причинам игнорирует диалектику, оказываясь вместе с тем, со своим «инновационным» методологическим самопожертвованием, её неудачной сциентистской пародией.

Латур осознаёт: элиминирование субъектных вкраплений требует ликвидации не только субъекта, но и объекта, которому всегда явно или неявно соположена некая субъективность. Впрочем, начинает он, по объективистскому шаблону, с устранения субъекта (подробнее см.: [12]). Главный актер (даже персонажем не назовёшь) его методологических рассуждений — *посредник*, который «не может рассматриваться просто как единица; он может приниматься за единицу, за ноль, за некоторое количество или за бесконечное множество» [7, с. 58]. Похоже, единица упомянута здесь лишь для того, чтобы хоть раз напрямую назвать посредника посредником. В остальных случаях имя уже не играет роли, во внимание принимается только действие, совершаемое каким-то носителем, точнее, действие, которое носителю можно приписать. Ведь актер не субъект, «не источник действия, а движущаяся цель обширной совокупности сущностей, роящихся в его направлении» [7, с. 68]. От классического объекта он отличается лишь тем, что не может пребывать статично и в единственном числе — он движется, и никогда не в одиночку. Вернее, двигают его, сам он довольствуется тем, что воздействующие на него тоже активничают несамостоятельно, возможно, и не без его участия.

В результате, и удивляться уже нечему, человеческое существование редуцируется к существованию бильярдных шаров, буквально. Французский интеллектуал заявляет: «Бильярдный шар, ударяющий другой такой же шар на зелёном фетре стола, может быть столь же активным, что и „личность“, устремляющая „взгляд“ на „богатый внутренний мир“ другого „значимого лица“ в прокуренном помещении пивной, где установлены столы для бильярда» [7, с. 88]. Всё человеческое (и экзистенциальное, и социальное) унижено — с наукообразным антуражем и заигрыванием с фрагментарным миром объектов (средства и пространство игры выставлены в цитируемой фразе на передний план). И «продвинутой» публика, падкая на эпатаж и релятивистский призыв не тонуть в фактах, а держаться на их поверхности (см.: [7, с. 39]), «новаторскую» спекуляцию, конечно же, подхватит и

будет тиражировать. Но процитирую себя Латур в бистро или пабе за пределами «квартала инноваций», найдётся, будьте уверены, завсегда, который, среагировав на уравнивание себя с вещью, от души даст умнику в ухо — не прибегая к использованию кинетической энергии костяной сферы, ощущая огромную разницу между актом метания чего под руку подвернулось и молниеносно-сокрушительным движением невооружённой руки, между эстетически отстранённым восприятием вмятины на полированном сферическом орудии и неотчуждённо-небесстрастным ощущением саднящего кулака.

Редукционистский эпатаж обычен для АСТ. Мишель Каллон, ещё один из её отцов-основателей, пытается убедить нас подходить с одинаковыми мерками описания к морским гребешкам и к людям, которые поедают, добывают и изучают моллюсков. Он допускает «не только то, что идентичности гребешков или рыбаков и представителей их посредников или делегатов (прикрепившихся личинок, профессиональных делегатов и т. д.) могут меняться, но и то, что возможны непредсказуемые связи между этими сущностями» [3, с. 226]. Стало быть, мы тем же дискурсом и, как само собой разумеющееся, можем описать ситуацию, когда учёные и рыбаки поедают друг друга, а обитатели моря, взбунтовавшись, гастрономически набрасываются на перемудривших «сетевиков». Если те запрещают нам допускать подобную, как и любую прочую, ситуацию, пока она не случилась, а точнее, пока не началось её описание, то придётся табуировать и допущение о легитимности всякого экзотического текста и видеоряда (включая, по всей вероятности, эпатирующие тексты самих разработчиков АСТ). Если запреты отсутствуют, язык науки и язык «ужастиков» неразличимы. К этому, впрочем, неминуемо ведёт ставка акторно-сетевой теории на перформативное определение (см.: [7, с. 57]), объект которого моментально исчезает, как только прекращается процедура определения.

Латуровский посредник, возвращаемся к нему, есть инстанция, на выходе выдающая нечто отличное от того, что получила на входе (почему бы не назвать её здесь «изменщицей»?). Что происходит внутри неё самой «пересборщика» не волнует. Да и незачем волноваться, если произошедшие преобразования значений инициированы не ей самой, а не просчитываемым до конца внешним воздействием на неё некоторого числа других акторов. Превознося посредника, французский исследователь пренебрежительно отзывается о *проводнике* — несомненной единице (не исключено, многосложной внутри), переносящей значения без изменения-преобразования (как будто и вправду, за пределами абстрактных умозрений, такое возможно, как возможны будто бы полагаемые тут абсолютная прозрачность и нулевое сопротивление). На наш взгляд, наоборот, — и не только в силу языковых различий — проводник, несомненно, достойнее, онтологически сильнее посредника: и своей неразмытой единичностью, и тем, что ведёт куда-то прежде всего не спутников, а самого себя. Не так важно, меняет или не меняет он смыслы, протекающие через него к другим (хотя понятно, что не сможет обойтись без концептуальных прибавок и вычетов), — важнее, что на маршруте он *меняется сам, оставаясь собой*. Он сталкер, держащий путь в неординарную реальность и удерживающий неординарность в себе.

Б. Латур заявляет, что АСТ должна одновременно иметь дело «и с континуальными, и с дискретными модусами действия» [7, с. 109]. Но о паритете их речь не идёт. В полемике с Блуrom подчёркивается недостаточность одного-единственного разрыва между субъектом и объектом и выдвигается требование умножать разрывы «по всей цепочке ассоциаций» [5, с. 148]. Дробная проекция процессуальной, динамичной реальности оказывается в явном приоритете. Она подминает под себя проекцию континуальную, которая истончается и разлагается на всё более и более нестабильные компоненты: пространство низводится к складчатой поверхности (как у Жиля Делёза), а та — к нити, расщепляемой на отдельные волоски (что претенциознее постмодернистского шизо-препарирования). Латуровская «новая топология» старательно избавляется от культа места, лишая тем самым топологию её заглавного атрибута. «Никакое место не доминирует настолько, чтобы быть глобальным <вот вам и разговоры про континуальность. — А.Ф., Т.Ф.>, и никакое место не настолько самостоятельно, чтобы быть локальным» [7, с. 284]. Узлы, наличествующие в сети, значимы не сами по себе, а опосредованно, через соединяемое в них или даже через соотносённость с пропозицией соединения. В параллель с континуальной проекцией циркулирующего сущего обедняется содержанием и телесно-вещная компонента проекции дробной. Субъект редуцируется к объекту-вещи, тот (та) трансформируется в актора, а затем, лишаясь фигурации, в актанта. Последний пребывает вообще непонятно где: его нет ни в природе, ни в обществе, ни в языке (см.: [5, с. 154]). На пересечении двух проекций получаем сугубо реляционную интеробъективную структуру — актантно-ризомную сеть.

В планах по расчленению объекта познания и действия на отдельные детали Латура активно поддерживает Джон Ло (см.: [9]). Резонно утверждая невозможность формулирования общих правил для схватывания уникального (не вполне присутствующего и не вполне отсутствующего, а «иногo»), он рассчитывает на метод сборки, позволяющий, с его точки зрения, непрерывно учреждать необходимые границы между очерченными модальностями сущего. Для британского интеллектуала важно уйти от дилеммы монизма и плюрализма и не оказаться при этом дуалистом. Он надеется, что подобное возможно, если мы поместим себя в мир дробных объектов, которые «больше единицы и меньше множества». Разумеется, и нам самим следует тогда «немного» раздробиться, признать и в себе отсутствие единственной идентичности: отсюда знакомые либеральные стенания против природы как судьбы и тот же либеральный респект по адресу феминизма. Вот только какое Я или какой осколок некогда наличествовавшего Я надёжно подтвердит отлучение от самого себя или от нерасщеплённой самости? Обрекая себя и всё окружающее лишь на частичную определённую, мы, по версии Ло, «скромно» констатируем своё нахождение в несвязной (но не бессвязной) множественности, анонсируя возможность создания нами внутри неё локального единства. Как минимум мы должны научиться понимать «связность без непротиворечивости» и по максимуму использовать иносказание. Аргумент: «На практике всё, что присутствует, всегда понимается аллегорически. Присутствие прочитывается так, чтобы увидеть, что оно может нам рассказать об отсутствии» [9, с. 205].

Несколько слов в ответ. Ничего позитивно нового в требованиях-рекомендациях британского исследователя нет. Диалектика испокон веков учит о противоречивости бытия и его познания; о реальности единственности и множественности — и несводимых друг к другу, и не отграниченных пропастью или глухой стеной; наконец, учит о пластичности логико-грамматических содержательных форм. Однако, имплицитно ориентированная на философию субъекта (отнюдь не обязательно сократовского типа), диалектика и в мыслях не держит запрета на возможность «единственных идентификаций», вернее, на удостоверенное существование нередуцированной единственности. Будь иначе, умалённой окажется и множественность; а что до процедуры именованья, то при отсутствии буквального смысла и метафора не распознаётся как метафора. Располагаясь по совету Д. Ло между единицей и множественностью (не между нулём и единицей, не между единицами, не между единицей и двоицей, — что показательно), на деле мы переносим начальную точку отсчёта в ложную единицу, неявно обнуляем её. И номинальное «больше единицы» в реальной фиксации даёт значение «меньше единицы».

Заключение. Акторно-сетевая теория движется в русле нововременной рациональности, не преодолевая её постклассических границ. Латуровские построения здесь особенно показательны. Итак, на поверку. Та же картезианская аналитичность — но без начальной и любой последующей точек опоры; без всякого, стало быть, планируемого в дальнейшем синтеза — лишь с калейдоскопическим чередованием складывающихся структур. То же ницшеано-гуссерлианское предпочтение становления ставшему вместе с культом Другого и «недодетерминированности» — но уже без иллюзий корреляционизма (той версии реляционных воззрений, в которой акцентируется согласованность соотносимого). Аналогичный попперовскому фальсификационизм и связанная с ним социальная инженерия — но перемещённые в контекст тотально некритичной эмпирии, неотфильтрованных фактов. Схожая с постмодернистской детерриторизация и деконструкция реальности — логично переходящая в «расщепление волосков» и индифферентное допущение как невозможности-нежелательности метадискурса, так и его приемлемости. Наконец, фиктивная реабилитация иррационального (действия, непрозрачного для сознания) — никак не могущая быть иной при редукции субъекта к объекту и его фрагментам, при неизбежно сопутствующей данной процедуре дискредитации и профанации воли, желания, беспристрастности.

Конструируемая Брюно Латуром интеробъективная сеть содержательно бедна — не настолько, чтобы обеспечивать беспримесное фиксирование и презентацию каждого отдельно взятого факта, его уникальности, но настолько, что позволяет легко сводить социальное к социотехническому.

Список литературы

1. Блур Д. Анти-Латур / Пер. с англ. Г. Егорова // Логос. 2017. № 1. С. 85—134.
2. Блур Д. Ответ Брюно Латуру / Пер. с англ. А. Писарева // Логос. 2017. № 1. С. 163—172.
3. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 196—231.

4. Латур Б. АСТ: вопрос об отзыве / Пер. с англ. Н. Кочинян // Логос. 2017. № 1. С. 201—216.
5. Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура / Пер. с англ. А. Писарева // Логос. 2017. № 1. С. 135—162.
6. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные ещё большими усложнениями / Пер. с англ. А. Писарева // Логос. 2017. № 1. С. 173—200.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Латур Б. Политики природы / Пер. с франц. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
9. Ло Д. После метода. Беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 362 с.
10. Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике / Пер. с англ. группы CubeofPink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 254 с.
11. Фатенков А. Н. Онтология Брюно Латюра как технологизированное берклианство // Философские науки. 2019. Т. 62. № 9. С. 68—87.
12. Фатенков А. Н. Экзистенциальная онтогносеология: отпор методологическому посредничеству // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 2. С. 123—131.

Авторская справка

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия. E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru.

ФАТЕНКОВА Татьяна Алексеевна, кандидат социологических наук, независимый исследователь, Нижний Новгород, Россия. E-mail: fatenkova.iam@gmail.com.

UDC 165.0

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.56

ACTOR-NETWORK THEORY AS AN EXPRESSION OF CRISIS OF NEW TIME RATIONALITY'S FOUNDATIONS

¹*A. N. Fatenkov*, ²*T. A. Fatenkova*

¹*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia), Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod (Russia);*

²*Independent scholar, Nizhny Novgorod (Russia)*

Introduction. Holding to the subject-oriented position, the authors consider, primarily in a critical sense, the actor-network theory (ANT) in the version of Bruno Latour. The claims to it are formulated and argued, mainly in terms of its inherent reductionism and relationalism.

Methods. The article is built in the conceptual reconstruction strategy. It implies «simultaneous» consideration of the researched material both in the author's and interpreter's logic.

Results. ANT does not solve the productive theoretical problems to which it refers. First of all, the problem of the fundamental ontological insufficiency of causal discourse and the meaningful discrepancy of the description and explanation procedures caused by it. The holes in the foundations of modern rationality discovered by Latour — indisputable reductionism and, as a result, the lack of simplicity of the method of knowledge and insensitivity to the unique subject of knowledge — are not being overcome by the actor-network theory itself. On the contrary, reductionism in it is growing: an interobjective actant-rhizome network is taken as a model of the described reality.

Conclusion. ANT is correlated with certain tendencies in modern scientific and social practices. It is also a provocative expression of New Time rationality's crisis condition.

Keywords: actor-network theory (ANT), Bruno Latour, relationalism, the interobjective, reductionism, New Time rationality.

References

1. Bloor D. “Anti-Latur” [Anti-Latour], trans. by G. Egorov. *Logos* [Logos. Philosophical and Literary Journal]. 2017. Vol. 27. No 1. P. 85—134.
2. Bloor D. “Otvét Bruno Laturu” [Reply to Bruno Latour], trans. by A. Pisarev. *Logos* [Logos. Philosophical and Literary Journal]. 2017. Vol. 27. No 1. P. 163—172.
3. Callon M. “Nekotorye elementy sotsiologii perevoda: odomashnivanje morskikh grebeshkov i rybakov zaliva Sen-Brie” [Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay], trans. by A.M. Korbut. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power. Scientific and Sociopolitical Journal]. 2015. Vol. 27. No 1. P. 196—231.
4. Latour B. “AST: vopros ob otzyve” [On Recalling ANT], trans. by N. Kochinyan. *Logos* [Logos. Philosophical and Literary Journal]. 2017. Vol. 27. No 1. P. 201—216.
5. Latour B. “Devidu Bluru... i ne tol'ko: otvet na «Anti-Latur» Devida Blura” [For David Bloor and Beyond], trans. by A. Pisarev. *Logos* [Logos. Philosophical and Literary Journal]. 2017. Vol. 27. No 1. P. 135—162.
6. Latour B. “Ob aktorno-setevoi teorii. Nekotorye raz'yasneniya, dopolnennye eshche bol'shimi uslozhneniyami” [On Actor-Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications], trans. by A. Pisarev. *Logos* [Logos. Philosophical and Literary Journal]. 2017. Vol. 27. No 1. P. 173—200.
7. Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], trans. by I. Polonskaya, ed. by S. Gavrilenko. Moscow: HSE Publ. House, 2014. 384 p.
8. Latour B. *Politiki prirody* [Politics of Nature], trans. by E. Blinov. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2018. 336 p.
9. Law J. *Posle metoda. Besporyadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], trans. by S. Gavrilenko, A. Pisarev & P. Khanova, ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy Publ, 2015. 362 p.
10. Mol A. *Mnozhestvennoe telo: Ontologiya v meditsinskoj praktike* [The Bode Multiple: Ontology in Medical Practice], trans. by “Cube of Pink”, ed. by A. Pisarev & S. Gavrilenko. Perm': Gile Press Publ., 2017. 254 p.
11. Fatenkov A. N. “Ontologiya Bryuno Latura kak tekhnologizirovannoe berkleianstvo” [Bruno Latour's Ontology as Technologized Berkeleyianism]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. 2019. Vol. 62. No 9. P. 68—87.
12. Fatenkov A. N. “Ekzistentsial'naya ontognoseologiya: otpor metodologicheskomu posrednichestvu” [Existential Ontognosiology: Resistance to Methodological Mediation]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector]. 2018. Vol. 13. No 2. P. 123—131.

Author's Bio

FATENKOV Aleksey N., Doctor of Science in Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru.

FATENKOVA Tatyana A., PhD in Sociology, independent scholar, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: fatenkova.iam@gmail.com.

Библиографическая ссылка

Фатенков А. Н., Фатенкова Т. А. Акторно-сетевая теория как выражение кризиса оснований нововременной рациональности // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 2(22). – С. 56-65. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.56

УДК 140.8

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.66

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ: МЕЖДУ ХАОСОМ И ПОРЯДКОМ (ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

В. П. Шалаев

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. В статье с критических позиций анализируются феномены глобализации и общества потребления как доминанты развития современной истории. Глобализация рассматривается как порождённый западной цивилизацией и культурой социальный проект, в своей сущности носящий экономический характер, представленный интересами бизнеса (производственного, торгового, финансового). Под обществом потребления автор понимает симбиоз мирового массового производства товаров и услуг, и столь же масштабного массового потребления. Автор проводит сравнение западной формой глобализации и обществом потребления с разрушительным Левиафаном, и «Герникой» П. Пикассо, как образом разорванного мира человека и общества. Автор утверждает, что наука, под влиянием западного глобализационного проекта и общества потребления превратилась в фабрику по производству массовых ценностей и массового человека, стала придатком общества потребления.

Методы. В качестве главных методов исследования выступил критический анализ, системный подход и метод научного конструирования, способствовавшие всестороннему и критическому анализу и прогнозированию развития проблемы.

Основные идеи исследования, полученные результаты исследования и их обсуждение. В статье анализируются глобализационные контексты университетской науки, которая, по мнению автора, находится в переходном состоянии, между хаосом и порядком. Наиболее существенные из них: а) утрата наукой статуса независимого социального института, её превращение в служанку экономики и политики; б) превращение науки в инструмент и ингредиент фабричного производства лояльной глобализационным ценностям массовой образованной рабочей силы и развитого массового потребителя в глобальном обществе потребления; в) деструктуризация и диффузия науки, научных ценностей и целей в глобальном обществе потребления. Констатируется, что мейнстримом в динамике науки в глобальном обществе потребления, стало движение от классической академической прусской образовательной системы к прикладной англо-американской. Среди конкретных разрушающих науку тенденций автор называет дефундаментализацию, коммерциализацию, деэтизацию, узкую специализированность, формализацию, разрушение научных школ и т. д.

Заключение. В заключении автором предлагаются меры национальной безопасности, необходимые для преодоления наметившихся разрушительных тенденций.

Ключевые слова: глобализация, общество потребления, глобальное производство, глобальное потребление, массовое сознание, трансформация науки, наука как фабрика массовых ценностей и массового человека.

Введение. У нас нет сомнений в том, что западный формат глобализации, как мы её понимаем, в своей сущности стал своеобразным Левиафаном — пожирающим человека и общество чудовищем глобального производства и глобального потребления, разрушающим образом влияющего на человека и общество в области ценностей и отношений. Их деформация представлена сегодня резко ускорившимися процессами разрушения традиционных социальных институтов. Здесь вполне уместен образ «Герники» П. Пикассо (1937 год), воплощей разрушительные последствия гражданской войны в Испании (1931—1939 годов).

«Герника» П. Пикассо и собирательный образ «Левиафана» — два художественных образа, дополняющих, по нашему мнению, социальные последствия той западной формы глобализации и связанного с ней общества потребления, которые и тождественны современности. Детализируем эту критическую оценку.

1. Понятие западной глобализации (Globalization) невозможно без понимания её геополитического значения в современном мире. В XX веке осуществлены два проекта глобализации: западный и советский. Западная глобализация и общество потребления характеризуются нами как *глобальная экономическая колонизация мира*: борьба за природные и человеческие ресурсы и рынки сбыта, и подчинение западным интересам (западному капиталу и политике) природных, человеческих ресурсов иных стран и народов [2; 4; 6; 11].

2. Западная глобализация и общество потребления являются *глобальной культурной колонизацией мира*. Происходит культурная деидентификация народов, замена традиционных национальных и этнических культур на вне- и наднациональные глобальные идентичности. Западная культурная колонизация выступает условием создания управляемой массовой рабочей силы (армия труда) и массового потребителя (армия потребления) [2; 4; 6; 9; 11].

3. Западная глобализация и общество потребления выступают предпосылкой *глобального социального разрушения мира*. Прежде всего, воздействие направлено на факторы национальной самоорганизации и безопасности общества: традиционные социальные институты, традиционную мораль, религию, традиционные формы семьи и брака, национальную историческую память и т. д.).

4. Западная глобализация и общество потребления проявляются в тенденциях *демократизации и либерализации*, как «мягкая сила» (soft power, англ.) деидентификации и диффузии традиционных культур и идентичностей и фактор заподобления (расширение подчинения стран и народов глобальному западу).

5. Западная глобализация и общество потребления характеризуется *симбиозом глобального производства* (общество всеобщего труда — society of general

work, англ.) и *глобального потребления* (общество потребления — consumer society, англ.). Это единство — важнейшее условие глобальной экономики, устремленной к глобальной прибыли.

6. Западная глобализация, образно выражаясь, является *глобальным социальным хищником*, Левиафаном современности (Т. Гоббс). Глобальное производство и глобальное потребление предполагает агрессивные формы потребления природы, человека и культуры как ингредиентов развития капитала и бизнеса.

7. Западная глобализация и общество потребления являются *предпосылкой, катализатором гистолоза (ускорения) общественного развития*, при котором одновременно возрастают риски социальной энтропии (социальной дезорганизация) и социально-природных бифуркаций (катастроф).

8. Западная глобализация и общество потребления спровоцировали *цивилизационную индукцию развития*. «Не запад» быстро научился у Запада рациональности и ускоряется в своём развитии. Нарастает конкуренция и борьба за человеческие и природные ресурсы новых глобальных аттракторов (Китай, Индия, мусульманский мир, африканский мир, латиноамериканский мир, евразийский проект России) [6; 8; 9; 11].

9. Западная глобализация и общество потребления основаны на *двойной эксплуатации человека и общества* со стороны капитала. Это двойное отчуждение проявляется, во-первых, в эксплуатации человека как массовой рабочей силы, во-вторых, — в его эксплуатации как массового потребителя. Деформируются и функции науки и образования, которые становятся инструментами глобального производства и глобального потребления, фабриками по производству лояльной массовой рабочей силы и лояльного массового потребителя.

10. При этом, глобальное производство и глобальное потребление задают новые качества социального лидера. Новые лидеры энергичны, прагматичны, эгоистичны (нарциссичны). С другой стороны, западная глобализация и общество потребления сопровождается ослаблением креативности, развитием протестных субкультур, дауншифтингом и эскапизмом. В этих условиях нарастает потребность в новых духовно-ориентированных лидерах, способных на альтруизм, справедливость, ответственность и служение обществу. У нас нет сомнений, что мир, обогащённый опытом западной глобализации и общества потребления, находится в ожидании нового мировоззрения, новой идеологии, основанной на духовной морали, ответственности, справедливости и альтруизме [3; 3; 4; 5].

Методы. В качестве главных методов исследования выступил критический анализ, системный подход и метод научного конструирования, ставшие основой всестороннего и критического анализа и прогнозирования развития проблемы.

Основные идеи исследования, полученные результаты исследования и их обсуждение. Зафиксируем некоторые из наиболее значимых, на наш взгляд, глобализационных контекстов университетской науки, находящейся сегодня между порядком и хаосом. Некоторые из этих тезисов:

1. Утрата наукой статуса независимого социального института и фактора общественного познания и развития. Превращение науки в служанку экономики и политики (А. Грамши «Тюремные тетради»).

2. Университетская наука в современном обществе как инструмент и ингредиент фабричного производства лояльной глобализационным ценностям массовой образованной рабочей силы и развитого массового потребителя в глобальной системе производства и потребления. Университетская наука как инструмент и ингредиент глобального общества потребления.

3. Деструктуризация и диффузия науки, научных ценностей и целей в глобальном обществе потребления.

Мейнстримом в динамике науки в этом новом глобальном обществе, стало движение от классической академической прусской образовательной системы и науки к прикладной англо-американской. От классической академической прусской системы (рационализм, академизм, сквозные предметы на всём протяжении, всесторонность и фундаментальность), к либеральной, англо-американской системе (рассудочность, измельчённость предметных полей, мелкотемье, выборность предметов, индивидуальные образовательные траектории, дефундаментализация, прикладнизация под потребности рынка). Обобщая, сформулируем несколько принципиальных критических экспертных вопросов:

1. Дефундаментализация науки. (Размывание фундаментальности).
2. Прикладнизация. (Ориентация на прикладные, узкоотраслевые, прикладные, потребительские, рыночные знания и навыки).
3. Уход науки в технологизацию (направленность на конструирование искусственной реальности: мейнстрим информатизации, виртуализации реальности, а не её изучение).
4. Деэтизация и прагматизация науки, ставшей придатком экономики, бизнеса и политики.
5. Узкая специализированность (препарация науки), постепенная утрата навыков больших теорий (теории природы, теории общества, теории человека...).
6. Мелкотемье научных исследований. Из науки уходят крупные, общечеловеческие темы и проблемы. (Устройство мира и общества, перспективы человека и закономерности их развития...). Уменьшение масштаба мышления в науке.
7. Коммерциализация науки. (Ориентация науки на быстрый практический эффект и финансовый результат как высший критерий).
8. Сервисизация науки. (Превращение науки в служанку сервисных практик в экономической жизни общества. Наука как служанка сервиса).
9. Кризис общенаучных методологий. Дефицит общенаучных языков общения. Расхождение наук. Рост межнаучных дистанций.
10. Слабая готовность к междисциплинарному диалогу. Постепенное окукливание наук и научных языков.
11. Утрата аскетизма и трудовой этики учёных. (Потребительская устремленность учёных, ориентация на формальные ценности, быстрый результат).
12. Разрушение кадрового потенциала в науках (разрушение условий по подготовке сильного студента, аспиранта, исследователя...).
13. Формализация науки (борьба за гранты, финансирование, как показатели аккредитации учёного, лаборатории, вуза, а не как факторы научного развития).

14. Разрушение научных школ. Утрата преемственности научных поколений в науке. Утрата преемственности научных знаний.

15. Метаморфозы и трансформации научных элит (научные элиты по принципу доступа к финансам и власти).

Заключение. По нашему мнению, национальные научные системы, выполняющая заказ на развитие национальной экономики и культуры, не могут в сложившихся условиях, обойти в своём развитии, следующие назревшие задачи:

1. Государственное планирование в финансирование науки не только по принципу малых государственных конкурсов (разнотравья), дающих поддержку отдельным учёным в их исследованиях, но и по принципу анализа и решения крупных общественных проблем и общенациональных интересов.

2. Поддержка и финансирование аспирантур и докторантур в университетах (не по принципу защитил аспиранта — получи финансирование на нового аспиранта, но по принципу приоритетных направлений общественного развития).

3. Сохранение практики финансовой поддержки преподавателей вузов, желающих учиться в системе СНС.

4. Усиление финансовой поддержки преподавателей университетов, для повышения научной квалификации в крупных научных и университетских центрах.

6. Создание государственных условий отделения науки от влияния бизнеса и коммерции. Декоммерциализация науки, как средства преодоления зависимости науки от коммерческого интереса, мелкотемья и узких специализаций.

7. Создание условий интеграции исследований и учёных на решении крупных общественных проблем. Преодоления оукливания наук и научных языков.

8. Преодоление «детской болезни левизны» в вопросах аккредитации учёных, лабораторий, научных объединений по принципам формальной оценки научной деятельности (количество публикаций, публикации в квартальных журналах и т. д.). Возвращение оценки деятельности учёных по реальным результатам (ноу-хау, зарегистрированные открытия, внедрения, образцы техники...).

9. Преодоление формализации науки (борьба за гранты, дипломы, грамоты и другие показатели аккредитации учёного, а не результативности науки).

10. Восстановление поддержки научных школ и преемственности поколений учёных средствами государственного регулирования.

11. Создание государственных условий оценки научных элит не по принципам доступа к власти и финансам, а по их реальному общественному продукту.

12. Возвращение в школы и университеты часов и сквозной подготовки в области фундаментальных знаний (математика, физика, химия, биология, история, география, литература, обществознание).

13. Преодоление прикладнизации школьной и университетской подготовки, сокращение в учебных планах дисциплин и часов на них.

14. Создание государственных условий по популяризации науки и профессии учёного в обществе, начиная со школьного образования в СМИ и культуре.

Таковы лишь некоторые из важнейших маркеров развития современной российской науки. Они во многом являются следствием, той общей денаукизации общества, что мы наблюдаем в эпоху западной глобализации и общества

потребления. Наша статья эвристически лишь ставит эти вопросы, которые, несомненно, нуждаются в своём дальнейшем уточнении и более всестороннем понимании. В том числе путем социальной инженерии, как движения от понимания первого, более общего порядка, к пониманию более конкретному и всестороннему, в вопросах места и роли науки в системе общества. В том числе и в вопросах национальной безопасности России, и её устойчивого развития в быстро меняющемся, все более жёстком и конкурентном мире глобализации.

У нас нет сомнений в том, что западный формат глобализации кончается, зарождается совсем другой мир — Новый глобальный мир. И проявлений у этого множество (поляризация мира, нарастание конфликтности, как вне, так и внутри национальных квартир, разрушение традиционных социальных институтов, вырождение духовных ценностей и т. д.). Наука, вдруг, вновь начинает проявлять себя как социальный институт, способный стать важным инструментом рефлексии общественного развития, формирования проектов выживания и продолжения стран и народов в нарождающейся новой реальности [1; 2].

Список литературы

1. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как технология глобализации и угроза национальной безопасности России (философский анализ) // SocioTime / Социальное время. — 2015.—N1. — С. 57—71.
2. Шалаев В. П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // SocioTime / Социальное время. — 2015.—N2.— С. 50—59.
3. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // SocioTime / Социальное время. — 2015.— N2. — С. 112—122.
4. Шалаев В. П. Осторожно мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // SocioTime / Социальное время. — 2015.—N3.—С. 48—57.
5. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // SocioTime/Социальное время. — 2016.—N2 (6). — С. 71—81.
6. Шалаев В. П. Между западофикацией и собственным путём: нелёгкий выбор нашего времени (опыт философского анализа) // SocioTime / Социальное время. — 2018.—N3 (15). — С. 26—36.
7. Шалаев В. П., Бурнашев К. Э., Шалаева С. Л. Социальные стандарты человека в практике межпоколенных отношений в обществе потребления // SocioTime/ Социальное время. 2018. № 4(16). С. 50—63.
8. Шалаев В. П. Не запад в глобальном обществе потребления // SocioTime/Социальное время. — 2016.—N2 (6). — С. 71—81.
9. Петрушков М. Г., Шалаев В. П. Гибридные войны и национальная безопасность Российской Федерации // SocioTime/Социальное время. — 2019.— N4 (20). — С. 37—47.
10. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализированном мире: метаморфозы, вызовы, перспективы. — Йошкар-Ола: ПГТУ. — 2015.— 288с.
11. Шалаев В. П. Глобализация как вызов культурной и цивилизационной безопасности стран и народов в XXI веке // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. — 2015.— N5 (178). — С. 89—93.
12. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Псевдолиберальная культура как фактор глобальной западофикации и социальной деструкции общества // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. — 2016.— N5 (187). — С. 137—142.

Авторская справка

ШАЛАЕВ Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий Поволжского государственного технологического университета, Йошкар-Ола, Россия. E-Mail: shalaevvp@volgatech.net.

UDC 140.8

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.66

***SYNERGISTIC IMAGE OF UNIVERSITY SCIENCE IN THE FACE
OF MODERN CHALLENGES: BETWEEN CHAOS AND ORDER
(CRITICAL ANALYSIS EXPERIENCE)***

V. P. Shalaev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. From a critical point of view, the article considers the phenomena of globalization and consumption society as dominants of the development of modern history. Globalization is seen as a social project generated by Western civilization and culture, essentially of an economic nature, represented by the interests of business (production, trade, financial). By the society of consumption, the author understands the symbiosis of the world mass production of goods and services, and of the same large-scale mass consumption. The author compares the Western form of globalization and the consumption society with the destructive Leviathan, and P. Picasso's "Guernica" as an image of the torn world of man and society. The author argues that science, under the influence of the Western globalization project and the consumption society, has become a factory for the production of mass values and mass man, has become an appendage of the consumption society.

Methods. The main methods of research were critical analysis, a systematic approach and a method of scientific design, which contributed to a comprehensive and critical analysis and prediction of the development of the problem.

Results. The article considers the globalizing contexts of university science, which, according to the author, is in a transitional state, between chaos and order. The most significant of them are: (a) the loss by science of the status of an independent social institution, its transformation into a servant of economics and politics; (b) the transformation of science into an instrument and ingredient of factory production loyal to globalizing values of a mass educated labour and a developed mass consumer in a global consumption society; (c) the de-structuring and diffusion of science, scientific values and goals in a global consumption society. It is stated that the mainstream in the dynamics of science in the global consumption society was the movement from the classical academic Prussian educational system, applied Anglo-American. Among the specific trends that destroy science, the author calls defundamentalization, commercialization, eroding ethical values, narrow specialization, formalization, destruction of scientific schools, etc.

Conclusion. In conclusion, the author proposes the national security measures necessary to overcome the emerging destructive trends.

Keywords: globalization, consumption society, global production, global consumption, mass consciousness, transformation of science, science as a factory of mass values and mass man.

References

1. Shalaev V. P. *Mirovozzrenchesko-obrazovatel'naya zapadofikatsiya kak tekhnologiya globalizatsii i ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossii (filosofskiy analiz)* [World View and Education as a Technology of Globalization and a Threat to National Security (philosophical analysis)] //Socio Time / Sotsial'noe vremya [SocioTime]. — 2015.— N1.— Pp. 57—71.

2. Shalaev V. P. *Globalizatsiya kak zapadofikatsiya i kolonizatsiya mira i epilog zapadnoj osi mirovoj istorii* [Globalization as Westernisation and Colonization of the World and the Epilogue of the Western Axis of World History] // SocioTime / Social'noe vremya [SocioTime]. — 2015.— N2.— Pp.50—59.
3. Shalaeva S. L., Shalaev V.P. *Liberal'naya (pseudoliberal'naya) kul'tura kak faktor global'noy zapadofikatsii i global'nogo upravleniya* [Liberal (pseudo-liberal) culture as a reason in global westernization and global governance] // Socio Time / Sotsial'noe vremya [SocioTime]. — 2015.—N2. — Pp.112—122.
4. Shalaev V.P. *Ostorozhno, mutatsiya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadofikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut* [Carefully, mutation: man and society before the challenges of globalization, West certification and consumption: contradictions are growing] // Socio Time / Sotsial'noe vremya [SocioTime]. — 2015. — N3.— Pp. 48—57.
5. Shalaev V.P. *Bifurkatsionnyy chelovek v global'nom obshchestve potrebleniya* [Bifurcation person in a global consumer society] // Socio Time/Sotsial'noe vremya [SocioTime]. — 2016. — N2 . — Pp. 71—81.
6. Shalaev V.P. *Mezhdru zapadofikatsiej i sobstvennym putem: nelegkij vybor nashego vremeni (opyt filosofskogo analiza)* [Between Westernisation and Our Own Path: The Difficult Choice of Our Time (Experience of Philosophical Analysis)] // SocioTime / Social'noe vremya [SocioTime]. — 2018. — N3 (15). — Pp.26—36.
7. Shalaev V.P., Burnashev K.E., Shalaeva S.L. *Sotsial'nye standarty cheloveka v praktike mezhpokolennykh otnosheniy v obshchestve potrebleniya* [Human social standards in the practice of intergenerational relations in a consumer society] // SocioTime/ Sotsial'noe vremya [SocioTime]. 2018. № 4(16). Pp. 50—63.
8. Shalaev V.P. *Ne zapad v global'nom obshchestve potrebleniya* [Not the West in a global consumption society] // SocioTime/Social'noe vremya [SocioTime]. — 2016. — N2 (6). — Pp.71—81.
9. Petrushkov M.G., Shalaev V.P. *Gibridnye voyny i natsional'naya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii* [Hybrid wars and national security of the Russian Federation] // Socio Time/Sotsial'noe vremya [SocioTime]. — 2019.— N4 (20). — Pp. 37—47.
10. Shalaev V.P. *CHelovek i obshchestvo v globalizirovannom mire: metamorfozy, vyzovy, perspektivy* [Man and society in a globalized world: metamorphoses, challenges, prospects]. — Yoshkar-Ola: PGTU [PGTU]. — 2015.—288 p.
11. Shalaev V.P. *Globalizatsiya kak vyzov kul'turnoj i civilizatsionnoj bezopasnosti stran i narodov v HKHI veke* [Globalization as a challenge to the cultural and civilizational security of nations and peoples in the twenty-first century] // Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya [BGTU. Series: History, Philosophy, Philology]. — 2015. — N5 (178). — Pp.89—93.
12. Shalaeva S.L., Shalaev V.P. *Pseudoliberal'naya kul'tura kak faktor global'noj zapadofikatsii i social'noj destrukticii obshchestva* [Pseudo-liberal culture as a factor in the global Westernisation and social destruction of society] // Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya [BGTU. Series: History, Philosophy, Philology]. — 2016. — N5 (187). — Pp.137—142.

Author's Bio

SHALAYEV Vladimir Pavlovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: shalaevp@Volgatech.net.

Библиографическая ссылка

Шалаев В. П. Синергетический образ университетской науки в условиях вызовов современности: между хаосом и порядком (опыт критического анализа) // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 2(22). — С. 66-73. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.66

УДК 316.354.2

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.74

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДОЙ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК

Т. В. Андриянова

Курский государственный университет, Курск (Россия)

Введение. Цель исследования — изучение возможностей взаимодействия как основы построения управленческих моделей в социальной среде общедоступных библиотек. Актуальность обусловлена особенностями формирования информационного общества, которое с одной стороны предоставляет неограниченные возможности для обеспечения доступности благ культуры, а с другой стороны «рискует увековечить неравенство» (П. Брофи, Дж. Кравен). Проблема заключается в необходимости разрешения противоречия между имеющимся опытом взаимодействия в построении социальной среды в условиях общедоступных библиотек и недостаточной степенью его актуализации в рамках существующих исследовательских подходов.

Методы. Основной подход, выбранный автором в исследовании — информационный, характеризующий социальную среду общедоступных библиотек с точки зрения управленческих возможностей и соответствующих рисков. Основным методом исследования — анкетный опрос работников общедоступных библиотек г. Курска, проведённый в 2019 году (N=168), выборка целевая сплошная. В качестве дополнительных методов выступают неструктурированные интервью с руководителями общедоступных библиотек г. Курска (N=10) транскрипты которых приводятся в статье и анализ статистической информации.

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. Исследование решало две задачи: определение степени готовности работников общедоступных библиотек к взаимодействию с лицами с ОВЗ и инвалидностью, как наиболее уязвимой категорией населения и построение модели управления социальной средой общедоступных библиотек. Результаты анкетного опроса позволяют сделать вывод, что работники общедоступных библиотек в целом готовы выстроить свою работу таким образом, чтобы социальная среда в каждой конкретной организации и в рамках межбиблиотечного партнёрства способствовала формированию «человека созидающего».

Заключение. Модели управления этим процессом должны быть построены на основе взаимодействия субъекта и объекта регионального поля культуры. Существуют определенные барьеры, затрагивающие их деятельностные компоненты: недостаточная квалификация работников, отсутствие достаточного количества материальных, информационных и других ресурсов, слабый контроль качества работы.

Ключевые слова: взаимодействие, управление, социальная среда, общедоступные библиотеки, регион, культура.

Введение. В настоящее время в рамках выполнения национального проекта «Культура» ставится задача увеличения числа посещений учреждений культуры и

обеспечения доступности культурных благ всем группам населения, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее с ОВЗ) и инвалидов⁴. Обеспечение равного доступа граждан к услугам учреждений культуры является дискуссионным вопросом и в теоретическом и в практическом плане. Несмотря на наличие достаточного количества нормативно-правовых документов, регулирующих взаимоотношения в данной сфере⁵, а также исследовательских подходов к изучению данной темы [10; 16], до сих пор в региональном поле культуры субъекты и объекты управленческого воздействия не образуют единый контекст взаимодействий. В этой связи в настоящем исследовании в качестве ключевой задачи выступает изучение взаимодействия как основы управления социальной средой общедоступных библиотек г. Курска, что, в свою очередь, ведёт к постановке двух основных задач:

- определение степени готовности работников общедоступных библиотек к взаимодействию с лицами с ОВЗ и инвалидностью;
- построение модели управления социальной средой общедоступных библиотек и их взаимодействие со специальными библиотеками.

Проблема, на решение которой направлено исследование заключается в необходимости разрешения противоречия между имеющимся опытом взаимодействия в построении социальной среды для лиц с ОВЗ и инвалидностью в условиях общедоступных библиотек и недостаточной степенью его актуализации в рамках существующих исследовательских подходов.

Среди российских авторов, исследующих вопросы сущности библиотеки как социального института, её основных функций, необходимо отметить С. А. Басова, А. Н. Ванеева, Н. С. Карташова, Т. Б. Маркову, Р. С. Мотульского, А. И. Остапова, Ю. Н. Столярова, В. Р. Фирсова, А. Н. Хропача, Л. А. Шилова [3; 4; 5; 7; 9; 11; 14; 15; 17; 19].

Вопросы, связанные с взаимодействием в социальной среде библиотеки как социального института, учёные рассматривают в разных ракурсах. В рамках библиотековедения Е. В. Мокшанова выводит понятие «культурная среда библиотеки» с учётом социологического подхода из понятий «культурная среда», «социальная среда», «библиотечная среда», отмечая их неразрывную связь. Автор подчёркивает антропологический аспект культурной среды: «в центре культурной среды общества находится её творец — человек созидающий» [8, с. 26], который способствует самореализации человека, является для него «смысловым миром»,

⁴ Национальный проект «Культура»: планы и направления [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mkrf.ru/press/news/natsionalnyy_proekt_kultura_plany_i_napravleniya/ (дата обращения: 28.11.2019).

⁵ Постановление Правительства РФ от 01.12.2015 №1297 «Об утверждении государственной программы «Доступная среда на 2011—2020 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zhit-vmeste.ru/gosprogramma-dostupnaya-sreda/normativnye-pravovye-akty/dokumenty-programmy-dostupnaya-sreda/88533/> (дата обращения: 10.11.2019); Приказ Министерства культуры России от 09.09.2015 г. № 2400 «Об утверждении требований доступности учреждений культуры с учетом особых потребностей инвалидов и других маломобильных групп населения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512170019> (дата обращения: 10.11.2019); Приказ Министерства культуры РФ от 10.11.2015 г. № 2761 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов библиотек и библиотечного обслуживания соответствии с законодательством РФ о социальной защите инвалидов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.roskultura.ru/documents/854560/> (дата обращения: 10.11.2019); Приказ Минкультуры России от 16.11.2015 г. № 2800 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов культурных ценностей и благ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71280536/> (дата обращения: 19.11.2019).

интегрирующим разные поколения людей в общество. Основываясь на методологии М. Я. Дворкиной, исследователь определяет культурную среду библиотеки как «особый гуманистический стиль и интеллигентный характер взаимоотношений библиотекарей и пользователей, духовно-нравственную, творческую атмосферу и культурные (комфортные) условия общения» [8, с. 27]. В целом Мокшанова, обсуждая проблемы поликультурного общества, считает библиотеку одним из институтов интеграции и адаптации личности в поле межличностных контактов и межгруппового общения, а также выделяет основные элементы внутренней среды библиотеки (микросреды), одним из которых является культурная среда. В рамках этого подхода А. В. Соколов предлагает рассматривать библиотекаря как активного субъекта культуры, относя его к постсоветской гуманитарной интеллигенции [13]. И. В. Чаднова изучая поликультурную среду общедоступных библиотек, отмечает, что эти организации, по сути, являются культурно-просветительскими центрами с особым кругом задач, включающим в себя социокультурное посредничество между различными группами населения, их интеграцию и адаптацию. Особое внимание уделяется взаимодействию библиотек с различными социальными институтами, общественными организациями и другими участниками социальных процессов в современном российском обществе [18].

Культурологический взгляд на заявленную проблему отличает широта подходов и методов. Так, Р. А. Позднякова и В. С. Сёмина выделяют понятие «самость» (уникальность) как фактор провинциальной культуры, определяющий место и роль библиотеки в качестве её органического элемента. Самость раскрывает феномен культурной среды провинциальной библиотеки: «библиотека как никакой другой институт культуры обладает способностью раздвигать границы повседневности, менять её контуры и расширять её пространство, изменять качество повседневности, насыщать её новым содержанием» [12]. Авторы обосновывают регионально-культурную функцию библиотеки как позволяющую человеку обрести самого себя. Отмечая социальную ценность чтения в так называемой «дефектологической деятельности», направленной на лиц с ОВЗ и инвалидностью, они указывают на новые подходы и приёмы уменьшения «информационной бедности» социально уязвимых слоёв населения.

Социальная среда общедоступных сельских библиотек включает в себя, по мнению К. А. Кузоро и А. А. Ляпковой, культурно-просветительскую работу и организацию досуга лиц с ОВЗ и инвалидностью [6, с.223]. Особое внимание здесь уделяется созданию доступа к неограниченному информационному контенту, основанному на «действующих в библиотеках информационных службах, обеспечивающих бесплатный доступ к правовой, нормативной, социально значимой информации и организующих консультативную помощь по её поиску» [6, с. 224].

В зарубежных исследованиях опыт взаимодействия в библиотечной социальной среде и управление им основывается на мнении, высказанном, в частности, Д. Оуэном, о необходимости создания интегрированного фонда библиотек, куда войдут специализированные издания [23]. Такой опыт имеется во многих странах мира, в том числе и в Великобритании в рамках межбиблиотечного абонемена. Так, учёные из Бирмингемского университета провели исследование в 230 библиотеках колледжей дополнительного образования Англии, Шотландии и Уэльса с целью

изучения влияния одного из законов об особых образовательных потребностях и инвалидности, принятого в 2001 году, на процесс предоставления библиотечных ресурсов для слабовидящих. Результаты исследования показали, что этот закон повлиял на каждую библиотеку по-разному: одни проявили себя лучше и были в целом готовы к его выполнению, так как имели определенные ресурсы, их руководство поощряло достижения в этой области, а другие библиотеки столкнулись с целым рядом проблем, ставших барьером на пути к успешному исполнению закона (недостаточное финансирование и подготовка кадров). В связи с чем авторы отмечают необходимость:

- переоборудования помещений и подготовки кадров за счёт дополнительных финансовых ресурсов;
- проведение аудита менеджерами библиотек имеющихся услуг и возможности физического доступа к ним;
- всесторонней поддержки инвалидов со стороны сотрудников библиотек;
- налаживания взаимодействия с другими библиотеками и соответствующими организациями для обмена методами совершенствования библиотечных услуг для инвалидов в целях соблюдения законодательства [22].

Методы исследования. В качестве методологической основы исследования выступает подход, предложенный учёными Манчестерского университета П. Брофи и Дж. Кравеном [20; 21], который характеризует социальную среду доступных библиотек с точки зрения информационного подхода, раскрывает основные аспекты управления и соответствующие риски: «Революция в области информационно-коммуникационных технологий должна стать пропуском к инклюзивности: вместо этого она рискует увековечить неравенство. Библиотеки — точки доступа к информации для столь многих из нас — не успевают за развитием технологий доступа» [21, с. 3]. По мнению авторов доступность всех библиотечных и информационных услуг должно быть на повестке дня каждого руководителя национальных, региональных и местных органов власти. Сутью данного процесса станут новые электронные информационные среды, в которых в качестве основных носителей контента выступают визуальные образы. Это, в свою очередь, предоставляет новые возможности включения в культурное поле библиотек для инвалидов и призванных помочь им волонтеров [21].

С целью изучения доступной социальной среды общедоступных библиотек Курской области и соответствующих моделей управления, в октябре 2019 году на базе ОБОУ ДПО «Учебно-методический центр комитета по культуре Курской области» автором было проведено социологическое исследование. Основным методом — раздаточное анкетирование (N=168). Выборка — сплошная, целевая, в неё вошли сотрудники 21 общедоступной библиотеки. Для уточнения полученных сведений было проведено несколько глубинных интервью с директорами общедоступных библиотек, в статье будут представлены транскрипты двух из них.

Средний возраст респондентов — 49 лет, мода — 44 года (min.= 24, max.= 66). Подавляющее большинство — женщины (97,6%), что соответствует реальной картине в сфере библиотечного обслуживания. Уровень образования респондентов в основном представлен высшим образованием (82,7%), среднее специальное составляет 11,9%. При этом 4,2% респондентов указали два и более высших образо-

вания. Стаж работы респондентов в области библиотечного обслуживания составляет в среднем 20 лет, мода — 15 лет (min.=1, max.= 46).

В анкете было выделено несколько блоков, связанных с вопросами о социально-демографических данных, должности, характере работы респондента, целевой аудитории, знании нормативно-правовой документации; определении роли и функций общедоступных библиотек в современном обществе; организации взаимодействия общедоступных и специальных библиотек; распространении практического опыта работы респондентов с людьми с ОВЗ и инвалидностью; организации библиотечного обслуживания в условиях межбиблиотечного партнёрства; распространения опыта обслуживания инвалидов; готовности респондентов к работе с лицами с ОВЗ и инвалидностью. С целью корректировки основных понятий и показателей исследования была осуществлена экспертная оценка анкеты специалистами в области библиотечного обслуживания. Объектом исследования стали работники Областной научной библиотеки имени Н. Н. Асеева, библиотеки для детей и юношества и всех муниципальных библиотек г. Курска, которые автор относит к категории общедоступных библиотек. К специальным библиотекам, которые упоминаются в исследовании, относится ОКУК «Курская библиотека слепых имени В. С. Алехина», сотрудники которой не принимали участие в данном исследовании. Автор в разные годы проводил здесь исследования с результатами которых можно ознакомиться в открытом доступе [1; 2].

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Большая часть респондентов, участвовавших в опросе, работает библиотекарями (38,1%), затем в порядке убывания находятся заведующие структурными подразделениями (20,2%), ведущие специалисты (11,3%), главные библиотекари (10,1%). Меньше всего оказалось таких категорий, как директор или заведующий библиотекой и заведующий сектором (по 5,4% соответственно), заместитель директора (3%), главный библиограф (2,4%), библиограф (1,8%) и методист (0,6%).

Отвечая на вопрос о характере своей деятельности, респонденты отметили: работу с читателями (68,5%) и фондом библиотеки (67,3%); проведение массовых мероприятий (56,4%), информационную работу (44,2%) и обслуживание инвалидов (40%). Такие варианты как нестационарное обслуживание населения (26,7%), деятельность в области информационных технологий (21,2%), организационно-методическая и клубная (по 18,8% соответственно) ещё не вполне распространены среди библиотекарей. В конце списка оказались связи со СМИ и общественностью (15,2%), административная работа (13,9%) и организация социальных акций (4,2%). Можно отметить, что именно последний из видов деятельности пока в недостаточной степени используется в общедоступных библиотеках, в том числе и в работе с инвалидами. Среди других видов деятельности было указано правовое консультирование инвалидов.

Отвечая на вопрос: «Какие документы международного и российского характера вы используете в своей работе?», практически все работники библиотек (99,4%) указали Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» как основополагающий. Также достаточно большое значение придают они Конституции РФ (76,8%), Постановлению Правительства РФ от 1 декабря 2015 г. № 1297 «Об утверждении государственной программы Российской Феде-

рации "Доступная среда" на 2011-2020 годы» (69,6%), региональным законам (67,9%). Более половины респондентов используют в работе другие постановления местных органов власти (56,5%) и Гражданский кодекс РФ (52,4%). Примерно треть отметила Конвенцию о правах ребёнка (33,3%), Декларацию о правах инвалидов (31%), Всеобщую декларацию прав человека (28%) и Всемирную декларацию прав ребёнка (27,4%). Среди других вариантов был упомянут Трудовой кодекс РФ. Можно сказать, что в целом респонденты продемонстрировали высокую степень нормативно-правовой грамотности.

Роль общедоступных библиотек в создании доступной среды для лиц с ОВЗ и инвалидностью респондентам предлагалось оценить по десятибалльной шкале (0 — наименьшее значение, 10 — наибольшее значение) и обосновать свой выбор в виде открытого высказывания. Средний балл, полученный в итоге, составил 6,6, что можно объяснить недостаточным пониманием места библиотеки в системе работы с инвалидами и достаточно распространённым мнением, что доступную среду для них формируют специальные организации социальной сферы. В открытом вопросе мнения респондентов разделились. Те, кто высоко оценил роль библиотеки в создании доступной среды высказались следующим образом:

- библиотека может помочь инвалидам реализовать свои способности (*библиотекарь может с помощью книги переключить внимание и интересы человека, имеющего физический недостаток на доступную для него деятельность, соответствующую его интересам, библиотека помогает им (инвалидам — прим. авт.) в досуговом плане, немного в образовательном, она может представить материалы, по которым они могут чему-то научиться*⁶);

- библиотека является центром общения для инвалидов (*люди с ОВЗ нуждаются в общении и в доступности книг разного жанра, в библиотеке происходит общение с людьми, знакомство с новинками литературы, библиотека даёт возможность не только получить необходимую информацию, но и даёт возможность развивать и проявлять свои творческие возможности, найти единомышленников*);

- библиотека помогает инвалидам адаптироваться в социальной среде (*библиотеки помогают восполнить недостаток информации у лиц с ОВЗ и инвалидностью и создают благоприятную атмосферу для позитивного общения; библиотеки помогают в организации доступной среды, библиотека предоставляет комфортные условия для пользователей-инвалидов в плане освоения новых методов и форм работы, библиотека создаёт максимально комфортную обстановку для пользователей-инвалидов, приобретает специальную литературу и оборудование, библиотека должна быть доступной для всех категорий граждан, в библиотечном обслуживании реализуются многообразные функции: социальная, информационная, познавательная, обучающая и другие, библиотека оказывает бесплатные консультации по составлению документов и другим правовым вопросам*)

Несколько человек единодушно высказались, что библиотека является для лиц с ОВЗ не только центром информации, образования, но и центром реабилитации и досуга, и в библиотеке созданы все условия для инвалидов и лиц с ОВЗ.

⁶ Здесь и далее курсивом выделена прямая речь респондентов.

В среде тех респондентов, кто низко оценил роль библиотеки в создании доступной среды, были отмечены следующие причины этого:

- несоответствие ресурсов библиотеки современным требованиям (*ранее сформированные фонды перестали соответствовать повышающимся информационным потребностям пользователей, материальная база библиотек ещё достаточно слабая, не все здания и помещения можно приспособить для инвалидов-колясочников*);

- недостаточная оценка роли библиотеки (*в первую очередь за формирование доступной среды отвечают госструктуры, а библиотеки могут им только помочь, библиотека важна для данной категории людей, но приоритет — у медицины, доступную среду для инвалида должна создавать семья, для лиц с ОВЗ на первом месте должны быть близкие люди, которые поддерживают его дома, создание доступной среды не является основной функцией библиотеки*);

- социально-психологические барьеры для инвалидов (*родители ребёнка-инвалида не готовы видеть его в среде здоровых детей*).

На просьбу указать организации-партнёры, с которыми уже имеются налаженные связи, респонденты в основном отметили образовательные учреждения (95,2%) и организации культуры (90,5%). Далее по степени значимости идут СМИ (78%), учреждения социальной сферы (68,5%), государственные структуры (42,9%). Меньше всего, как и в предыдущем вопросе, задействованы в совместной работе некоммерческие организации (20,2%) и благотворительные фонды (14,9%). Среди других организаций-партнёров был указан Союз писателей Курской области. Здесь налицо потенциал для налаживания взаимодействия практически со всеми социальными институтами и, возможно, создание здесь новых форм. В целом Курской области уделяется достаточное внимание социокультурной реабилитации инвалидов как ключевому моменту взаимодействия в рамках создания социальной среды общедоступных библиотек. В год проводится более 1000 разных мероприятий, которые посещают порядка 33 тыс. человек, среди которых литературно-музыкальные вечера, праздники, конкурсы, выставки творческих работ, игровые программы, недели Добра и т. д.

На вопрос о том, как складывается взаимодействие между специальными (библиотека для слепых) и общедоступными библиотеками в нашем городе, респонденты ответили, что в основном обслуживание читателей ведётся через межбиблиотечный абонемент (63,6%). Кроме этого библиотекари указали на важность участия работников всех библиотек в проведении профессиональных встреч с (61,7%), в проведении общих мероприятий (49,4%), в создании и реализации совместных проектов посредством традиционных и инновационных библиотечных технологий (33,3%), в предоставлении библиографических и информационных изданий (31,5%), во взаимной консультационной помощи (29%). Пока не востребованными в межбиблиотечном партнёрстве является работа по обобщению опыта региона в обслуживании читателей-инвалидов (12,3%), методическое руководство (10,5%) и предоставление специальными библиотеками технических средств на договорной основе (3,7%).

На вопрос: «Кто, по вашему мнению, должен привлекать лиц с ОВЗ и инвалидностью к книге и чтению?» подавляющее число респондентов ответило — со-

трудники специальных библиотек (89,8%), затем они указали сотрудников общедоступных библиотек (77,8%). Работников социальных служб и учреждений социальной защиты населения отметили 69,5% опрошенных, считая это частью их непосредственной работы. Работники образовательных учреждений (41,3%) и члены общественных организаций (30,5%) также могут активно участвовать в этом процессе. Между тем чиновники органов власти (11,4%), по мнению респондентов, меньше всего имеют к этому отношение. Среди других категорий библиотекари указали семью инвалида или его родителей (для детей), как наиболее важный социальный институт.

Каждый второй опрошенный заявил, что не использует в своей работе методики специальных библиотек (53,6%), 26,2% затруднились ответить, и только 13,1% применяют специальные методики в работе с инвалидами. Это свидетельствует о необходимости расширения поля деятельности общедоступных библиотек за счёт методик специальных библиотек. В ряду специальных методик, которые библиотекари уже используют выделяются технические средства, крупношрифтовые, «говорящие» книги, рельефно-точечные издания, создание комфортной безбарьерной среды для слабовидящих пользователей (кнопки вызова специалистов для инвалидов-колясочников, ступеньки библиотеки выделены жёлтой краской), вовлечение инвалида по зрению в творческую деятельность с помощью книги, пополнение фонда специальными изданиями, работа в сети интернет. Чаще всего обмен опытом работы с лицами с ОВЗ и инвалидностью происходит на семинарах внутри библиотеки, на совместных мероприятиях (совещания, конференции, круглые столы, консультации), на базе и на сайте МБУК «Централизованная система библиотек г. Курска», при проведении массовых мероприятий, в ОКУК «Курская библиотека слепых имени В. С. Алехина». Обмен опытом с коллегами происходит не только внутри региона, но и за его пределами, а также за рубежом на профессиональных встречах и в личных контактах. Были указаны и интернет-форумы по работе с инвалидами как актуальное место для обмена опытом.

Респонденты изучают публикации по интересующей нас тематике и оценивают их следующим образом: 36,3% опрошенных считают, что количество публикаций по работе с лицами с ОВЗ и инвалидностью в профессиональной печати достаточное, но качество этих публикаций среднее; 31,5% считают, что количество подобных публикаций достаточное, качество публикаций высокое, а 7,1% — количество подобных публикаций достаточное, качество публикаций низкое. При этом 19% опрошенных считают, что публикаций на эту тему совсем мало. Респонденты указали, что в библиотеках не всегда имеется возможность выписать в нужном количестве профессиональные периодические издания, что, по их мнению, затрудняет поиск и знакомство с публикациями.

Для улучшения своей деятельности в работе с лицами с ОВЗ и инвалидностью библиотекари используют: новые информационные технологии — 45,8%; образовательные технологии — 10,7%. Необходимо отметить, что почти 30% библиотекарей их не используют, 11% отказались от ответа, а такие технологии, как привлечение волонтеров (3,6%) и PR-технологии (0,6%) практически не востребованы. Среди других возможностей совершенствования своей деятельности респонденты

указали повышение квалификации и самостоятельное изучение опыта работы с лицами с ОВЗ.

Вместе с тем были приведены примеры использования новых технологий для улучшения деятельности в работе с лицами с ОВЗ и инвалидностью, основанные на личном опыте: получение адаптированных изданий, литература на специальных носителях, аудио- и видеоматериалы, голосовая связь с персоналом, версия «Для слабовидящих» на сайтах библиотек, электронные каталоги, а также применение ИТ, создание и демонстрация электронных презентаций, информирование о новинках по электронной почте, вебинары, удалённые электронные ресурсы (электронные библиотеки, электронный читальный зал), электронный каталог, оцифровка документов, электронная доставка документов, виртуальная справочная служба. Большую поддержку в этом оказывают ресурсы Национальной электронной библиотеки. Осведомлённость о социологических исследованиях, посвящённых проблемам библиотечного обслуживания лиц с ОВЗ и инвалидностью, которые проводят библиотеки самостоятельно достаточно средняя. Респонденты разделились на три группы — знающие (32,1%), незнающие (31,5%) и затруднившиеся ответить (31%). В основном библиотеками проводятся анкетные опросы и мониторинги лиц с ОВЗ и инвалидностью, в том числе исследования: «Доступная среда в муниципальных библиотеках Курской области» (2018 г.), «Качество библиотечных услуг для лиц с ОВЗ и других маломобильных граждан Курской области» (2015 г.).

Статистические данные свидетельствуют от том, что сеть общедоступных библиотек системы Министерства культуры РФ в Курской области по итогам 2018 года составляла 669 единиц, в том числе 3 областные и 666 муниципальных. Из них 86% (578 ед.) составляли сельские библиотеки и сюда же входили 47 детских библиотек. Согласно мониторингу Российской национальной библиотеки на 01 января 2018 г., Курская область находилась на 21 месте по количеству библиотек среди регионов РФ и на 4 месте по количеству библиотечных пунктов среди регионов ЦФО. За последние три года число региональных библиотек сократилось на 36 ед. (5,4%), в том числе в 2018 г. было закрыто 16 единиц (2,3%). В условиях сокращения сети стационарных библиотек в области действует 668 внестационарных пунктов выдачи. В интервью с руководителями общедоступных библиотек мы попросили прокомментировать вышеизложенные данные и высказать свою точку зрения по данному вопросу.

Из интервью с директором ОБУК «Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева» Г. В. Ветровой: *Причины закрытия библиотек — сокращение бюджетных расходов, оптимизация сети учреждений культуры, низкая численность населения, укрупнение (слияние) библиотек, ликвидация неэффективных учреждений. Процессы реформирования и оптимизации проходят в соответствии с действующим федеральным и региональным законодательством. За 2015—2017 гг. сеть библиотек в целом по России уменьшилась на 2,1 тыс. единиц. Основная доля потерь приходится на библиотеки сельских поселений — около 1,5 тыс. (68 % от общего числа утраченных библиотек). В организации библиотечного обслуживания в Курской области имеются следующие проблемы, затрудняющие организацию доступной социальной среды:*

- 14% сельских библиотек находятся в неотапливаемых помещениях, 5% — отапливаются печами;
- 81,3% библиотек труднодоступны для инвалидов-колясочников и слабовидящих граждан, в их числе и модельные библиотеки;
- растёт количество библиотек, работающих неполный рабочий: в 2017 г. — 68%, в 2018 г. — 68,8%, из них 50,5% были открыты для пользователей 4,5 часа в день, 44,5% — 2,5 часа в день, 5% — 1,5 часа в день;
- 45% модельных библиотек работают в сокращённом режиме;
- половина библиотечных работников муниципальных библиотек, работает на условиях неполной занятости: в 2017 г. — 51,9 %, в 2018 г. — 50,4%;
- в библиотеках области работает только 5% молодых специалистов (в возрасте от 18 до 25 лет — 1,2%; от 26 до 35 лет — 11,5%);
- сохраняются низкие темпы обновления библиотечных фондов;
- программное обеспечение для создания электронного каталога используют только две областные библиотеки и библиотечные системы пяти муниципальных образований.

Из интервью с директором ОКУК «Курская областная библиотека для детей и юношества» Л. Е. Петренко: *Дети — особая категория граждан, приоритет интересов которой закреплён в ряде законодательных документов, в том числе в ФЗ РФ «О библиотечном деле». Реализацию их права на специализированное библиотечное обслуживание, связанное с психологическими и возрастными особенностями развития, обеспечивают специалисты детских библиотек, умеющие организовывать комфортную среду для развития их личности и организации досуга. В регионе остро нуждаются в капитальном ремонте Медвенская, Фатежская, Тимская детские библиотеки. В зданиях Льговской и Рыльской центральных детских библиотек и Мантуровской детской библиотеки необходим ремонт отопительной системы. Имеющееся оборудование и программное сопровождение информационных систем в библиотеках не всегда обновляются в соответствии с требованиями информационных и телекоммуникационных технологий. Детские библиотеки не имеют своих сайтов, за исключением Курска, только 26% ограничились созданием страничек на сайтах межпоселенческих библиотек. По данным на 01 января 2019 г. 44% библиотек не подключены к Национальной электронной детской библиотеке, что не позволяет им использовать её богатый ресурс. Для позиционирования своей деятельности в соцсетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» имеют присутствие всего 52% детских библиотечных учреждения. Несмотря на то, что в 2018 году в сравнении с 2017 г. произошло увеличение числа книговыдач на 0,12%, показатели числа посещений сократились на 1,8%, а пользователей на 0,7%. Основными причинами этого являются сокращение численности детского населения и продолжительности рабочего времени библиотекарей.*

Заключение. В целом можно сказать, что исследование условий создания доступной среды в учреждениях культуры в целом и в общедоступных библиотеках в частности, представляется перспективным направлением, расширяющим границы взаимодействия в рамках этого процесса. Исследовательские подходы к данной проблеме требуют дополнительного уточнения и дополнения с учётом новых управленческих моделей. Пользуясь методами информационного подхода,

автор предлагает модель взаимодействия субъектов и объектов региональной культуры, основанную на деятельностных компонентах социальной среды. Её образуют работники культуры как активные субъекты, различные общественные группы как объекты, на которые направлено основное воздействие и управленческие ресурсы различных социальных институтов, позволяющие индивиду стать «человеком созидающим» — центром культурной среды общества. Показательно, что в отечественных, зарубежных и собственных исследованиях автора обнаруживаются одинаковые барьеры на этом пути: недостаток квалифицированных кадров, материальных и информационных ресурсов; отсутствие чёткой системы взаимодействия между отдельными организациями культуры и мониторинга качества социальной среды. В связи с чем для создания социальной среды на уровне общедоступных библиотек можно рекомендовать:

- шире использовать связи с общественностью и СМИ, органами власти и другими социальными институтами;
- инициировать социальные акции и проекты направленные на улучшение качества социальной среды;
- использовать возможности благотворительных фондов и некоммерческих организаций как социальных партнёров;
- внедрять в деятельность библиотек PR-технологии, волонтерские службы, новые виртуальные и визуальные образы.

Таким образом, информационное общество предлагает различные механизмы взаимодействия в качестве управленческих возможностей для устранения барьеров и неравенства в социальной среде региональной культуры.

Список литературы

1. Андриянова Т. В. Качество оказания услуг специальными библиотеками для слепых в региональном измерении // LogosetPraxis. 2018. Vol. 17. № 3. С. 109—117. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.3.12>.
2. Андриянова Т. В., Стародубцева И. Ф., Кирносова Е. Н. Региональные учреждения культуры в системе оценки качества: специальные библиотеки для слепых // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. Т.8 №2 (27), 2018. С. 147—161.
3. Басов С. А. Библиотечный социальный институт как фундаментальная категория библиотекведения // Библиотечное дело — 2011: библиотечно-информационная деятельность в условиях модернизации общества: Скворцовские чтения: материалы XVI Междунар. науч. конф., Москва, 27—28 апреля 2011 г. М., 2011. С. 10—14.
4. Ванеев А. Н. Библиотека как социальный институт и проблемы её комплексного изучения // Вестник СПбГУКИ. 2003. № 11. С. 44—51.
5. Карташов Н. С., Скворцов В.В. Общее библиотекведение: учеб.: в 2 ч. М.: Моск гос. ун-т культуры, 1996. 256 с.
6. Кузоро К. А., Ляпкина А. А. Обслуживание читателей с ограниченными возможностями здоровья в муниципальных сельских библиотеках Томской области: анализ опыта // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 222—233. DOI: [10.17223/22220836/24/25](https://doi.org/10.17223/22220836/24/25).
7. Маркова Т. Б. Библиотека как символическое пространство культуры // Вестник ВолГУ. 2007. № 7. С. 182—188.
8. Мокшанова Е. В. Культурная среда библиотеки как ресурс поликультурного общества // Библиосфера. 2009. № 3. С. 25—28.

9. Мотульский Р. С. Библиотека как социальный институт [Электронный ресурс]. URL: http://old.nlb.by/director/images/stories/docsrom/soc_inst/soc_inst.htm#3.1.
10. Олейник О. В. Доступная среда как явление социальной жизни: отражение в СМИ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1251—1255.
11. Остапов А. И. Библиотека как когнитивно-компенсаторный механизм социума // Библиотечное дело и проблемы информатизации общества: тез. докл. междунар. науч. конф., Москва, 27—28 апр. 1999 г. М.: Моск. гос. ун-т культуры, 1999. С. 45—47.
12. Позднякова Р. А., Семина В. С. Библиотека в современной провинциальной культурной среде // Аналитика культурологии. 2005. №1 (3). С.175—189.
13. Соколов А. В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. СПб.: БАН, 2006. 584 с.
14. Столяров Ю. Н. Библиотека: структурно-функциональный подход. М.: Книга, 1981. 253 с.
15. Фирсов В. Р. Социальная роль — социальные функции — библиотечная деятельность. Проблема принципа ограничения // Методологические аспекты изучения процессов функционирования библиотечных систем: сб. науч. тр. / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1982. С. 21—36.
16. Холостова Е. И. Социальная политика и социальная работа: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2013. 208 с.
17. Хропач А. Н. Главные идеи и принципиальные позиции // Современное библиотековедение. 1989. № 5. С. 5—7.
18. Чаднова И. В. Общедоступные библиотеки в поликультурной среде: основные направления деятельности // Библиотековедение. 2019. 68(1) С. 30—39. <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2019-68-1-30-39>.
19. Шилов Л. А. Важные аспекты содержания работы библиотек // Современное библиотековедение. 1980. № 6. С. 3—14.
20. Brophy P. Towards a generic model of information and library services in the information age, *Journal of Documentation*. 2000. Vol. 56. No. 2, pp. 161—184. <https://doi.org/10.1108/EUM000000007113>
21. Brophy P., Craven J. The Integrated, Accessible Library. A model of Service Development for the 21st Century. The Final Report of the REVIEL project. British Library Research & Innovation Report 168. 1999. Manchester: CERLIM, Manchester Metropolitan University. 114p.
22. Harris C., Oppenheim Ch. The Provision of Library Services for Visually Impaired Students in UK Further Education Libraries in Response to the Special Educational Needs and Disability Act (SENDA) // *Journal of Librarianship and Information Science*. 2003. Vol. 3.5 issue 4. P. 243—257.
23. Owen D. Print: not the only format // *The Library Association Record*. 2001. V. 103. № 8. P. 484.

Авторская справка

АНДРИЯНОВА Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Курского государственного университета, Курск, Россия. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com.

UDC 316.354.2

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.74

INTERACTION AS A BASIS OF SOCIAL ENVIRONMENT MANAGEMENT IN PUBLIC LIBRARIES

T. V. Andriyanova*Kursk State University, Kursk (Russia)*

Introduction. The purpose of the study is to study the possibilities of interaction as a resource for building management models in the framework of public libraries. The relevance is due to the peculiarities of the formation of the information society, which on the one hand provides unlimited opportunities for building such models, and on the other hand "risks perpetuating inequality" (P. Brophy, J. Craven). The problem lies in the need to resolve the contradiction between the existing experience of interaction in building a social

environment for people with disabilities in public libraries and the insufficient degree of its actualization in the framework of existing research approaches.

Methods. The main approach chosen by the author in the study is informational, which characterizes the social environment of public libraries in terms of management capabilities and related risks. The main method of research is a questionnaire survey of employees of public libraries in Kursk, conducted in 2019 (N=168), the sample target is solid. Additional methods are unstructured interviews with the heads of public libraries in Kursk (N=10) whose transcripts are given in the article and analysis of statistical information.

Results. The study solved two problems: determining the degree of readiness of employees of public libraries to interact with people with disabilities and disabilities, and building a model for managing the social environment of public libraries and their interaction with special libraries. The results of the questionnaire allow us to conclude that employees of public libraries in General are ready to organize their work in such a way that the social environment in each particular organization and within the framework of interlibrary partnership contributes to the formation of a «creative person».

Conclusion. Models for managing this process should be built on the basis of interaction between the subject and the object of the regional cultural field. There are certain barriers that affect their activity components: insufficient qualification of employees, lack of sufficient material, information and other resources, poor quality control of work.

Keywords: interaction, management, social environment, public libraries, region, culture.

References

1. Andriyanova T.V. The quality of service provided by special libraries for the blind in the regional dimension. *Logos et Praxis*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 109—117. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.3.12>. (in Russian).
2. Andriyanova T.V., Starodubtseva I.F., Kirnosova Ye.N. Regional cultural institutions in the quality assessment system: special libraries for the blind. *Izvestiya Yugo-Zapadnogogosudarstvennogouniversiteta Ser'Ekonomika Sotsiologiya Menedzhment* [Bulletin of the South-West State University. Ser.: Economics. Sociology. Management], 2018, V.8, no. 2 (27), pp. 147—161. (in Russian).
3. Basov S.A. Library social institute as a fundamental category of library science. *Bibliotechnoye delo — 2011 bibliotechno-informatsionnayadeyatel'nost'v usloviyakh modernizatsii obshchestva: Skvortsovskiyechteniya: materialy XVI Mezhdunar nauch. konf., Moskva, 27—28 aprelya 2011 g.* [Library business — 2011: library and information activities in the context of modernization of society: Starling readings: materials of the XVI Intern. scientific conf., Moscow, April 27—28, 2011]. Moscow, 2011, pp. 10—14. (in Russian).
4. Vaneyev A.N. The library as a social institution and the problems of its comprehensive study. *Vestnik SPbGUKI* [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics], 2003, no. 11, pp. 44—51. (in Russian).
5. Kartashov N.S., Skvortsov V.V. *Obshcheyebibliotekovedeniye: ucheb.: v 2 ch.* [General library science: textbook: at 2 p.m.]. Moscow: Mosk gos. un-t kul'tury, 1996. 256 p. (in Russian).
6. Kuzoro K.A., Lyapkova A.A. Serving readers with disabilities in municipal rural libraries of the Tomsk Region: an analysis of experience. *Vestnik Tomskogogosudarstvennogouniversiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2016. № 4 (24), pp. 222—233. DOI: 10.17223/22220836/24/25. (in Russian).
7. Markova T.B. Library as a symbolic space of culture. *Vestnik VolGU* [Bulletin of VolSU], 2007. № 7. pp. 182—188. (in Russian).
8. Mokshanova Ye.V. The cultural environment of the library as a resource of a multicultural society *Bibliosfera* [Bibliosphere]. 2009. № 3. pp. 25—28. (in Russian).
9. Motul'skiy R.S. Bibliotekakaksotsial'nyy institut. Available at: http://old.nlb.by/director/images/stories/docsrom/soc_inst/soc_inst.htm#3.1. (accessed 05 January 2020). (in Russian).

10. Oleynik O.V. Accessible environment as a phenomenon of social life: reflection in the media. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»* [Scientific and methodological electronic journal «Concept»], 2016. V. 11. pp. 1251—1255. (in Russian).
11. Ostapov A.I. Library as a cognitive-compensatory mechanism of society. *Bibliotechnoye delo i problemy informatizatsii obshchestva: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 27—28 apr. 1999 g.* [Library business and problems of informatization of a society: thesis. doc. Int. scientific conf., Moscow, April 27-28. 1999]. Moscow: Mosk. state University of Culture, 1999, pp. 45—47. (in Russian).
12. Pozdnyakova R.A., Semina V.S. Library in the modern provincial cultural environment. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies], 2005. no.1 (3). pp.175—189. (in Russian).
13. Sokolov A. V. Dialogispostsovetskoygumanitarno intelligentsiyey [Dialogues with the post-Soviet humanitarian intelligentsia]. Sankt-Peterburg: BAN, 2006. 584 p. (in Russian).
14. Stolyarov YU.N. *Biblioteka:strukturno-funksional'nyypodkhod* [Library: structurally functional approach]. Moscow: Kniga, 1981. 253 p. (in Russian).
15. Firsov V.R. Social role - social functions - library activities. The problem of the principle of restriction *Metodologicheskiye aspekty izucheniy protsessov funktsionirovaniy biblioteknykh sistem: sb.nauch.tr.* [Methodological aspects of the study of the functioning of library systems: Sat. scientific tr.], GPB im. M.Ye. Saltykova-Shchedrina. Leningrad, 1982. pp. 21—36. (in Russian).
16. Kholostova Ye.I. *Sotsial'nayapolitika sotsial'nay rabota: ucheb posobiye. 4-ye izd., pererab. i dop.* [Social policy and social work: textbook. allowance. 4th ed., Revised. and add.]. Moscow: Izdatel'skotorgovaya korporatsiya «Dashkov i Ko», 2013. 208 p. (in Russian).
17. Kropach A.N. Main ideas and principled positions. *Sovremennoye bibliotekovedeniye* [Modern Library Science], 1989. no. 5. pp. 5—7. (in Russian).
18. Chadnova I.V. Public libraries in a multicultural environment: the main areas of activity. *Bibliotekovedeniye* [Library Science], 2019. no. 68 (1), pp. 30—39. <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2019-68-1-30-39>. (in Russian).
19. Shilov L.A. Important aspects of the contents of the work of libraries. *Sovremennoye bibliotekovedeniye* [Modern library science], 1980. no. 6. pp. 3—14. (in Russian).
20. Brophy P. Towards a generic model of information and library services in the information age, *Journal of Documentation*. 2000. Vol. 56. No. 2, pp. 161—184. <https://doi.org/10.1108/EUM000000007113>.
21. Brophy P., Craven J. The Integrated, Accessible Library. A model of Service Development for the 21st Century. The Final Report of the REVEL project. British Library Research & Innovation Report 168. 1999. Manchester: CERLIM, Manchester Metropolitan University. 114p.
22. Harris C., Oppenheim Ch. The Provision of Library Services for Visually Impaired Students in UK Further Education Libraries in Response to the Special Educational Needs and Disability Act (SENDA) // *Journal of Librarianship and Information Science*. 2003. Vol. 3.5 issue 4. P. 243—257.
23. Owen D. Print: not the only format // *The Library Association Record*. 2001. V. 103. № 8. P. 484.

Author's Bio

ANDRIYANOVA Tatyana Vladimirovna, Associate professor at the Department of Sociology, Cand. Soc. (Law), Kursk State University, Kursk, Russia. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com.

Библиографическая ссылка

Андриянова Т. В. Взаимодействие как основа управления социальной средой в условиях общедоступных библиотек // *SocioTime / Социальное время*. – 2020. – № 2(22). – С. 74-87. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.74

УДК 316.422

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.88

«НЕУДАЧИ» И «РАЗВИЛКИ» РОССИЙСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Ю. А. Петровская

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск (Россия)

Введение. Статья представляет собой рецензию на книгу «Инновации: разбор полётов. Как ошибаются российские инновационные предприниматели» под редакцией Д. М. Медовникова [1]. Актуальность темы обусловлена объективными научными противоречиями в современной социологической теории, а также острыми социальными проблемами, связанными с переходом России на инновационную путь развития. Современная социологическая наука не может похвастаться прорывом в исследовании инновационной личности как социального типа в условиях русской цивилизации, в то время, как формирование инновационной личности и проникновение её во все сферы общественной жизни даёт России возможность перехода на инновационные рельсы.

Методы. Статья основана на анализе содержания книги через призму социологических теорий «пятого поколения» [2], изучающих нелинейную социокультурную динамику, процессы самоорганизации общества, и синергетического подхода. В анализе мы придерживаемся подхода, определяющего Россию не просто как государство, а как особую цивилизацию с её фундаментальными ценностями, отличными от ценностей «купли-продажи» (по Н. Винеру).

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. Отсутствие в российской культуре толерантности по отношению к ошибкам в бизнесе существенно обедняет научную базу, исследовательский и практический опыт в сфере инновационного предпринимательства и приводит к чрезмерной мифологизации успеха в этих сферах, особенно на этапе разработки технологических стартапов. В реальности успех на инновационном поприще — довольно редкое явление, сталкивающееся со множеством трудностей. Авторы сборника представляют и анализируют 15 кейсов российских инновационных технологических компаний и предпринимателей-инноваторов, допустивших ошибки, повлекшие за собой серьёзные затруднения в бизнесе разной степени глубины. Описание кейсов сопровождается анализом ошибок и их причин, а также мировой практики инновационной технологической деятельности.

Заключение. Проанализированная работа, анализ статистических данных подтверждают тезис о том, что из огромного числа инновационных технологических проектов, проходящих через «воронку венчурного финансирования», выживают единицы.

Ключевые слова: инновации, инновационный проект, инноватор, предприниматель, анализ кейсов.

Введение. Вопреки российской культуре, вернее отсутствию культуры толерантности к ошибкам в бизнесе, авторы книги обращаются к бесценному опыту запуска инновационных проектов, закончившемуся неудачей. Российская инновационная культура, как, в прочем, и мировая, чрезмерно мифологизирует успех, демонстрируя уже ставшие типовыми «истории успеха», мотивируя новые поколения к выбору рискованного пути технологического стартапа. В российской науке и практике абсолютизируется обоснованность амбициозных целей и отсутствия пораженческих комплексов в то время, как в реальности успех на инновационном поприще — довольно редкое явление, сталкивающееся со множеством труднопреодолимых, а порой и драматических обстоятельств, особенно в сфере технологических стартапов, требующих серьёзных финансовых вложений уже в начальной стадии внедрения и реализации.

Необходимо отметить, что чаще всего исследования, связанные с инновационной проблематикой (инновационное развитие, инновационное пространство, инновационная среда и инфраструктура), ведутся в плоскости экономических теорий и подходов [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12], расставляя акценты на изучение экономической эффективности процессов, финансовых показателей успешности организации, т.е. количественных изменений продукта. Вместе с тем, на наш взгляд, требуется не только экономический, но и глубокий социологический анализ инновационной восприимчивости российских организаций и процессов сопротивления инновациями с точки зрения человеческих и социокультурных факторов (социальных характеристик субъектов инновационной деятельности, их поведения и образа мышления в связи с тем, что сквозь призму социологических подходов инновации рассматриваются как «способ существования социальных систем, развития индивидов, коллективов, общества в целом» [13]. С социологической точки зрения, «инновация — это не только система периодически вводимых разовых новшеств, заменяющих товарные и технологические переменные организационной структуры. Это комплексный социокультурный процесс, развивающийся по неким объективным законам, тесно связанный с историей и традициями рассматриваемых социальных систем и кардинально преобразующих их структуру. Это и социально-психологический феномен, характеризующийся своеобразным жизненным циклом с особыми фазами, последовательностями и зависимостями происходящих в индивидах когнитивных и эмоциональных процессов» [14]. Соответственно, инновационная восприимчивость организации зависит от целого ряда факторов, которые условно могут быть классифицированы на человеческие (инновационная восприимчивость руководителя и сотрудников организации, их инновационная компетентность) и организационно-технологические (наличие ресурсов, особенности принятия решений в отношении нововведений, инновационный климат и социокультурные особенности организации).

Методы. В XXI веке мир оказался в точке бифуркации. Глубокие тектонические социальные, технологические, информационные, культурно-ценностные, экологические и другие изменения, происходящие в человеческой цивилизации, пока ещё плохо осознаются наукой. Переход к шестому технологическому укладу совпал с фазой кризиса финансового капитализма. Современный социальный мир характеризуется всё большей непредсказуемостью, нелинейностью, вероятностным характером происходящих событий. К середине XX века среди учёных-представителей разных научных отраслей пришло понимание, что рационально объяснить нерационально устроенный мир невозможно. Мир открыт и самоорганизован, он не «ставший», а «становящийся», эволюционирует не по линейным законам, порядок возникает из хаоса, и просчитать возможные варианты развития в стадии бифуркации невозможно, ибо соотношение элементов в тезаурусе, детекторе и селекторе не способна просчитать никакая теория [15]. Именно поэтому в современную социологию так активно входят синергетическая парадигма, теории «пятого поколения», изучающие социокультурную динамику, процессы самоорганизации социума, обеспечивающие возникновение Порядка из Хаоса [16; 17].

В понимании условий и факторов, влияющих на успешность или неуспешность внедрения технологических инновационных проектов особенно важно учитывать социальный, исторический и культурный контекст. В анализе мы придерживаемся подхода, определяющего Россию не просто как государство, а как особую цивилизацию с её фундаментальными ценностями, отличными от ценностей «купли-продажи» (по Н. Винеру [18]) [19]. В основе инновационной личности российского общества XXI века лежит совершенно иная диспозиционная структура нежели в западном обществе. Именно поэтому модернизационные процессы в России должны осуществляться не только «сверху», но и «снизу». В обществе 4.0. само понятие модернизации также приобретает новые смыслы. Однако основным субъектом модернизации, по-прежнему, является человек с его ценностями, установками, потребностями, оказавшийся в ситуации, позволяющей или не позволяющей реализовать его диспозиции.

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. Авторы сборника «Инновации: разбор полётов. Как ошибаются российские инновационные предприниматели» показывают обратную мифу сторону процессов запуска, внедрения и реализации инновационных технологических проектов, имеющих разный уровень развития (стартап, молодой и зрелый проект). Книга представляет собой сборник, основанный на использовании метода кейс-стади, включающий в себя анализ 15 кейсов российских инновационных технологических компаний и предпринимателей-инноваторов (5 стартапов, 5 молодых и 5 зрелых проектов), допустивших ошибки, которые повлекли за собой существенные затруднения в бизнесе, прекращение деятельности компании или серьёзное реформирование первоначальных замыслов и ориентиров. Описание кейсов сопровождается анализом и классификацией ошибок и их причин, а также анализом мировой практики инновационной технологической деятельности.

В работе авторы ориентируются, в основном, на феноменологический подход в анализе случаев, не претендуя на широкие обобщения, но детально изучая индивидуальный опыт предпринимателей, акцентируя внимание на сценариях развития бизнес-проекта или организации. Во многом, это объясняется дефицитом методологической проработанности проблематики в отечественной и зарубежной науке, а также небогатым эмпирическим материалом, представленным в научной литературе. Одной из наиболее важных методологических проблем в этой области является размытость самого термина «неудача», который ведущие исследователи интерпретируют по-разному. Кроме того, за редким исключением, так называемые «неудачи» не могут быть объяснены и детерминированы какой-либо одной причиной. Они, как правило, становятся следствием целого комплекса взаимосвязанных и, порой, накапливающихся проблем, принадлежащих к различным сферам деятельности субъектов инновационного пространства и внешним социальным условиям. Это даёт авторам повод для более глубокой проработки методологии «развилки» в жизни инновационных технологических проектов. Среди представленных кейсов присутствуют совершенно разные истории с различными жизненными сценариями. Это и молодёжные стартапы с глобальными взглядами, и проекты, берущие начало в советских традициях научно-технических разработок. В них во-

площены как мировые технологические находки, так и абсолютно нишевые проектные идеи.

В ходе исследования анализу подвергаются два вида объектов: компании в целом, их история развития; отдельные проекты, реализуемые в целом успешными компаниями, которые в результате неудачи не прекратили своего существования. Методологию анализа «неудач» составляет положение о том, что сама категория «неудача» является относительной характеристикой, имеющей оценочный характер, и далеко не всегда означает крах. Авторами предлагается классификация форм неудач. Кроме того, неуспешный проект становится таковым не по какой-либо одной причине, а как следствие целой совокупности внешних и внутренних факторов и обстоятельств, приводящих к негативным последствиям, порой непредсказуемым. Совокупность таких факторов в ретроспективе авторы предлагают называть ключевыми «развилками» в развитии проекта и предпринимают попытки классификации этих развилочек, а также факторов, повлиявших на анализируемые 15 проектов. Затем был проведён сопоставительный анализ того, какого типа проекты сталкиваются в своём развитии с теми или иными факторами. Безусловно, 15 проектов — это не столь большая выборочная совокупность, которая позволила бы делать широкие обобщения и выявлять закономерности, но представленный анализ вносит свою лепту в небогатый объём знаний в этой предметной области, позволяя последующим исследованиям использовать их как опорные точки.

В конце книги авторы вновь обращаются к научному противоречию: коммерциализацию новых проектов представители экономической теории традиционно считают критической стадией инновационно-технологического процесса, однако на протяжении долгого времени основное внимание теоретики уделяли анализу факторов коммерческого успеха, а не причин неуспеха. Вместе с тем стоит заметить, что постепенно традиция избегать публичности в обсуждении бизнес-неудач стала смягчаться. Об этом позволяют судить публикации в зарубежной научной литературе. Авторами сборника предлагается анализ зарубежных публикаций, посвящённых проблемам «нехватки технологического интеллекта» и инновационным неудачам. Проанализированные работы, в том числе с помощью анализа статистических данных, подтверждают тезис о том, что из огромного числа инновационных технологических проектов, проходящих через «воронку венчурного финансирования», выживают единицы. В качестве иллюстраций приводится схема «Воронка венчурного финансирования» (источник: www.cbinsights.com/research/venture-capital-funnel-2/). Кроме того, авторы сборника констатируют повышающийся в зарубежной научной литературе интерес к теме исследования, который стимулирует рост количества добровольных интервью и публичных комментариев основателей и инвесторов несостоявшихся стартапов. Авторы приводят график топ-10 причин коммерческих неудач стартапов по версии компании CBInsights. Среди этих неудач: невостребованность рынком продуктов или услуг, продвигавшихся стартапами; нехватка финансирования; недостаточный профессионализм команды; проблемы с установлением цены на продвигаемые продукты/услуги или с покрытием расходов; недружелюбный к потребителю продукт/услуга; непроработанность бизнес-модели; плохой маркетинг; игнорирование

запросов клиентов; несвоевременность вывода новых продуктов или услуг на рынок. Приводится и другая классификация наиболее распространённых причин коммерческих неудач стартапов (по версии интернет-ресурса Autopsy): недостаточно квалифицированная управленческая команда; ошибочная бизнес-модель; плохое качество / недостаточная новизна продукта или услуги; невостребованность предложенного нового продукта рынком; вытеснение с рынка более успешными конкурентами; плохой маркетинг; нехватка финансирования для продолжения проекта; слишком большая скорость расходования привлечённого капитала; преждевременное масштабирование бизнеса; неспособность сохранить / нарастить клиентскую базу.

Заключение. Приведённые классификации, основанные на анализе международного опыта, в целом подтверждают те выводы, к которым приходят авторы сборника, анализируя российские кейсы. По существу, в представленных кейсах проиллюстрированы схожие причины и факторы коммерческих неудач инновационных технологических проектов. Вместе с тем, проведённый анализ имеет шанс на более глубокие выводы. При пристальном рассмотрении мы понимаем, что разделение факторов «неудач» на внутренние и внешние весьма условно. Так, например, даже в проблемах, связанных с особенностью рынка, его готовностью или неготовностью принять инновационный продукт или услугу можно усмотреть внутренний фактор — недостаточную способность со стороны управленцев просчитать уровень этой готовности, т.е. наличие или отсутствие у них определённых инновационных компетенций. С таким же успехом можно говорить о наличии или отсутствии инновационных компетенций у потребителей инновационных продуктов или услуг. Сами исследователи это чувствуют, заключительный раздел сборника недаром назван «Нехватка технологического интеллекта». А может не нехватка? А может он просто иной, отличный от западного? Эта проблема является особенно острой и актуальной в условиях российской реальности и стратегических направлений инновационного развития нашей страны, в частности направления, связанного с формированием инновационной личности как социального типа. Таким образом, особое внимание следовало бы уделить социально-психологической стороне инновационно-технологических процессов.

Несколько нетипичной видится композиционная структура издания. Сборник начинается с введения от авторов и содержательно ёмкого раздела Д. Медовникова и С. Розмировича «По ту сторону мифа об удачных инновациях» (вместо предисловия). После него было бы уместно поместить раздел Т. Оганесяна «Нехватка технологического интеллекта. Обзор зарубежных публикаций об инновационных неудачах», который гармонично дополняет информацию о степени разработанности темы в научной литературе. Указанный раздел оказался помещён в конец сборника, интуитивно требуя какого-то иного заключения и выводов по всему материалу, представленному в сборнике.

Несомненны научная и практическая значимость проведённого исследования, ценность представленного эмпирического материала, оригинальность идеи и оформления. Книга написана научным языком, изобилует иллюстративным материалом, легко воспринимается при первом прочтении; может быть использована в

учебном процессе при подготовке специалистов широкого круга направлений, а также практиками и управленцами в сфере инновационно-технологического развития.

Список литературы

1. Инновации: разбор полётов. Как ошибаются российские инновационные предприниматели / Под ред. Д. С. Медовникова. М.: Стимул, 2019. 234с.
2. Кравченко С. А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 3—12.
3. Рубвальтер Д. А., Шувалов С. С. Реализация стратегии инновационного развития России: оценка результатов // Власть. 2015. №3. С. 30—37.
4. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. №3. [Электронный ресурс]. URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/08/CHelovecheskiy-kapital-i-ego-glavnaya-sostavlyayushaya-sfera-ekonomiki-znaniy-kak-osnovnoj-istochnik-sotsialno-ekonomicheskogo-rosta.pdf> (дата обращения: 14.10. 2018).
5. Дзгоев В. Д. Инновационные системы регионов России // Бюджет.RU. Электронный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://bujet.ru/article/318462.php> (дата обращения: 01.05.2018).
6. Каблов Е. Н. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. №4. Электронный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 14.10.2018).
7. Красноперова Т. Я. Национальная инновационная система: структура, роль финансовой составляющей // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. [Электронный ресурс]. URL: <http://ntv.ifmo.ru/file/article/4403.pdf> (дата обращения: 14.10. 2018).
8. Красоченкова Н. П. Национальное инновационное пространство в экономике знаний // Эффективное антикризисное управление. 2016. №5 (98). С. 44—48.
9. Rohrbeck R., Schwarz J.O. The Value Contribution of Strategic Foresight: Insights from an Empirical Study of Large European Companies. Technological Foresight and Social Change. Dec., 2013. Preprint. P. 1593 — 1606.
10. Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. Chettenham, UK. Northampton, MA, USA, «Edward Elgar», 2006. P. 426.
11. Pan X., Zhang J., Song M. Innovation resources integration pattern in high-tech entrepreneurial enterprises // International Entrepreneurship and Management Journal. March 2018, Volume 14, Issue 1. P. 51—66.
12. Lipsey R., Carlaw K., Bekar C., Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long Term Economic Growth. NY: Oxford University Press, 2005. P. 221.
13. Соколова Г.Н., Кобяк О.В. Экономико-социологический словарь. Минск: Беларуская навука, 2013. С. 470.
14. Мешков А. А. Основные направления исследования инновации в американской социологии // Социологические исследования. 1996. №5. С. 117—128.
15. Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2012. 735с.
16. Вехи российской социологии. 1950—2000-е годы / Ред.: Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. СПб: Алетейя, 2010. С. 551—553.
17. Сигель Э. Просчитать будущее. Кто кликнет, купит, совет или умрет. М.: Альпина Паблишер, 2017. 374 с.
18. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине: [Пер. с англ.] / [Предисл. Г. Н. Поварова, с. 5—28]. 2-е изд. М.: Сов. радио, 1968. 326 с.
19. Шалаев В. П. Не-Запад в глобальном обществе потребления: безопасность и аттракторы развития // SocioTime / Социальное время. — 2019. — № 3(19). — С. 51—64.

Авторская справка

ПЕТРОВСКАЯ Юлия Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ФГОБУ ВО «Петрозаводский государственный университет». Почтовый адрес: 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 301. E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru.

UDC 316.422

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.88

“FAILURES” AND “FORKS” OF RUSSIAN INNOVATIVE PROJECTS**Yu. A. Petrovskaya***Petrozavodsk State University, Petrozavodsk (Russia)*

Introduction. The article is a review of the book "Innovations: debriefing. How Russian innovative entrepreneurs make mistakes" edited by D. M. Medovnikov. The relevance of the topic is due to objective scientific contradictions in modern sociological theory, as well as acute social problems associated with the transition of Russia to an innovative way of development. Modern sociological science cannot boast of a breakthrough in the study of the innovative personality as a social type in the conditions of Russian civilization, while the formation of an innovative personality and its penetration into all spheres of public life gives Russia the opportunity to switch to innovative tracks.

Methods. The article is based on the analysis of the book content through the prism of sociological theories of the "fifth generation", which study nonlinear socio-cultural dynamics, processes of self-organization of society, and a synergetic approach. In our analysis, we adhere to the approach that defines Russia not just as a state, but as a special civilization with its fundamental values that differ from the values of "buying and selling" (according to N. Wiener).

Results. The lack of tolerance in the Russian culture towards business mistakes significantly impoverishes the scientific base, research and practical experience in the field of innovative entrepreneurship and leads to excessive mythologization of success in this area, especially at the stage of development of technological startups. In reality, success in the field of innovation is a fairly rare phenomenon that faces many difficulties. The authors of the book present and analyze 15 cases of Russian innovative technology companies and innovative entrepreneurs who made mistakes that led to serious difficulties in business of varying degrees of depth. The description of cases is accompanied by an analysis of errors and their causes, as well as the world practice of innovative technological activities.

Conclusion. The analyzed work and analysis of statistical data confirm the thesis that only a few of the huge number of innovative technological projects that pass through the "funnel of venture financing" survive.

Keywords: innovation, innovative project, innovator, entrepreneur, case analysis.

References

1. Innovatsii: razbor polyotov. Kak oshibayutsa rossiiskiye innovatsionnye predprinimateli [Innovation: the debriefing. How Russian innovative entrepreneurs make mistakes]. Ed. by D.S. Medovnikov. M.: Stimul, 2019. 234 p.
2. Kravchenko S.A. Sotsiologicheskaya teoriya: diskurs budushego [Sociological theory: discourse of the future], *Sotsiologicheskiiyeissledovaniya*, 2007, №3, pp. 3—12.
3. Rubvalter D.A., Shuvalov S.S. Realizatsiya strategii innovatsionnogo razvitiya Rossii: otsenkarezultatov [Implementation of the Russian innovation development strategy: results assessment]. *Vlast*, №3, pp. 30—37.
4. Aganbegyan A.G. Chelovecheskiy kapital i legoglavnayay sostavlyayushchaya — sfera "ekonomikiznaniy" kakosnovnoy istochniksotsialno-ekonomicheskogorosta [Human capital and its main component — the sphere of "knowledge economy" as the main source of socio-economic growth]. *Economic*

strategy. 2017. №3. URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/08/CHelovecheskij-kapital-i-ego-glavnaya-sostavlyayushhaya-sfera-ekonomiki-znaniy-kak-osnovnoj-istochnik-sotsialno-ekonomicheskogo-rosta.pdf> (accessed: 14.10.2018).

5. Dzгоеv V.D. InnovatsionnyesistemyregionovRossii [The innovation system of the regions of Russia]. *Budget. RU*. URL: <http://bujet.ru/article/318462.php> (accessed: 01.05.2018).

6. Kablov E.N. Shestoyechnologicheskyyuklad [Sixth technological order]. *NaukaIzhizn*. 2010, №4. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (accessed: 14.10.2018).

7. Krasnoperova T.Ya. Natsionalnayainnovatsionnayasisistema: struktura, rolfinansovoysostavlyayushchey [National innovation system: structure, role of the financial component]. *Nauchno-technicheskijvestnikinformatsionnyhtehnologiy, mehanikiioptiki*. URL: <http://ntv.ifmo.ru/file/article/4403.pdf> (accessed: 14.10.2018).

8. Krasochenkova N.P. Natsionalnoyeinnovatsionnoyeprostranstvo v ekonomikeznaniy [National innovation space in the knowledge economy]. *Effektivnoyeantikrizisnoyepropravleniye*. 2016. №5 (98), pp. 44—48.

9. Rohrbeck R., Schwarz J.O. The Value Contribution of Strategic Foresight: Insights from an Empirical Study of Large European Companies. *Technological Foresight and Social Change*. Dec., 2013. Preprint. Pp. 1593—1606.

10. Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. Chettenham, UK. Northampton, MA, USA, «Edward Elgar», 2006. P. 426.

11. Pan X., Zhang J., Song M. Innovation resources integration pattern in high-tech entrepreneurial enterprises // *International Entrepreneurship and Management Journal*. March 2018, Volume 14, Issue 1, P. 51—66.

12. Lipsey R., Carlaw K., Bekar C., *Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long-Term Economic Growth*. NY: OxfordUniversityPress, 2005. P. 221.

13. Sokolova G.N., Kobayak O.V. *Ekonomiko-sotsiologicheskislovar* [Economic and sociological dictionary]. Minsk, 2013. P. 470.

14. Meshkov A.A. Osnovnyenapravleniyaissledovaniyainnovatsiivamerikanskoyesotsiologii [Main research areas in innovations in American sociology]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*. 1996. №5. Pp. 117—128.

15. Taleb N.N. Chyorniy lebed. Pod znakomnepredskazuemosti [Black swan. Under the sign of unpredictability], M.: Colibri, 2012, 735 p.

16. Vekhirossiiskoyesotsiologii. 1950—2000-e gody [Milestones of Russian sociology. The 1950s and 2000s]. Ed. by Zh. T. Toschenko, N.V. Romanovskiy, Spb.: Aleteya, 2010, 664 p.

17. Sigel E. Proschitat budushee. Ktokliknet, kupit, sovryotiliumryot [Calculate the future. Who will click, buy, lie or die], M.: Alpina Publisher, 2017, 374 p.

18. Wiener N. Kibernetikailiupravleniyeisvyaz v zhitvotnom I mashine [Cybernetics or control and communication in an animal and a machine], M., 1968, 326 p.

19. Shalaev V.P. Ne-Zapad v globalnomobschestvepotrebreniya: bezopasnost I attraktoryrazvitiya [The non-West in a global consumer society: security and development attractors], *Socio Time / Sotsialnoevremya*, 2019, №3 (19), pp. 51—64.

Author's Bio

PETROVSKAYA Yuliya Aleksandrovna, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of sociology and social work, Petrozavodsk, Russia. E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Петровская Ю. А. «Неудачи» и «развилки» российских инновационных проектов // *SocioTime / Социальное время*. — 2020. — № 2(22). — С. 88-95. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.88

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА КАК ФАКТОР МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

В. Ю. Флягина, К. В. Грибенищikov

Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)

Введение. В статье исследована проблема социальной адаптации выпускников вузов на рынке труда и её влияние на межрегиональную миграцию молодёжи. Основной целью данного исследования является подтверждение влияния социальной адаптации выпускников вузов на рынке труда на межрегиональную миграцию молодёжи (на примере Кемеровской области).

Если условия жизнедеятельности человека, индивидуальные особенности личности или качество работы местного центра занятости населения не способствуют социальной адаптации на рынке труда, то возможны различные варианты неполной или вовсе несостоявшейся адаптации. Это может приводить к затяжной безработице и сказываться на эмоционально-волевом и материальном состоянии личности. Одним из вариантов решения проблемы трудоустройства для выпускников высших учебных заведений может быть межрегиональная миграция, в рамках которой наибольшее влияние на развитие общества оказывает миграция рабочей силы (трудовая миграция).

Известно, что существенную долю от общего количества внутренних переселенцев занимает именно молодёжь, как наиболее мобильная и активная часть населения, нуждающаяся в самореализации и ищущая ту среду, в которой она могла бы раскрыть себя в полной мере. На этом фоне становится актуальным исследование внутренней миграции молодёжи, получившей высшее образование, ведь именно выпускники высших учебных заведений играют важнейшую роль в развитии государства на региональном и муниципальном уровне. Следовательно, от того насколько они адаптивны, приспособлены к реализации своего потенциала (в своём регионе) зависит и развитие регионов.

Методы. В качестве основного метода исследования использован анкетный опрос выпускников.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В ходе исследования определены факторы, играющие ключевую роль в процессе социальной адаптации выпускников на рынке труда, препятствующие или способствующие их трудоустройству и профессиональной реализации в родном регионе и влияющие на их решение о переезде; выделены показатели, опираясь на которые в процессе обучения можно выявить перспективы социальной адаптации студента на рынке труда; подтверждена гипотеза о том, что успешность социальной адаптации на рынке труда непосредственно влияет на решение выпускников о дальнейшей миграции в другие регионы.

Заключение. Ориентируясь на выявленные факторы и показатели в рамках деятельности Центров занятости, можно разработать эффективную программу по социальной адаптации выпускников вузов на рынке труда и упредить дальнейший отток рабочей силы из регионов.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, выпускники высших учебных заведений, факторы миграции, социальная адаптация, рынок труда.

Введение. Социальная адаптация выпускников высших учебных заведений на рынке труда — сложный, многоаспектный процесс, требующий от всех участников систематической, интенсивной работы и минимального воздействия негативных факторов, снижающих вероятность успешного трудоустройства. Чёткого определения социальной адаптации на рынке труда, на данный момент, не было сформулировано, в связи с чем, возникает необходимость его выработки и формулировки. Для этого нами были проанализированы различные трактовки понятий «социальная адаптация» [8; 4; 3] и «рынок труда» [7; 2; 5], выделены их основные составляющие

и на этой основе синтезировано определение понятия «социальная адаптация на рынке труда».

Проанализировав имеющиеся определения понятий, можно отметить, что социальная адаптация предполагает активность человека, необходимую для обеспечения возможности его включения в систему общественной деятельности и общественных отношений, с целью создания благоприятных условий раскрытия потенциала личности, через адекватное восприятие себя, окружающей действительности, усвоение ценностей и норм, актуальных в той среде, к которой индивид приспосабливается. Кроме того, социальная адаптация — это и процесс приспособления к условиям среды, и деятельность, и технология, посредством которой можно приспособить работников к условиям и отношениям на рынке труда, к его законам. В свою очередь, рынок труда — сложная система отношений, служащая цели удовлетворения потребности общества в спросе и предложении рабочей силы, выражающаяся в двух аспектах: наличии сферы деятельности, в которой индивид может раскрыть собственные возможности, получив за это материальное вознаграждение; трудовом ресурсе, готовом реализовывать функции организации в соответствии с актуальными для неё целями.

Таким образом, социальная адаптация на рынке труда — это процесс приспособления личности к условиям системы социально-трудовых отношений, реализуемых в сфере общественного разделения труда и по законам товарного производства и обращения, посредством умения анализировать текущие социальной ситуации, осознания своих возможностей в сложившейся социальной обстановке, умения удерживать своё поведение в соответствии с главными целями деятельности, осуществляемой с целью профессиональной самореализации и реализации жизненных планов личности, обеспечения спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, успешного достижения целей профессиональной деятельности организаций и развития общественного производства.

Если условия жизнедеятельности человека, индивидуальные особенности личности или качество работы местного центра занятости населения не способствуют социальной адаптации на рынке труда, то возможны различные варианты неполной или вовсе несостоявшейся адаптации. Это может приводить к затяжной безработице и сказываться на эмоционально-волевом и материальном состоянии личности.

Одним из вариантов решения проблемы трудоустройства для выпускников высших учебных заведений является межрегиональная миграция, в рамках которой наибольшее влияние на развитие общества оказывает миграция рабочей силы. Она охватывает население в трудоспособном возрасте и иногда называется трудовой миграцией. Трудовая миграция — перемещение рабочей силы внутри страны или за пределы государства постоянного проживания в другие города и страны в целях последующего трудоустройства [2], которое сопровождается общественно значимыми экономическими, социальными, демографическими и другими последствиями (позитивными и негативными, явными и скрытыми, текущими и долгосрочными и т. д.) [1].

Исходя из данных, представленных Федеральной службой государственной статистики по внутренней миграции в России на 2017 год, в 18 территориальных

единицах не наблюдается оттока населения, существенный прирост замечен в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе и Краснодарском крае. Во всех остальных городах, регионах, краях и республиках наблюдается либо отток, либо незначительное увеличение, что говорит о наличии устойчивой и многочисленной внутренней миграции из менее крупных и экономически, культурно, социально развитых частей страны в более привлекательные регионы [13]. Существенную долю от общего количества внутренних переселенцев занимает молодёжь, как наиболее мобильная и активная часть населения, нуждающаяся в самореализации и ищущая ту среду, в которой она могла бы раскрыть себя в полной мере. Молодые специалисты не скованы устоявшимися правилами работы и легче воспринимают инновации, более амбициозны и не боятся пробовать, не боятся неудач, часто не обременены собственной семьёй, в связи с чем, легче меняют место жительства. На этом фоне становится актуальным исследование внутренней миграции молодёжи, получившей высшее образование, ведь именно выпускники высших учебных заведений играют важнейшую роль в развитии государства на региональном и муниципальном уровне. Следовательно, от того насколько они адаптивны и приспособлены к реализации своего потенциала зависит и развитие регионов.

Вопросы социальной адаптации уже давно поднимаются различными исследователями: В. Н. Литовченко [6], Я. Щепанским [12], Л. В. Мардахеевым [8;9], А. А. Налчаджян [10;11]; И. С. Зайцевым [4] и др. Проблему миграции, в свою очередь, изучали такие исследователи, как А. Сиви, А. Ландри, Ф. Ноутстейн, Д. И. Валентей, А. Я. Кваша, Б. С. Хорёв, Л. И. Абалкин, Г. С. Витковская, Ж. А. Зайончковская, Л. Л. Рыбаковский, А. В. Топилин, Т. Н. Юдина, В. И. Переведенцев, Т. И. Заславская, В. М. Моисеенко, Б. Д. Бреев, Л. В. Балдин и другие. Однако стоит отметить, что межрегиональная миграция выпускников вузов исследована не в полной мере. Уже было проведено изучение миграции с различных позиций, начиная от выявления причин миграции (экономических, социальных, естественных) [5], её форм и видов [2], заканчивая исследованием воздействия факта миграции на личностное и профессиональное развитие человека [1], но принимая во внимание работы всех вышеперечисленных авторов, вопросы влияния успешности социальной адаптации выпускников вузов на рынке труда на межрегиональную миграцию ранее не затрагивались исследователями вообще. Это обстоятельство обусловило и актуализировало проведение настоящего исследования.

Следовательно, основной целью данного исследования является подтверждение влияния социальной адаптации выпускников вузов на рынке труда на межрегиональную миграцию молодёжи (на примере Кемеровской области). Для последующей оценки социальной адаптации выпускников вузов на рынке труда требуется ввести критерии, опора на которые позволила бы говорить о её успешной или безуспешной реализации. В. Н. Литовченко выделяет следующие критерии адаптации:

- 1) Положение, занимаемое индивидом в группе, коллективе, его социальный статус (низкий социальный статус свидетельствует о нарушении социально-психологической адаптации);
- 2) Продуктивность и эффективность деятельности;

3) Эмоциональные переживания человека как субъекта деятельности (отношение к результатам своей деятельности, к самому её процессу, к успеху или неудаче в ней);

4) Эмоциональные переживания человека как субъекта межличностного общения (отношение к реальному социальному статусу в группе, степень удовлетворённости межличностными контактами);

5) Степень реализации внутриличностного потенциала;

6) Интеграция индивида и среды (отождествление себя с ценностями, традициями, взглядами окружающего социального слоя) [6]. Данные критерии были нами затем адаптированы в соответствии со спецификой социальной адаптации выпускников на рынке труда.

Методы исследования. В качестве основного метода исследования был использован метод анкетного опроса, проведённый с привлечением интернет-технологий, онлайн. Анкета состояла из 53 вопросов (закрытого, открытого и полужакрытого типа). Базой исследования стал Кемеровский государственный университет (КемГУ), поскольку туда стекаются абитуриенты со всей Кемеровской области. Удалось привлечь 96 респондентов — студентов-выпускников, обучающихся на 4, 5 курсе (бакалавриат, специалитет) и в магистратуре различных направлений и институтов/факультетов. Студенты специалитета 5 курса и магистранты учитывались в одной когорте.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Первым шёл блок вопросов «Адаптационный потенциал полученной профессии/специальности». Изначально были выявлены факторы, на основании которых студентами был сделан выбор направления обучения. По собственной инициативе, без существенного воздействия извне поступило 52 студента из 96; под влиянием мнения семьи — 16; под влиянием мнения друзей — 4; под влиянием общественного мнения — 7, под влиянием ложных стереотипов о профессии — 10. Также обучающимися в категории «другое» были предложены свои варианты ответов: 5 из 96 ответили, что поступили, поскольку не проходили на бюджет желаемого направления; 2 — заинтересовал престиж профессии и высокий проходной балл. На вопрос о дальнейшем трудоустройстве 47 выпускников из 96 ответили, что планируют в дальнейшем работать по профессии, 18 — склоняются к работе по профессии, но ещё до конца не уверены; к скорее отрицательному ответу пришло 11 респондентов, а категорично не хотят работать по профессии 16. Вариант «не знаю» выбрало 4 человека. Следующий вопрос был направлен на выявление причин, обуславливающих стремление или отсутствие стремления работать по профессии: 12 респондентов отметили, что готовы работать по профессии, поскольку не хотят, чтобы годы, потраченные на обучение, прошли зря; остальные выпускники — 51 человек, определяя причины осуществления профессиональной деятельности по профессии, ответили, что изначально планировали работать по ней, либо заинтересовались в процессе обучения. К причинам, обуславливающим нежелание работать по профессии, студенты отнесли: отсутствие интереса к профессии, либо появление профессионального интереса в другой области — 23 студента; данная профессия слишком плохо оплачивается — 5 студентов; 1 студент не хотел идти в армию, ещё 1 — не уверен в

собственных профессиональных навыках, а оставшиеся 4 определили причиной низкую востребованность профессии на рынке труда. Также участникам исследования были заданы вопросы, связанные с трудовой деятельностью, вне непосредственных рамок их образования. В итоге: 22 респондента ответили, что в процессе обучения ими был получен большой объем компетенций, выходящих за пределы их профессии, 34 выпускника просто отмечали наличие таких компетенций, 23 респондента говорили, что они имелись, но в небольшом объеме, а 17 участников исследования не заметили компетенций, выходящих за рамки получаемой профессии. Что касается работы не по профессии, то 53 выпускника рассматривают возможность работать не по профессии, а 43 от этой возможности отказываются. Далее респондентам были заданы вопросы, направленные на выявление их мнения по различным аспектам полученной профессии вообще и в родном для них регионе, в частности. Мнение респондентов основывалось: на информации из СМИ (34 из 96), мнении родственников/семьи (17), информации от центра занятости (13), информации, что предоставил университет (28), на основе собственных наблюдений/опыта (3). На вопрос о востребованности полученной профессии в обществе, студенты ответили следующим образом: да — 60 человек; скорее да, чем нет — 22 человека; скорее нет, чем да — 8 человек; нет — 6 человек. Применительно к региону: 51 выпускник считает, что профессия востребована в регионе; скорее да, чем нет — 22; скорее нет, чем да — 10; нет — 8. Ещё 5 человек ответили, что не владеют информацией по этому поводу. На вопрос о наличии свободных вакансий на рынке труда региона по полученной профессии, выпускники ответили: свободные вакансии имеются — 64 чел.; уверены, что вакансий нет — 21 чел.; не владеют информацией по этому поводу — 11 чел. Следующим был задан вопрос о заработной плате, получаемой при трудоустройстве по освоенной профессии: 42 респондента — удовлетворены той заработной платой, что им предстоит получать; 12 — удовлетворены её размером не в полной мере; 31 выпускник — считает, что заработная плата должна быть выше; 2 респондента — считают, что она должна быть ниже; 6 — не имеют информации по заработной плате своей профессии. В категории «другое» выпускники отметили, что по большинству вакансий в стране зарплата ниже необходимого. Применительно к региону, мнения разделились следующим образом: 43 студента считают, что в Кемеровской области их профессия достойно оплачивается, обратное мнение имеют 44 выпускника и не обладают этой информацией 9 респондентов. На вопрос о перспективах карьерного роста в своём регионе выпускники ответили: положительно, что видят перспективы — 66 чел.; отрицательно, не видят перспектив — 27 чел.; не имеют мнение или информации по данному вопросу — 3. Далее у выпускников было выяснено, считают ли они свою профессию престижной: ответили да — 42; 24 — ответили скорее да, чем нет; 17 — скорее нет, чем да; 11 — нет; не имеют мнения/информации — 2. При этом студенты по-разному оценивали уровень престижа полученной профессии: отлично (от 8 до 10 баллов) — 49 чел.; хорошо (6-7 баллов) — 24; скорее отрицательно (от 3 до 5 баллов) — 17; отрицательно (с 1 до 2 баллов) — 5. Среди причин престижности/не престижности своей профессии студенты выделяли: заработную плату (14 чел.), социальная значимость (12 чел.), личное мнение (11 чел.), количество вакансий (5 чел.), перспективы роста (5 чел.), актуальность (6

чел.), практические особенности профессии — навыки, нужные во всех сферах жизни (12 чел.). И в завершении блока, респондентам были заданы вопросы, направленные на выявление того количества времени, которое они планируют затратить на трудоустройство в родном регионе и при переезде в другие регионы. Таким образом, были получены следующие результаты: 15 из 96 выпускников считают, что в родном регионе они затратят от одного дня до недели на трудоустройство; 37 — отметили, что поиск работы у них займёт от недели до трёх недель; 12 — предполагают, что потратят на это от трёх недель до месяца; 19 обучающихся считают, что им придётся искать работу в период с одного до трёх месяцев; а оставшиеся 14 респондентов рассчитывают на негативный сценарий и уверены, что поиск продлится более трёх месяцев. На вопрос о поиске работы в другом регионе удалось получить информацию от меньшего количества респондентов (77). 15 из 77 выпускников считают, что в родном регионе они затратят от одного дня до недели на трудоустройство; 22 из 77 отметили, что поиск работы у них займёт от недели до трёх недель; 8 из 77 предполагают, что потратят на это от трёх недель до месяца; 7 из 77 обучающихся считают, что им придётся искать работу в период с одного до трёх месяцев; а оставшиеся 4 респондента рассчитывают на негативный вариант (более трёх месяцев). Стоит отметить, что при сравнении показателей, становится ясно, что большинство респондентов рассчитывают на более быстрое нахождение работы в случае переезда в другой регион. В завершающем вопросе этого блока выяснялось, насколько устойчиво желание респондентов работать именно по профессии: 41 выпускник продолжит поиск работы по профессии, даже если это займёт много времени, 27 студентов предпочтут устроиться не по профессии, если долго не смогут найти по ней работу, а для 28 участников исследования изначально не принципиально работать по профессии.

Результаты опроса по первому блоку вопросов свидетельствуют о том, что большинство выпускников получают перспективные, по их мнению, и ситуации на рынке труда, профессии; большинство респондентов удовлетворено размером заработной платы, престижем получаемой профессии, перспективами карьерного роста и наличием вакансий по ней, в том числе в своём регионе. В числе критериев «престижности» профессий для многих выпускников на первый план выходит социальная значимость труда, также не менее важными критериями остаются заработная плата и потенциал профессии. Стоит отметить, что для выпускников приоритетнее работать по выбранной, желанной профессии, чем остаться в своём регионе, но разница между важностью двух этих выборов не существенна. Тем не менее, выпускники более склонны профессионально реализовываться в условиях, где им будет проще адаптироваться, быстрее устроиться на желанную работу. Ключевую роль в информировании студентов по вопросам трудоустройства за собой сохраняют СМИ и образовательная организация, сами же студенты по-прежнему не знают и почти не пользуются объективными данными центров занятости по состоянию рынка труда в регионе, что также затрудняет их адаптацию на рынке труда. Большинство студентов поступают в университет по собственной инициативе, что способствует их дальнейшей адаптации на рынке труда. При этом, часть респондентов, изначально не являвшаяся инициаторами поступления, но со временем привыкает к профессии и

ей становится интересно её получать. Этим во многом обуславливается столь большое количество выпускников, желающих в дальнейшем работать по профессии. Однако, в группе не желающих работать по профессии наиболее существенной причиной этого нежелания определено её изначальное неприятие или разочарование в процессе обучения. Это свидетельствует о недостаточном уровне реализуемых в школе профориентационных мероприятий и очевидных дальнейших трудностях в адаптации выпускников на рынке труда. В связи с этими же обстоятельствами более чем для половины респондентов приемлемым является вариант работы не по профессии. Полученные результаты свидетельствуют о мобильности и адаптивности большинства респондентов, которые осознают, что могут заниматься трудовой деятельностью и вне рамок приобретённой профессии. Также большинство респондентов считают получаемые профессии вполне привлекательными, удовлетворены возможным размером заработной платы, престижем профессии, перспективами карьерного роста и наличием вакансий по ней. В обосновании «престижности» профессий для многих выпускников социальная значимость труда выходит на первый план, однако заработная плата и потенциал профессии не менее важные критерии. Выпускники, по большей части, адекватно оценивают и то количество времени, которое им придётся потратить на поиск работы, однако поиск работы при переезде в другой регион предположительно видится им немного короче. Что касается устойчивости интереса к профессии, то она достаточно высокая: большая часть студентов будет продолжать поиск по профессии, даже если это займёт много времени.

Следующий блок вопросов обозначен как «Личностный и профессиональный потенциал выпускника». В первую очередь, мы выяснили сформированность представлений выпускников о характеристиках студента-выпускника как высококвалифицированного профессионала. Студенты выбрали следующие варианты: владение профессиональными компетенциями (82 чел.); опыт работы (25 чел.); профессиональная этика (36 чел.); профессиональная идентичность (13 чел.); опыт научно-исследовательской деятельности (24 чел.); опыт организационно-управленческой деятельности (27 чел.); развитые коммуникативные навыки (56 чел.); опыт проектной деятельности (28 чел.). В следующем вопросе у студентов спрашивалось, какими из перечисленных характеристик владеют они? В итоге, выпускники выделили следующие связки (вопрос предусматривал множественный выбор): 1. Владение профессиональными компетенциями, профессиональная этика, развитые коммуникативные навыки (16 связок); 2. Владение профессиональными компетенциями, опыт проектной деятельности (5 связок); 3. Владение профессиональными компетенциями, развитые коммуникативные навыки (22 связки); 4. Владение профессиональными компетенциями, опыт научно-исследовательской деятельности, развитые коммуникативные навыки (6 связок); 5. Владение профессиональными компетенциями, профессиональная этика, опыт научно-исследовательской деятельности, развитые коммуникативные навыки (7 связок); 6. Профессиональная этика, развитые коммуникативные навыки (16 связок). На вопрос о профессиональной этике, респонденты ответили следующим образом: 60 из 96 выпускников считают, что она у них сформирована; 25 чел. отмечают, что она сформирована частично; скорее не сформирована — 6 чел.; не сформирована совсем — 4 чел. При изучении профес-

сиональных возможностей (потенциала) выпускников, ключевое значение играет уровень сформированности их представлений о профессии. Так, 49 респондентов из 96 отмечают, что их представления сформированы на 100 %; 75 % указали 33 студента из 96; 50 % выделили 9 обучающихся; 25 % указало 2 выпускника; совсем не сформированы представления у 2 студентов. Для оценки активности (и адаптивности) участников исследования, требуется определить, какие возможности профессионального и личностного развития у них имелись и какими из них они готовы были воспользоваться. В исследовании предусматривалось три формы активности, способствующей развитию выпускников: приобретение опыта профессиональной, научно-исследовательской, организационно-управленческой деятельности. В итоге, на вопрос «В процессе обучения, имелась ли у вас возможность получить опыт профессиональной деятельности?» 73 студента из 96 ответили положительно, а 23 отрицательно. При этом на вопрос «Готовы ли вы были испытывать дополнительную нагрузку, чтобы получить опыт профессиональной деятельности до завершения обучения в вузе?», «да» ответило 55 выпускников, «частично» выбрало 35 обучающихся, а «нет» 6 студентов. На вопрос «В процессе обучения, имелась ли у вас возможность получить опыт научно-исследовательской деятельности?» 76 студентов из 96 ответили положительно, а 20 отрицательно. При этом на вопрос «Готовы ли вы были испытывать дополнительную нагрузку, чтобы получить опыт научно-исследовательской деятельности до завершения обучения в вузе?», «да» ответило 46 выпускников, «частично» выбрал 41 обучающийся, а «нет» 9 студентов. На вопрос «В процессе обучения, имелась ли у вас возможность получить опыт организационно-управленческой деятельности?», 64 студента из 96 ответили положительно, а 32 отрицательно. При этом на вопрос «Готовы ли вы были испытывать дополнительную нагрузку, чтобы получить опыт организационно-управленческой деятельности до завершения обучения в вузе?», «да» ответило 47 выпускников, «частично» выбрало 35 обучающихся, а «нет» 14 студентов.

Таким образом, образ высококвалифицированного профессионала с точки зрения выпускников состоит из наличия профессиональных компетенций, коммуникативных навыков и профессиональной этики, остальные позиции выбирались не так часто. Меньше всего выпускника как профессионала, по мнению респондентов, характеризует профессиональная идентичность. Результаты опроса свидетельствует о наличии различий в качестве сформированности «образа профессионала» у студентов. При этом студенты, в большинстве своём, скромно оценивали собственные качества. Преобладают те, кто выбрал одну из характеристик (чаще всего, владение профессиональными компетенциями). Связка профессиональные компетенции и коммуникативные навыки стала наиболее распространённой. Также большинство выпускников высоко оценивают уровень сформированности у себя профессиональной этики и представлений о профессии, что в совокупности с предыдущими ответами говорит о позитивной оценке собственных профессиональных возможностей и перспектив на рынке труда. Стоит отметить, что часть студентов, высоко оценивающих свои представления о профессии, могли его осознанно или неосознанно завышать (это относится к тем обучающимся, которые негативно воспринимают свою профессию), чтобы их отторжение профессии было обоснованно. Что касается соб-

ственной инициативы, использования дополнительных возможностей для личностного и профессионального роста, то около половины студентов активно ими пользуются, и примерно 30% пользуются частично. Выпускники отметили, что им были доступны все формы дополнительного развития: профессионального, научного и организационно-управленческого, при этом, профессиональное интересовало студентов больше всего, а научно-исследовательское меньше всего.

Третий блок «Адаптационный потенциал выпускника». С целью выявления адаптационного потенциала личности на рынке труда, был задан ряд вопросов, первым из которых был «Какие, на ваш взгляд, необходимы характеристики для успешного трудоустройства по выбранной вами профессии?». Студентам были предложены характеристики, частота упоминаний которых позволяет выявить наиболее важные, по мнению выпускников: активность (60 чел.), компетентность (54 чел.), коммуникабельность (45 чел.), умение презентовать себя (25 чел.), вежливость (16 чел.), ответственность (48 чел.), терпение (22 чел.), целеустремлённость (40 чел.), уверенность (33 чел.), трудолюбие (49 чел.). В следующем вопросе у выпускников выяснялось, насколько они владеют перечисленными характеристиками: 60 из 96 студентов оценивают наличие качества на «отлично» (от 9 до 10 баллов); 26 — определяют соответствие на «хорошо» (6-7 баллов); 9 студентов оценивают свои характеристики скорее отрицательно (от 3 до 5 баллов); отрицательно свои качества (1-2 балла) оценивает 1 респондент. Следующие вопросы были направлены на выявление наличия у студентов умений, необходимых им для трудоустройства. В первую очередь, студентам задавался вопрос «Обладаете ли вы умениями/качествами, необходимыми для эффективной самопрезентации?». 53 выпускника из 96 ответило на него положительно; ответ «частично» выбрало 33 чел.; «нет» ответили 8 респондентов; ответ «не знаю» выбрало 2 респондента. Далее участникам исследования был задан вопрос «Умеете ли вы составлять резюме?»: 43 из 96 ответили «да», 27 — «скорее да, чем нет», 19 — «скорее нет, чем да», совсем не умеют составлять резюме 5 выпускников.

Следующими были заданы вопросы, направленные на выявление качества взаимодействия студентов-выпускников с Центром занятости населения города и другими организациями с целью трудоустройства. Первый вопрос «Осведомлены ли вы о существовании в вашем городе центра занятости населения?». На него положительно ответили 81 респондент из 96, отрицательно — 15 человек. Второй вопрос «Стоите ли вы в Центре занятости на учёте или когда-либо в него обращались?»: 6 выпускников из 96 обращались в центр занятости, 90 ещё не взаимодействовали. Причинами обращения в центр занятости стали: поиск работы (3 чел.), поиск подработки (3 чел.). При этом на вопрос «Готовы ли вы взаимодействовать с различными службами, агентами, для успешного трудоустройства?» студенты ответили следующим образом: готовы взаимодействовать с центром занятости, кадровыми агентствами (63 чел.); собираются искать работу самостоятельно (10 чел.); будут искать работу через друзей/родственников (12 чел.); ещё не задумывались о поиске работы (11 чел.). На вопрос «Готовы ли вы искать или устанавливать внешние связи с целью увеличения шансов на трудоустройство?»: 71 респондент готов устанавливать различные связи, если это поможет трудоустроиться, 15 выпускников не готовы это

делать, а 10 ещё не думали об этом/не могут определиться. Следующими были заданы вопросы «Как вы считаете, какие связи способствуют трудоустройству больше всего?» и «Удалось ли вам установить в период обучения какие-либо связи, которые могли бы способствовать, вашему трудоустройству?». Что касается эффективности связей, то большинство респондентов считает, что деловые связи помогают лучше всего (55 из 96), 19 уверены, что «дружеские» контакты способствуют трудоустройству, чуть больше респондентов выбирают «семейные» (22 из 96). На следующий вопрос из этого блока большинство выпускников ответило отрицательно (49 из 96), 26 выпускникам удалось установить деловые связи, а 19 человек обладают семейными связями. Также удалось узнать, готовы ли выпускники повысить свою квалификацию/пройти переподготовку, чтобы устроиться на заинтересовавшую работу: 81 ответили «да», 11 ответили отрицательно, 4 ещё не знают. При этом 48 респондентов знают, куда необходимо обращаться с целью переобучения/повышения квалификации, а остальные 48 не осведомлены.

Итак, у студентов к выпускному курсу в большинстве случаев сложился образ человека, способного успешно трудоустроиться: это активная, компетентная и коммуникабельная личность, с высоким уровнем ответственности, трудолюбия и целеустремлённости. Примерно три четверти респондентов соответствуют этим характеристикам в той или иной степени, и лишь небольшая часть студентов считает, что эти характеристики им не присущи. С навыками, необходимыми при трудоустройстве (самопрезентация, составление резюме) дела обстоят примерно также (две трети обладают в большей степени). Кроме того, в большинстве случаев выпускники активны и открыты к повышению квалификации/переобучению, что также свидетельствует об их высокой адаптивности. Однако высока доля тех, кто не знает где можно реализовать данное действие. Обратная картина наблюдается при взаимодействии с Центром занятости, кадровыми агентствами: несмотря на высокую осведомлённость, они у выпускников не пользуются популярностью при поиске работы. Выпускники склонны рассчитывать на свои силы и связи друзей и родственников. Большинство выпускников также открыты и к установлению деловых связей с представителями будущего места работы (практики, стажировки), однако ещё не смогли их установить. Все полученные результаты свидетельствуют о среднем уровне развития адаптивного потенциала большей части выпускников и примерно четверть выпускников обладают низким уровнем его развития.

Четвёртый блок «Миграционная активность выпускников». В завершающем блоке определялось, какой объем студентов планирует переезд в другой регион и по какой причине. Ключевым здесь стал вопрос о дальнейшем трудоустройстве выпускников — планируют они покинуть регион или нет. В итоге: 39 из 96 планируют осуществлять профессиональную деятельность по месту обучения; 11 — собираются вернуться в родной город (не кемеровчане); 4 — решили переехать в другой город, но в рамках родной области; 28 — планируют переехать в другой регион; 6 — собираются переехать в другую страну; 8 — не планируют работать по профессии и ещё не определились с местом будущего трудоустройства. Из возможных регионов (городов) переезда подавляющее большинство предпочтений было отдано: Москве — 25, Санкт-Петербургу — 19, Новосибирску — 16, Томску — 15, Краснодару —

10; остальные 11 респондентов предложили другие города (страны). Также необходимо было узнать, почему студенты решили уехать/остаться. Среди поводов остаться в регионе были выделены: нравится город (10 чел.); отсутствует желание переезжать из-за разлуки с семьёй (14 чел.); перспективы карьерного роста (9 чел.); не видят смысла переезжать (11 чел.). Среди причин уехать: считают, что не смогут раскрыть собственный профессиональный и личностный потенциал, самореализоваться, если не переедут в более развитый город/страну (27 чел.); в регионе по месту обучения/жительства нет подходящей работы по профессии (22 чел.); в регионе по месту обучения/жительства не могут устроиться на интересующую должность (5 чел.); в регионе по месту обучения/жительства нет никакой работы (3 чел.); в регионе по месту обучения/жительства нет перспектив роста по профессии (12 чел.); переросли возможности этого региона для профессионального развития (11 чел.); в других регионах легче найти вакантное место по специальности (11 чел.); в других регионах профессия лучше оплачивается (17 чел.); в регионе по месту обучения/жительства нет подходящей культурной инфраструктуры (9 чел.); в регионе по месту обучения/жительства нет родственников/друзей (2 чел.); в регионе по месту обучения/жительства нет возможности проживать на постоянной основе (4 чел.); не нравится город (20 чел.). Завершающий вопрос блока был направлен на выявление устойчивости стремлений студентов остаться в регионе/переехать: 55 респондентов из 96 не планируют переезжать в другой регион, даже если у них не получится найти работу за шесть месяцев; 7 выпускников планируют переезжать, если безработица сильно затянется; а 34 студента изначально планируют переехать в другой регион.

Таким образом, миграционная активность студентов достаточно высока (примерно треть выпускников из выборки — 37). При этом большинство из принявших решение остаться в родном регионе после окончания вуза остаются в связи с отсутствием желания далеко уезжать от семьи/отсутствия смысла переезжать, а не по причине высоких перспектив при трудоустройстве. Преобладание подобных причин свидетельствует о низкой привлекательности региона с точки зрения профессионального и личностного роста молодёжи. В подтверждение этому идут и более низкие оценки заработной платы и карьерного роста в регионе, по сравнению с общими представлениями об этих показателях в других регионах. Большинство выпускников, принявших уже решение о переезде, стремятся в европейскую часть России или наиболее развитые и перспективные столичные города Сибири. При этом решение о миграции принимают не только те, кто не видит перспектив своего трудоустройства в родном регионе, но и те, чей уровень адаптации на рынке труда среди респондентов наиболее высокий. Это свидетельствует о том, что миграции подвержены, как респонденты с низким уровнем социальной адаптации на рынке труда, так и респонденты, чья адаптация на рынке труда своего региона «переросла» его возможности.

В итоге был выделен ряд параметров для классификации поведения выпускников на рынке труда: решение студента о переезде/не переезде из региона; причины переезда/не переезда; оценка собственных профессиональных возможностей и возможности успешно трудоустроиться; отношение к профессии (карьерный рост, заработная плата, престиж, наличие вакансий); планируемые действия (активность) с целью успешного трудоустройства. В основу данной классификации были положен-

ны и два ключевых критерия: успешность/не успешность адаптации и «миграционное» решение в отношении региона.

На основании перечисленных критериев и параметров было выделено четыре группы студентов-выпускников: 1 группа — высокий уровень адаптации, остающиеся в регионе (59 респондентов); 2 группа — высокий уровень адаптации, уезжают из региона (7 респондентов); 3 группа — средний уровень адаптации, уезжающие из региона (18 респондентов); 4 группа — низкий уровень адаптации, уезжают из региона (12 респондентов). Ниже представлены характеристики каждой группы.

1 группа: характерна высокая активность и инициативность, а также позитивное отношение к полученной профессии и своим трудовым перспективам, что свидетельствует о полной адаптации выпускников. Они адекватно оценивают свои качества, не занижая и не принижая их, видят перспективы своей профессии и устойчивы в вопросе переезда в другой регион (не собираются). Рассчитывают на собственные возможности, не склонны к преувеличению значения сторонних факторов при достижении результата. Обладают умениями/навыками, необходимыми для успешного трудоустройства.

2 группа: высокая активность и стремление работать по профессии сопровождается желанием покинуть регион, основанном не на неудовлетворённости местом жительства и обучения по «эмоциональным» признакам, а по обоснованным и понятным причинам, связанным со стремлением дальше развиваться в более сложной и конкурентной среде, позволяющей получить больше опыта, знаний и умений, а значит и перспектив профессионального роста. По всем характеристикам схожа с первой группой, кроме отношения к миграции (собираются уезжать).

3 группа: отличительной стороной данной группы, позволяющей отнести её к «среднему» уровню адаптированности является адекватное представление о профессии — они, в большинстве своём, изначально хотели учиться в другом регионе и с этим связано отторжение трудовых перспектив в регионе обучения. Имеют более низкую инициативность чем первая группа, но активность остаётся на нормальном уровне. Несколько заниженные представления о собственных трудовых перспективах и перспективах профессионального развития, которые связывают с низкой перспективностью исходного региона. Устойчивы в желании не работать по профессии и уехать из региона. Выделяется переоценка стороннего воздействия на результаты трудоустройства, но она не существенна. Готовы проявлять активность с целью трудоустройства. В той или иной мере, обладают умениями, навыками, необходимыми для трудоустройства.

4 группа: данная группа имеет низкий уровень адаптации, поскольку отрицает возможность дополнительного развития, которая точно была в вузе; крайне негативно относится к профессии и региону; выпускники средне оценивают свои профессиональные и трудовые перспективы, но недостаточно внимания уделяют подготовке к будущему трудоустройству; не обладают умениями и навыками, необходимыми для успешного трудоустройства; переоценивают перспективы другого региона и недооценивают перспективы исходного; неадекватно оценивают соответствие своих профессиональных характеристик «эталонным» характеристикам — выбирают очень много вариантов ответа, показывая, что владеют большим количеством поло-

жительных качеств, чем это необходимо для профессии (либо случайным образом, без обдумывания, отвечают на вопрос); отрицают возможность собственного влияния на процесс трудоустройства, так как возносят «семейные связи», говоря о том, что без их наличия трудно устроится на работу, а у них самих этих связей нет; устойчиво не хотят работать по профессии и хотят переехать в другой регион, так как считают родной регион бесперспективным.

Таким образом, была подтверждена гипотеза о том, что уровень социальной адаптации, её успешность непосредственно влияет на решение выпускников о дальнейшей миграции. Чем выше результаты социальной адаптации, тем меньше оснований студент находит для переезда. Однако целесообразно говорить и о предельном максимуме (оптимуме) успешности адаптации, свыше которого мы также наблюдаем миграционные тенденции.

Кроме того, мы выяснили, что перспективы социальной адаптации на рынке труда и дальнейшей миграции выпускников в другие регионы закладываются уже при поступлении в вуз. При этом были определены основополагающие факторы, потенциально влияющие на эти процессы:

1. Самостоятельность и причина принятия решения о поступлении на конкретное направление/ вуз/регион.
2. Полнота и достаточность сформированности информационного образа профессии у абитуриента (а затем выпускника).
3. Информационный образ региона и отношение к нему выпускника. Для многих студентов ключевым параметром становится даже не направление и не вуз, а регион/город, в котором предстоит проживать. Поэтому только студенты с высоким уровнем адаптации могут остаться в регионе с низким уровнем престижа.

Также в ходе исследования были выделены показатели и индикаторы, опираясь на которые в процессе обучения можно выявить перспективы социальной адаптации студента на рынке труда после выпуска из вуза и принять меры для предотвращения дальнейшего оттока молодёжи из региона. В числе данных интегральных показателей социальной адаптации выпускников вузов на рынке труда можно отметить: адаптационный потенциал получаемой профессии, личностный, профессиональный и адаптационный потенциал выпускника, миграционная активность выпускника. Индикаторами данных показателей были определены: перспективность получаемой профессии (величина заработной платы, престиж, возможности карьерного роста, наличие вакансий), сформированность комплексных представлений о профессии (знание заработной платы, перспектив карьерного роста, престижа профессии, наличия свободных вакансий), желание работать по профессии, причины стремления работать/не работать по профессии; наличие способностей к получаемой профессии, наличие профессиональных компетенций по данной профессии или другим; знание профессиональной этики, наличие необходимых умений/навыков при трудоустройстве (самопрезентации, написания резюме и т. д.), готовность и способность взаимодействовать с контрагентами на рынке труда (готовность идти на контакт с различными службами по трудоустройству, готовность устанавливать иные связи с целью успешного трудоустройства, отношение к эффективности конкретных форм «связей»), полнота представлений о тех действиях, что предстоит совершить с целью

трудоустройства, активность при получении дополнительных компетенций в процессе обучения (выявление личностью информации о наличии таких возможностей и определение готовности личности ими воспользоваться), быстрота и адекватность реагирования на возникающие ситуации при трудоустройстве, адекватность оценки выпускником собственных перспектив трудоустройства; комплексное отношение к региону (уровень заработной платы/престижа/перспектив/вакансий профессии в регионе по сравнению с теми же показателями в целом по стране, затраты времени на поиск работы в регионе по сравнению с затратами по стране (субъективное восприятие выпускника), причины работать и не работать в регионе, устойчивость стремления работать/не работать в регионе).

Заключение. Выделенные показатели и индикаторы могут способствовать проведению в рамках Центров занятости населения эффективной диагностики перспектив социальной адаптации выпускников вузов на рынке труда и перспектив их миграционной активности, что в свою очередь, позволит разработать программу социальной адаптации для старшекурсников, которая предположительно сможет увеличить вероятность их успешного и своевременного трудоустройства, а также предотвратить отток молодого населения региона.

Список литературы

1. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление): учеб. -метод. пособие, 2-е изд. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2007. 296 с.
2. Буланов В. С. Некоторые методологические вопросы исследования рынка труда// Общество и экономика. 2008. № 7-8. С. 66—72.
3. Дубровин Д. Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07 / Моск. гор. пед. ун-т Ком. образования Правительства Москвы, М., 2005. 21 с.
4. Зайцев И. С. Социальная адаптация детей с нарушениями речи // Дефектология. 2003. № 5. С. 107—116.
5. Котляр А. О понятии рынка труда // Вопросы экономики. 1998. № 1. С. 33—41.
6. Литовченко В. Н. О проблеме адаптации. Компоненты адаптационного процесса. М.: Вече, 2001. 215 с.
7. Маслова И. С. Российский рынок труда. М.: Наука, 1993. 205 с.
8. Мардахаев Л. В. Методологические основы формирования социально-адаптационной составляющей профессиональной подготовки в высшей школе // ЦИТИСЭ: Электр. науч. журнал. 2015. № 2. — 31—38.
9. Мардахаев Л. В. Адаптация и дезадаптация человека: социально-педагогический аспект // Вопросы психического здоровья детей и подростков: науч.-практ. реценз. журнал. 2016. № 2(16). С. 122—131.
10. Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности // Издательство АН Армянской ССР. Ереван. 1988. 69 с.
11. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо. 368 с.
12. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии // Общ. ред. и послесл. акад. А. М. Румянцева. М.: Прогресс, 1969. 237 с.
13. Трудоустройство выпускников образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования. Федеральная служба государственной статистики (ФСГС РФ). URL: https://www.gks.ru/labour_force (дата обращения: 8.02.2020).

Авторская справка

ФЛЯГИНА Виктория Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия. E-mail: chigaeva_viktori@mail.ru.

ГРИБЕНЩИКОВ Константин Владимирович, студент социально-психологического института 4 курса, направления «Социальная работа», Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

E-mail: k.gribenshchikov@mail.ru.

UDC 316.614:331.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.96

SOCIAL ADAPTATION IN THE LABOUR MARKET AS A FACTOR OF INTERREGIONAL MIGRATION OF UNIVERSITY GRADUATES

V. Y. Flyagina, K. V. Gribenshchikov

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

Introduction. The article examines the problem of social adaptation of University graduates in the labor market and its impact on inter-regional migration of young people. The main purpose of this study is to confirm the impact of social adaptation of University graduates in the labor market on inter-regional migration of young people (for example, the Kemerovo region).

If the conditions of human life, individual personality traits or the quality of the local employment center do not contribute to social adaptation in the labor market, then various options for incomplete or completely failed adaptation are possible. This can lead to prolonged unemployment and affect the emotional-volitional and material condition of the individual. One of the options for solving the problem of employment for graduates of higher educational institutions may be inter-regional migration, in which the greatest impact on the development of society is provided by labor migration (labor migration).

It is known that a significant proportion of the total number of internally displaced persons is occupied by youth, as the most mobile and active part of the population, in need of self-realization and looking for an environment in which it could fully reveal itself. Against this background, it becomes relevant to study the internal migration of young people who have received higher education, because it is the graduates of higher educational institutions that play a crucial role in the development of the state at the regional and municipal levels. Consequently, the development of regions depends on how adaptive they are, adapted to realize their potential (in their region).

Methods. A questionnaire survey of graduates was used as the main research method.

Results. The study identifies factors that play a key role in the process of social adaptation of graduates in the labor market, which prevent or promote their employment and professional realization in their native region and influence their decision to move; it highlights indicators that can be used to identify the prospects for social adaptation of students in the labor market; the hypothesis that the success of social adaptation in the labor market directly affects the decision of graduates to migrate to other regions is confirmed.

Conclusion. Based on the identified factors and indicators in the framework of employment Centers, it is possible to develop an effective program for the social adaptation of University graduates in the labor market and prevent further outflow of labor from the regions.

Keywords: interregional migration, graduates of higher educational institutions, migration factors, social adaptation, labor market.

References

1. Bondyрева S. K., Kolesov D. V. *Migratsiia (sushchnost' i iavlenie): ucheb.-metod. posobie* [Migration (essence and phenomenon): teaching manual], 2-e izd. Moscow: Izd-voMosk. psikhologo-sotsialnogo in-ta; Voronezh: MODEK, 2007. 296 p.

2. Bulanov V.S. *Nekotorye metodologicheskie voprosy issledovaniya rynka truda* [Some methodological issues of labour market research] // *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics]. 2008. No. 7-8. Pp. 66—72.
3. Dubrovin D. N. *Psihologicheskaja adaptacija kak faktor lichnostnogo samoopredelenija: avtoreferat dis. ... kandidata psihologicheskikh nauk: 19.00.07* [Psychological adaptation as a factor of personal self-determination: abstract of the dissertation of the candidate of psychological sciences: 19.00.07] / Mosk. gor. ped. un-t Kom. obrazovaniya Pravitel'stva Moskvy. M., 2005. 21 p.
4. Zajcev I. S. *Social'naja adaptacija detej s narushenijami rechi* [Social adaptation of children with speech disorders] // *Defektologija* [Defectology]. 2003. № 5. Pp. 107—116.
5. Kotljarskiy A. *O ponjatii rynka truda* [On the concept of the labor market] // *Voprosy jekonomiki* [Economic issues]. 1998. № 1. Pp. 33—41.
6. Litovchenko V. N. *O probleme adaptacii. Komponenty adaptacionnogo processa* [About the problem of adaptation. Adaptation process components]. M.: Veche, 2001. 215 p.
7. Maslova I. S. *Rossijskij ryok truda* [Russian labor market]. M.: Nauka, 1993. 205 p.
8. Mardahaev L. V. *Metodologicheskie osnovy formirovaniya social'no-adaptacionnoj sostavljajushhej professional'noj podgotovki v vysshej shkole* [Methodological foundations for the formation of the socio-adaptive component of vocational training in higher education] // *CITISJe: Jelektr. nauch. zhurnal*. 2015. № 2. Pp. 31—38.
9. Mardahaev L. V. *Adaptacija i dezadaptacija cheloveka: social'no-pedagogicheskij aspekt* // *Voprosy psihicheskogo zdorov'ja detej i podrostkov: nauch.-prakt. recenz. zhurnal* [Adaptation and maladaptation of a person: socio-pedagogical aspect/Issues of mental health of children and adolescents: scientific and practical peer-reviewed journal]. 2016. № 2(16). Pp. 122—131.
10. Nalchadzhjan A. A. *Social'no-psihicheskaja adaptacija lichnosti* [Socio-mental adaptation of personality] // *Izdatel'stvo AN Armjanskoj SSR* [Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR]. Erevan. 1988. 69 p.
11. Nalchadzhjan A. A. *Psihologicheskaja adaptacija: mehanizmy i strategii* [Psychological adaptation: mechanisms and strategies]. M.: Jeksmo. 368 p.
12. Shhepan'skij Ja. *Jelementarnye ponjatija sociologii* [Elementary concepts of sociology] // *Obshh. red. i poslesl. akad. A. M. Rumjanceva*. M.: Progress, 1969. 237 p.
13. *Trudoustrojstvo vypusknikov obrazovatel'nyh organizacij srednego professional'nogo i vysshego obrazovaniya. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (FSGS RF)* [Employment of graduates of educational organizations of secondary professional and higher education. Federal State Statistics Service (FSGS RF)]. URL: https://www.gks.ru/labour_force (accessed: 8.02.2020).

Author's Bio

FLYAGINA Viktoriya Yuryevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. E-mail: chigaeva_viktori@mail.ru.

GRIBENSHCHIKOV Konstantin Vladimirovich, 4th year student majoring in Social Work, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. E-mail: k.gribenshchikov@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Флягина В. Ю., Грибенщиков К. В. Социальная адаптация на рынке труда как фактор межрегиональной миграции выпускников вузов // *SocioTime / Социальное время*. – 2020. – № 2(22). – С. 96-111. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.96

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВАВИЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В МАРИЙ ЭЛ КАК НАУЧНЫЙ ФЕНОМЕН

В. П. Шалаев

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. В статье анализируется феномен международной научной конференции Вавиловские чтения. Вавиловские чтения — научно-исследовательский и научно-просветительский форум в современном научном пространстве России. Рассматривается принцип четырех диалогов, лежащих в основе деятельности Вавиловских чтений — диалог наук, научный диалог поколений, научный диалог территорий России, научный диалог различных стран мира.

Методы. В основе исследования — метод критического анализа и социальной рефлексии.

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. В центре внимания статьи научно-просветительская миссия Вавиловских чтений. В их основе — вовлечение широкого круга молодых исследователей в пространство современной научной проблематики жизнедеятельности человека в условиях глобализации и общества потребления [2; 3]. Важным контекстом всех Вавиловских форумов является тема национальной безопасности и устойчивого развития современного российского общества в условиях глобализационных вызовов современности, в том числе западификации мира [1; 2; 4]. Ещё одним важным контекстом Вавиловских чтений является их образовательная миссия. Чтения — это общероссийская научная площадка для апробации курсовых и дипломных исследований студентов и выпускников вузов России в области исследовательских и коммуникативных компетенций студенческого научного развития.

Заключение. Вся история Вавиловских чтений может рассматриваться как миссия научно-исследовательского, научно-просветительского и патриотического служения отечественной науки и университетскому образованию России.

Ключевые слова: наука, высшая школа, научный форум, Вавиловские чтения, научное и образовательное развитие, научный диалог, научное служение.

Введение. 3 декабря 2020 года в ФГБОУ ВО «ПГТУ» на базе факультета социальных технологий состоялась Международная междисциплинарная научная конференция «XXIV Вавиловские чтения», на тему: «Безопасность человека и устойчивое развитие общества перед вызовами глобальных трансформаций». Конференция связана с именами двух выдающихся ученых-подвижников и научных просветителей отечества — братьев Н. И. Вавилова и С. И. Вавилова. Её участниками являются учёные различных отраслей научного знания, объединенных идеей диалога наук, поколений, территорий и стран, как фактора развития научной мысли.

Методы. В статье используются методы критического анализа и социальной рефлексии, ставшие основой фокусного, критического анализа феномена Вавиловских чтений в научном пространстве современного российского общества.

Основные идеи исследования, его результаты и их обсуждение. Уникальна миссия и статистика состоявшихся чтений. Это, несомненно, одна из наиболее устойчиво существующих научных площадок, долгожителей современного научного пространства России. В нынешнем 24-м Вавиловском форуме приняли участие учёные, преподаватели вузов, практические специалисты, студенты, магистранты, аспиранты, представляющие 54 университетских центра и научные учреждения из 21 города России — из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Севастополя, Петрозаводска, Твери, Владимира, Пензы, Самары, Владивостока и др., а также зарубежные исследователи, представляющие 8 вузовских и научных центров Белоруссии, Германии, Болгарии, Словакии, Азербайджана, Киргизии.

Всего о своём участии в конференции заявили более 300 учёных, студентов-исследователей, магистрантов и аспирантов. Работа конференции прошла в формате пленарного заседания и 12 секций, объединённых в 4 интегрированные площадки. Также состоялся круглый стол «Молодая наука» с презентациями и докладами молодых исследователей из России и зарубежных стран. Все научные площадки конференции (пленарные сессии, секции и круглый стол) проходили в режиме онлайн. Прошедшие секции охватили широкий спектр научных и учебных направлений социально-гуманитарного и естественно-технического знания.

Наиболее крупными из этих секций оказались направления: «Актуальная философия», «Актуальная наука», «Социология и политология», «Экономика, управление и право», «Социальная работа», «Психология, педагогика, образование», «Механика», «Радиотехника и информатика», «Строительное дело».

Наиболее содержательно, на высоком научном уровне, по сложившейся традиции, прошли две сессии пленарного заседания и круглый стол «Молодая наука», в которых выступили известные учёные и начинающие исследователи вузов России, Болгарии и Германии.

Показательно в этом смысле пленарное заседание состоявшихся чтений:

1. Российская наука перед вызовами современности: между хаосом и порядком. **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола).

2. Асимметричный ответ угрозам и технологиям глобалистского проекта. **Лепский В. Е.**, доктор психологических наук, главный научный сотрудник (Институт Философии Российской академии наук, Москва).

3. Поколенческая ситуация Z: между глобализацией и индивидуализацией. **Ильин В. И.**, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

4. Современные тенденции эволюции человека и цивилизации. **Войцехович В. Э.**, доктор философских наук, профессор (Тверской государственный университет, Тверь).

5. Корпоративизм vs корпоративная социальная ответственность – неолиберализм или апория нашего времени. **Атанасов П. А.**, доктор (Софийский университет «Святого Климента Охридского», София, Болгария).

6. Человек и права человека в опасности: дилемма мировоззренческого и конституционного выбора России. **Дахин А. В.**, доктор философских наук, профессор (Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Н. Новгород).

7. Исторические сценарии солидаризации общества в контексте конциентальной безопасности. **Шишкин А. Е.**, кандидат философских наук, доцент (Медицинский университет «Реавиз», Самара).

8. Киборги и искусственный интеллект: что могли бы сказать о них древние греки? **Сергеев С. А.**, доктор политических наук, профессор (Казанский [Приволжский] Федеральный университет, Казань), **Сергеева З. Х.**, доцент (Казанский научно-исследовательский технологический университет, Казань).

9. Мир для человека или человек для мира? **Ибрагимова З. З.**, кандидат философских наук, доцент (Казанский [Приволжский] Федеральный университет, Казань).

10. Инновационный тип личности в российском обществе XXI века. **Петровская Ю. А.**, кандидат социологических наук, доцент (Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск).

Как мы видим, доминантой пленарной части стали актуальные проблемы развития человека и общества в условиях глобальных вызовов современности. Существенное место в пленарной части заняли темы рисков пандемии и ее влияние на дальнейшее развитие социума.

Достойное место, в состоявшихся чтениях, что стало доброй традицией, занял молодежный круглый стол «Молодая наука», позволивший молодым исследователям (аспирантам и кандидатам наук) заявить актуальную проблематику современной российской науки. Успешно прошли и четыре интегрированные площадки основных секций чтений. По итогам работы интегрированных площадок дипломами трёх степеней за лучшие научные доклады и представленные работы награждены 36 молодых исследователей — студентов, магистрантов и аспирантов.

Наиболее активными участниками чтений в этот раз стали университетские сообщества из ПГТУ (Йошкар-Ола), КФ[П]У (Казань), ИФ РАН (Москва), НИУ РАНХиГС (Н. Новгород), ТИСБИ (Казань), МарГУ (Йошкар-Ола), ПетрГУ (Петрозаводск), СПбГУ (Санкт-Петербург), Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), ТГУ (Тверь). АлтГПУ (Барнаул) и др. Активное участие в чтениях приняли зарубежные университеты: БГГУ (Минск, Беларусь), Университет г. Миттвайда (Германия), МУИТ (Бишкек, Киргизия), Софийского университета «Св. Кл. Охридски» (София, Болгария). Университет им. Константина Философа в Нитре (Словакия), Университет святого Кирилла и Мефодия в Трнаве (Словакия), Азербайджанская академия наук (Баку, Азербайджан).

По итогам чтений планируется издать сборник научных материалов в двух частях. Сборник включает в себя более 200 научных работ, презентующих собой основные площадки состоявшихся чтений (Пленарное заседание, Круглый стол и секции). Лучшие научные доклады традиционно будут опубликованы по решению

оргкомитета в международном научном журнале SocioTime / Социальное время (ВАК России, по трём научным специальностям: философия, социология, история), издаваемом на *факультете социальных технологий*, в издательстве Поволжского государственного технологического университета.

В декабре 2021 года планируется проведение юбилейных XXV Вавиловских чтений. Вавиловские чтения на земле Марий Эл характеризуют собой устойчиво существующий (вот уже 24 года) масштабный международный научный форум, отличительной чертой которого, как уже отмечалось, является принцип четырёх выстраданных временем научных диалогов. Это диалог наук, поколений, территорий и стран, как фактор развития научной мысли и научно основанной практики общественного строительства. В центре внимания чтений, неизменно — темы национальной безопасности России в быстро меняющемся глобализованном мире, пронизанном западофикацией [1; 5; 6; 7]. Труды Вавиловских чтений неоднократно были востребованы государственными органами власти, Советом по национальной безопасности при президенте России. Сами чтения и объединённое в их рамках научно-просветительское движение в Марий Эл сложились как устойчивый научный феномен современной России.

Чтения стали своеобразным аттрактором научных поисков в области широкого круга актуальных проблем современности, камертоном научного понимания метаморфоз человека и общества. Традиционно в чтениях работают более 15 научных секций, охватывающих основные отрасли современных естественно-научных, технических, социальных и гуманитарных наук. За годы их существования (с 1996 года) в чтениях приняло участие более 4 тысяч исследователей. В разные годы их участниками стали известные ученые России. Активное участие в чтениях принимают зарубежные партнеры из Германии, США, Болгарии, Беларуси, Украины, Словакии, Таджикистана, Азербайджана. Важнейшей миссией чтений неизменно выступает их просветительский характер. Сегодня основными участниками чтений являются молодые ученые, исследователи, студенты, для которых чтения стали хорошим трамплином в пространство научного познания и творчества. Вавиловские чтения стали надёжной площадкой апробации результатов курсовых исследований и дипломного проектирования студентов вузов Марий Эл и России. Помогая осваивать компетенцию самостоятельных научных исследований, чтения выступили важным фактором обеспечения качества образовательного процесса, востребованного в Марий Эл и большом российском обществе.

Заключение. Всем этим Вавиловские чтения на земле Марий Эл постулируют факт своей научно-исследовательской, научно-просветительской и патриотической миссии, в пространстве современной отечественной науки и актуальных общественных процессов. Это действительно научный феномен российского масштаба, своеобразный аттрактор научно-образовательного пространства и практики.

Список литературы

1. Шалаев В.П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // SocioTime / Социальное время.—2015.—N2.—С.50—59.

2.Шалаев В.П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // SocioTime / Социальное время.— 2015.— N3.—С.48—57.

3.Шалаев В.П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // SocioTime / Социальное время. — 2016.—N2 (6). — С.71—81.

4.Шалаев В.П. Между западофикацией и собственным путём: нелёгкий выбор нашего времени (опыт философского анализа) // SocioTime / Социальное время. — 2018.—N3(15). — С.26—36.

5.Петрушков М.Г., Шалаев В.П. Гибридные войны и национальная безопасность Российской Федерации // SocioTime / Социальное время. — 2019.— N4 (20). — С.37—47.

6.Шалаев В.П. Глобализация как вызов культурной и цивилизационной безопасности стран и народов в XXI веке // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. — 2015.—N5 (178). — С.89—93.

7.Шалаева С.Л., Шалаев В.П. Псевдолиберальная культура как фактор глобальной западофикации и социальной деструкции общества // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. — 2016.—N5 (187). — С.137—142.

Авторская справка

ШАЛАЕВ Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий Поволжского государственного технологического университета, Йошкар-Ола, Россия. E-Mail: shalaevvp@volgatech.net.

UDC 001.38; 140.8

DOI 10.25686/2410-0773.2020.2.112

INTERNATIONAL VAVILOV READINGS IN MARI EL AS A SCIENTIFIC PHENOMEN

V. P. Shalaev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The article analyzes the phenomenon of the international scientific conference Babylonian Readings. Vavilov readings are a research and educational forum in the modern scientific space of Russia. The principle of the four dialogues underlying the activities of the Babylonian readings is considered - the dialogue of sciences, the scientific dialogue of generations, the scientific dialogue of the territories of Russia, the scientific dialogue of various countries of the world.

Methods. The study is based on a method of critical analysis and social reflection.

Results. The focus of the article is the scientific and educational mission of Babylonian readings. They are based on the involvement of many of young researchers in the space of modern scientific issues of life and human and social development in the context of globalization and consumption society [3; 4]. An important context of all Babylonian forums is the topic of national security and the sustainable development of modern Russian society in the context of the globalization challenges of our time, including the Western integration of the world [1; 2; 3; 5]. An important context of Babylonian readings is their educational mission. Readings are an important all-Russian scientific platform for testing course and diploma studies of students and graduates of universities in Russia in the field of research and communication competencies of scientific development of students at the university.

Conclusion. The entire history of Babylonian readings can be considered as a mission of the research, scientific, educational and patriotic ministry of Russian science and university education of Russia.

Keywords: science, higher school, scientific forum, Vavilov readings, scientific and educational development, scientific dialogue, scientific service.

References

1. Shalaev V.P. *Globalizatsiya kak zapadofkatsiya i kolonizatsiya mira i epilog zapadnoj osi mirovoj istorii* [Globalization as Westernisation and Colonization of the World and the Epilogue of the Western Axis of World History] // SocioTime / Social'noe vremya [SocioTime]. — 2015.— N2.— Pp.50—59.
2. Shalaev V.P. *Ostorozhno, mutatsiya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadofkatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut* [Carefully, mutation: man and society before the challenges of globalization, West certification and consumption: contradictions are growing] // Socio Time / Sotsial'noe vremya [SocioTime]. — 2015. — N3.— Pp. 48—57.
3. Shalaev V.P. *Bifurkatsionnyy chelovek v global'nom obshchestve potrebleniya* [Bifurcation person in a global consumer society] // Socio Time/Sotsial'noe vremya [SocioTime]. — 2016. — N2. — Pp. 71—81.
4. Shalaev V.P. *Mezhdru zapadofkatsiej i sobstvennym putem: nelegkij vybor nashego vremeni (opyt filosofskogo analiza)* [Between Westernisation and Our Own Path: The Difficult Choice of Our Time (Experience of Philosophical Analysis)] // SocioTime / Social'noevremya [SocioTime]. — 2018. — N3(15). — Pp.26—36.
5. Petrushkov M.G., Shalaev V.P. *Gibridnyevoyunyatsional'nayabezopasnost' RossiyskoyFederatsii* [Hybrid wars and national security of the Russian Federation] // Socio Time/Sotsial'noevremya [SocioTime]. — 2019.— N4 (20). — Pp. 37—47.
6. Shalaev V.P. *Globalizatsiyakvyzovkul'turnojicivilizacionnojbezopasnostistraninarodov v HKHI veke* [Globalization as a challenge to the cultural and civilizational security of nations and peoples in the twenty-first century] // Trudy BGTU. Seriya: Istorija, filosofija, filologija [BGTU. Series: History, Philosophy, Philology]. — 2015. — N5 (178). — Pp.89—93.
7. Shalaeva S.L., Shalaev V.P. *Pseudoliberal'nayakul'turakakfaktorglobal'nojzapadofkatsiiisocial'nojdestrukciiobshchestva* [Pseudo-liberal culture as a factor in the global Westernisation and social destruction of society] // Trudy BGTU. Seriya: Istorija, filosofija, filologija [BGTU. Series: History, Philosophy, Philology]. — 2016. — N5 (187). — Pp.137—142.

Author's Bio

SHALAYEV Vladimir Pavlovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: shalaevp@Volgatech.net.

Библиографическая ссылка

Шалаев В. П. Международные Вавиловские чтения как научный феномен // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 2(22). — С. 112-117. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.112

ИСТОРИЯ

УДК 293.21, 930.23

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.118

БОГИ ПОЛАБО-БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В. ЧАСТЬ 1: НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

О. В. Кутарев

Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург (Россия)

Введение. В статье рассматривается материал русскоязычной литературы XVIII в. научного жанра (по истории или мифологии), посвященный языческим божествам полабо-балтийских славян. Цель исследования — очертить рамки описанного материала, выявить его источники и степень достоверности.

Методы. С помощью текстологического и исторического анализа выявляются объём и пределы тех сведений, которые предлагали русские исследователи феномена. С применением сравнительной методики достигается представление о том, из каких источников происходят их данные, какие идеи рассматриваемые авторы поддерживали, а какие видоизменяли или критиковали, что предлагалось ими впервые. Метод источниковедческого анализа позволяет проследить также дальнейшую судьбу изложенных ими воззрений.

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. В работе рассматриваются книги четырёх авторов, первыми на русском языке обратившихся к проблематике религии полабо-балтийских славян: В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. Д. Чулкова и М. И. Попова. В. Н. Татищев с двумя работами, посвящёнными истории, стоял особняком: его изыскания в названной области оказались не востребованными у современников, хотя обладали большой прозорливостью и глубоким обращением к материалу. Показано, насколько В. Н. Татищев был зависим от зарубежной (прежде всего немецкой и польской) историографии. М. В. Ломоносов ограничивал свои искания в данной сфере, уделив им главу в «Древней Российской истории». Стараясь более критично относиться к материалу, всё же и он допустил ряд неточностей, оказавших серьёзное влияние на последующую литературу. Уже взаимодействующие в своих трудах по мифологии М. Д. Чулков и М. И. Попов в основном опирались на разработки М. В. Ломоносова, дополняя и изменяя его материалы не столь существенно. В свою очередь, эти авторы сыграли заметную роль в дальнейшей истории культурного обращения к божествам полабо-балтийских славян. Большой ряд источниковедческих находок предлагается в литературе впервые.

Заключение. С точки зрения современной науки, на первый взгляд, работы XVIII в. кажутся неудачными: их авторы плохо знают источники, больше доверяют позднейшим трактовкам текстов, в которых есть место и ошибкам, и даже откровенным домыслам. Средневековым славянам и их верованиям приписывается ряд черт, которыми на самом деле они не обладали; и наоборот, понимание их реалий совершенно неполное. И всё же, некоторый ряд положений рассматриваемой литературы не утратил научной актуальности и точности, и тем более невозможно отрицать значительное её воздействие на позднейшую культуру.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, М. Д. Чулков, М. И. Попов, славянское язычество, полабские славяне, балтийские славяне, Свентовит, Редегост, Триглав.

Светлой памяти выдающегося Льва Самуиловича Клейна (1927—2019)

Введение. В XVIII в. в России появляются первые работы, прямо обращаясь к язычеству других славянских народов помимо восточных славян. До того в исторической литературе авторы касались только древнерусского язычества — точнее, того, что они под ним представляли, ведь источники с XV в. вносили в эту картину определённые искажения. Но с развитием наук, вызванным петровскими реформами, русскоязычные учёные, а вслед за ними писатели и поэты, стали освещать новую область знаний, один из разделов в которой составляли верования полабо-балтийских славян.

Задача настоящей работы — вкратце очертить первые шаги отечественных авторов на этом поприще, указав, каким предстало язычество полабо-балтийских славян в научных и художественных трудах XVIII в., отметив особенности, достоинства и недостатки этих описаний. Во многом данные взгляды продолжают своё становление и в начале XIX в., и лишь во второй трети этого столетия лучшее понимание источников, прогресс в науке и появление фундаментальных исследований позволит сделать качественный переход к состоянию знаний, которое, во многом, близко современному. Несмотря на это, влияние первого этапа на дальнейшую культуру оказалось весьма существенным. Материал будет разбит на две части: первая посвящена анализу научных трудов, обращаясь к историческому рассмотрению мифологии. Вторая часть, планирующаяся к публикации, будет посвящена художественной литературе, прежде всего романам и поэзии, в которых присутствие богов полабо-балтийских славян тоже неожиданно велико.

Методы исследования. Представляется, что рассмотрение тенденций в литературе XVIII в. в отношении религии полабо-балтийских славян можно представить анализом материала конкретных авторов (чьё число в указанный период было не так велико), сопоставляя их тексты (текстологический и исторический анализ) и выявляя очевидные общие идеи и источники (сравнительный метод). В свою очередь, эти сведения можно проверить современными научными данными, выявив, какая их часть сохраняет актуальность, а какая — её, бесспорно, утратила и почему такие факты вообще появились в дискурсе (метод источниковедческого анализа).

Основные идеи исследования, результаты и их обсуждение. Прежде чем непосредственно обратиться к соответствующему материалу русскоязычной литературы XVIII в., нелишним будет вспомнить самые основные сведения о религии полабо-балтийских славян и них самих.

Язычество полабо-балтийских славян. Распространён тезис о том, что источники о дохристианских верованиях славян практически не сохранились. В действительности это не совсем так: их достаточно много, просто они не дают целостной картины. Впрочем, эта относительная множественность может быть прослежена только в отношении двух групп: восточных славян (древнерусские источники) и полабо-балтийских славян; в то время как сведения о язычестве других народов, даже крупных — поляков, чехов, сербов, болгар и т. д. — значительно менее объёмны в отношении раннего и высокого Средневековья (VI—XIII вв.), в после-

дующий же период их достоверность существенно падает с исчезновением самого феномена вследствие крещения⁷.

Полабо-балтийские славяне — это несколько сообществ, живших на территории нынешней восточной Германии и западной Польши в раннем Средневековье в форме племенных союзов-княжеств (например, серболужичане, руяне, велеты и выделяющийся среди последних Лютический союз), однако частично приобретших государственный строй в высокое Средневековье (например, Ободритское и Поморское княжества; позже соответственно герцогства Мекленбург и Померания в составе Священной Римской империи) [3]. Два серболужицких языка выделяются в особую, лужицкую подгруппу; а вымершие поморский (язык поморян) и полабский (язык велетов, руян и ободритов) — в лехитскую подгруппу западнославянской группы. По мере усиления в отношении этих народов военной экспансии (прежде всего немецкой, но отчасти также скандинавской и польской), об их землях, правителях, истории и культуре в целом появился значительный корпус документов (в основном на латыни), в котором обнаруживается немало сведений и о религии. Среди главных таких источников — хроники, жития святых, письма и церковные документы X—XIII вв., преимущественно немецкие. Сами эти славяне (местами державшиеся язычества до второй половины XII в.!) не использовали письменности, хотя есть небольшие основания подозревать их знакомство со скандинавскими рунами и латиницей для подписей и, в последнем случае, христианизации. Подчинённые немецкому императору (и в некоторой степени скандинавским странам) в ходе многовековых войн, эти народы подверглись серьёзным притеснениям и ассимиляции, в результате чего утратили свои языки и самобытность не позднее XVIII в. (за исключением серболужичан, среди которых и поныне в Германии насчитывается около 30 000 носителей серболужицких языков; в основном же и они говорят на немецком [12, с. 5—14]). В русскоязычной науке, как представляется, феномен религии (да и истории) полабо-балтийских славян разработан совершенно недостаточно; существует известная неполнота не только в исследованиях, но даже в переводе источников на русский язык. Источниковедческий анализ, проводимый в данной работе, включает в себе ряд материалов, которые на русском языке будут представлены впервые.

К числу важнейших памятников о религии полабо-балтийских славян (которые, кроме прочего, немало повлияли на русскоязычную литературу XVIII в.) необходимо особо выделить пять наименований. Это «Хроника» Титмара Мерзебургского (начало XI в.) [21], описывавшая в основном историю Германии X—XI вв., и во многом продолжающая её хроника «Деяния архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского (вторая половина XI в.) [17, с. 9—150]. Здесь появляются описания язычества серболужичан (у Титмара) и велетов-лютичей, почитавших бога Сварожича (или Редегоста) в своём священном городе. Далее, это корпус агиографий «Жития св. Оттона Бамбергского» (середина XII в.), повествующий о

⁷ Ср. мнение: в отношении славянского язычества «можно говорить о двух центрах <...>: о Киевской Руси на востоке и о землях балтийских славян на [северо]-западе. Б[оги] этих двух центров были описаны, когда воспоминания о них ещё были живы. В отношении других территорий сведения о б[огах] весьма отрывочны и часто малодостоверны (Польша, Чехия) или практически отсутствуют (юж. славяне)» [22, с. 206].

католической миссионерской деятельности в 1120-е годы в Поморье и наличествующих там обычаях и верованиях⁸. Наконец, это «Славянская хроника» Гельмольда из Босау, (вторая половина XII в.) [17, с. 151—304], также сосредоточенная на событиях в славянских и ближайших к ним немецких землях в XI—XII вв. (приводящая немало фактов о религии прежде всего ободритов, но также велетов и руян); и датская объёмная хроника «Деяния данов» (начало XIII в.) [16], посвящённая истории датских правителей с легендарных времён до эпохи, которой автор и его прямые информаторы были свидетелями (включая взятие датчанами руяньских священных городов Арконы и Кореницы). Хотя о религии полабо-балтийских славян сообщает ещё большой ряд источников, их сведения оказываются не столь систематичными и объёмными, как в указанном «пятикнижии», без обращения к которому невозможно рассмотрение темы. Признано, что в целом названные труды в отношении описания религиозных воззрений славян высоко достоверны. В то же время, и в позднейшую эпоху, начиная с XV в., появляются исторические работы, предоставляющие новую информацию, но как раз здесь уровень достоверности стремительно падает, опускаясь порой прямо до степени вымысла.

Русские научные труды XVIII в. о религии полабо-балтийских славян. Хотя в XVIII в. в России ещё не появилось работ, посвящённых непосредственно и исключительно полабо-балтийским славянам (иногда в это время называемым также «варяжскими» славянами, но чаще, на немецкий манер, «вендами»⁹), сведения об их религии можно почерпнуть из сводных компендиумов, посвящённых либо общей славянской истории, либо общему же рассмотрению мифологии.

Первым русскоязычным автором, глубоко занимавшимся этой проблемой, несомненно, стал **Василий Никитич Татищев** (1686—1750), яркий представитель эпохи Просвещения, работавший над целым рядом научных дисциплин и государственных проектов, относившихся к истории, географии, этнографии, экономике, военному делу; приложивший руку к основанию Перми, Екатеринбурга и т. д. В работе, касающейся полабо-балтийского славянства, В. Н. Татищеву во многом помогало его обширное знание немецкой науки: он несколько лет провёл в Германии с образовательными и государственными целями, собрал там обширную личную историческую библиотеку, активно общался с немецкими историками, привлечёнными в Россию. Неплохо знал В. Н. Татищев и польскую историческую литературу, которая хотя и значительно уступала немецкой, всё же может быть охарактеризована в то время как значительно более сложное явление, чем аналогичная русская. В то же время, В. Н. Татищев не знал латыни, главного языка средневековой западной Европы; с целью обращения ко множеству как источников, так и переводных латинских книг (например, скандинавских саг) он обращался к переводчику (в основном им выступал Кирьяк Андреевич Кондратович); им использу-

⁸ Первое издание «Житий» в переводе на русский язык только планируется в 2020 году; о язычестве в «Житиях» Оттона см. [7].

⁹ Это название, используемое со Средневековья рядом германских народов (нем. Wenden, Wendische) в отношении прежде всего полабо-балтийских славян, восходит ещё к Античности, когда часть праславян именовалась «вендами»: понятие можно найти у Плиния Старшего, Тацита, Птолемея в I—II вв. [4, с. 246, 249, 182—186; 20, с. 483].

ются фрагменты переводов Гельмольда, Арнольда Любекского, М. Стрыйковско-го, М. Кромера¹⁰ и т. д., то есть историков славянского мира в XII—XVI вв.¹¹ Несмотря на прекрасное знание базы источников (кажется, В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов по уровню знания *названий* источников об истории и культуре полабо-балтийских славян немногим уступали лишь лучшим русским исследователям середины уже XIX в. и значительно опережали всех, кто был в промежутке в сто лет между ними), Татищев всё же опирался не столько на сами средневековые памятники, сколько на немецкую историографию, внесшую в сведения древних текстов определённые искажения.

Уже в 1720-е годы¹², задумав капитальное историческое сочинение по русской истории, В. Н. Татищев начал готовить для него материалы; известно, что в течение 1730—1740-х годов он читал для слушателей некоторые готовые фрагменты будущей знаменитой «Истории Российской». В 1746—1748 он уже хлопотал о её печати, продолжая дорабатывать (так и не доведя до задуманного вида) вплоть до своей кончины в 1750 году. Однако в печать книга вышла только в 1768 году [18, с. 24, 30—39, 54, 90]. Истории полабо-балтийских славян в этой работе уделено значительное внимание; можно было бы посвятить одному этому вопросу существенное исследование. Вместе с тем, многие рассуждения В. Н. Татищева, конечно, утратили всякую научную ценность. Например, путаясь в собственных теориях, он указывает, что «славяне прежде в Сирии близ Египта жили», затем двинулись в «в Каподдокию» и «Колхис», после чего сообщает «о преселении их из Сирии в Пафлагонию». Наконец, якобы, «славяне, во время войны троянской из Колхида и Пафлагонии чрез море Черное» и «оттуда к Дунаю перешли», в то время как «между галаты славяны тамо ж многие по обычаю израильтян обрезывались» [18, с. 202, 313, 315, 320]. Всю эту дикую историю породило лишь то, что у Страбона в Пафлагонии упоминается народ энетов, который Татищев немедленно соотнёс с венетами, а вслед за тем объединил их с венетами и славянами. Впрочем, любопытно, не могли ли эти наивные теории повлиять на позднейшие подделки, вроде «Велесовой книги», где славяне, согласно фантазии автора, также изображены невероятными древнейшими странниками по Евразии?

¹⁰ Об Арнольде будет говориться далее; Мацей Стрыйковский и Мартин Кромер (XVI в.) — польские историки, продолжатели Длугоша (об этом также далее).

¹¹ Как указывает сам автор в отношении ряда латинских работ, «мне <...> Кондратович потребные главы перевел» [18, с. 162, ср. 408]. Судьба и сущность этих переводов вызывают крайнее любопытство; некоторые из них точно сохранились в петербургской Библиотеке Академии Наук до настоящего времени, хотя, кажется, они не использовались позднейшими авторами и даже почти не упоминались ими. По всей видимости, о наличии таких переводов из исследователей проблематики точно знал ещё только М. В. Ломоносов, но ему они были не нужны, поскольку он сам владел, в отличие от Татищева, и латынью, и английским, и французским. Возможно, об этих «татищевских» переводах (точнее, «переводах К. А. Кондратовича») автором настоящего труда ещё будет создано отдельное исследование.

¹² Можно отметить, что в 1722 году хорватский, «дубровницкий дипломат на русской службе Савва Рагузинский-Владиславич» по личному указу Петра I выполнил с итальянского оригинала русский перевод «Славянского царства» (правда, сильно сокращённый и крайне неудачный) далматинского историка Мавро Орбини (ок. 1563—1610), где тоже упоминаются факты о языке балтийских славян. В. Н. Татищев, как и М. В. Ломоносов, использовали его (обозначая как «Мауроурбин»), но, конечно, нельзя сказать, что это была собственно русская работа [11, с. 5—7]. Татищев отмечал, что по прочтении данной книги «сожалел о бумаге и моем времени, туне потеряном, паче же и о том, что она многих неведущих может к вероятию его басен и сусих лжей склонить и обмануть» [18, с. 330—331].

В связи с вышесказанным, в настоящей статье имеет смысл обратиться только к материалу, касающемуся сугубо языческих божеств. Пойдём по порядку, представленному у автора. 1) «В Пафлагонии у галатов славен был Триглав, которого и в Болгарии чтили, и от него может народ триглавы, а у латин испорчено триглифи именованы. В Вандалии¹³ в острове Ругине той же Триглав вельми славен был», после чего следует ссылка на немецких историков А. Кранца и Т. Арнкиля¹⁴, и уточняется, что триглавы — это троглодиты¹⁵ античной географии: «троглодиты, то, может, подлинно триглавы от трех воевод или от их идола Триглавы именовались» [18, с. 100, 319]. Несомненно, Триглав предстаёт одним из важнейших божеств у балтийских славян; это верховный бог в Западном Поморье, но с троглодитами он никак не связан. Его упоминают «Жития» Оттона Бамбергского¹⁶ и ряд памятников XII—XIV вв. в городе южных велетов Бранденбурге¹⁷. При этом на острове Руян (нем. Рюген, «Ругине») у народа руян, где процветал культ совсем другого божества (см. далее) и тем более в Болгарии о почитании какого-либо Триглава не известно (возможно, речь идёт о располагающихся соответственно в Словении и Боснии горах Триглав и Троглав, названные так по числу вершин?); о казусе с размещением славян в Пафлагонии уже говорилось. Примечательно, что В. Н. Татищев ни разу не упоминает ни «Житий» Оттона Бамбергского, ни самого этого святого ни в какой из своих работ (в полном объёме жития ещё не были обнаружены и изданы), и может возникнуть впечатление, что он мог знать Триглава лишь по бранденбургским документам. Но это не так: он ещё раз, мимоходом, пишет: «Триглав в Стетине» [18, с. 101], что явственно указывает именно на «Жития», в которых Оттон посещает город Щецин (нем. Штетин, ныне Польша, а в начале XII в. Поморье), где и описывается культ Триглава. Уже на представленном материале можно выявить следующее: В. Н. Татищев плохо знает сами источники; он пересказывает их через посредство немецких учёных, у которых кроме фактов вольно или невольно заимствует многие неточности (если не сказать нелепости), дополняя их ещё и собственными. Татищев становится нижним звеном «испорченного телефона» в худшем виде этой «игры»; это видно и далее.

2) «Знатнейший бог вендов», то есть «Святовид у вандал был наивысший бог с четырьмя лицами, которого Гельмольд и Саксон Грамматик, имянуя Святовид, толкуя, якобы они проповедника римского Вита обоготворили; но сие весьма неправо, ибо сей идол гораздо прежде Вита был почитаем»: в данном случае, наоборот, В. Н. Татищев выглядит вполне современно и актуально. Свентовит, чьё почитание было ключевым как раз на острове Рюген (Гельмольд I.52, II.12; Саксон

¹³ «Вандалия» вслед за зарубежными авторами — у В. Н. Татищева одно из названий края балтийских славян, полученное из сопоставления (по созвучию) названий «венды, венеды» и «вандалы». Вопрос возможности такого рода сопоставлений являет большую самостоятельную историческую проблему.

¹⁴ Альберт Кранц (ок. 1448—1517), фактически, в соответствующих местах просто пересказывает или даже цитирует Гельмольда. Божество по имени Триглав он (как и Гельмольд) не упоминает, хотя много говорит о языческих культах Рюгена. Что касается Трогилло Арнкиля (1639—1713), то далее на его историческую работу даются точные ссылки.

¹⁵ Или трогодиты. «У Плиния определена принадлежность трогодитов к скифам» [4, с. 241, сн. 1].

¹⁶ Житие Прюфенингского анонима II, 11—12; житие Эбона II, 13, III, 1; житие Херборда II, 32—33 и т. д. Подробнее об авторах, текстах и сведениях о Триглаве см.: [7, с. 191—196].

¹⁷ См. одну из последних крупных работ, посвящённых источникам по теме: [29]; вторично (под 1154 годом) сообщает об этом культе и чешский историк Пулкава (XIV в.).

14.39.1—12, 15, 31—34 и т. д. [17, с. 212—213, 278—280; 16, с. 211—224]), был описан церковными писателями как божество, якобы созданное славянами по ошибке из христианского культа святого Вита (Гельмольд П.12; Саксон, 14.39.13) [17, с. 279; 16, с. 216; 12, с. 394—397]); но в современной науке это мнение отвергнуто [2, с. 106; 3, с. 384, сн. 109]. По мнению историка, его «четыре лица значат 4 страны, яко восток, юг, запад и север», а имя «Свентовид, то значит святое видение, равно как бы сказать всевидячий или святое изображение». И в данном случае толкования находятся вполне в научном русле; хотя объяснение ликов как четырёх сторон света вызывает куда больше согласия, чем мнение об имени (скорее всё-таки «святовит» как «полный святости», ср. «плодовит, родовит» и т. п.). Единственное нарекание вызывает факт, будто «у боемов есть бог богов Свентовид»: у богемцев (чехов) этот культ не известен [18, с. 100—101]. Вероятно, эта ошибка также происходит из исторических книг: Татищев упоминает издателя руближа XVII—XVIII вв. А. Фабриция [ср. 11, с. 98—100].

3) Также, пишет Татищев, у славян «были Бел бог злый, Черный бог добрый» [18, с. 100—101, ср. 317, 433—434] ссылаясь на Гельмольда и А. Кранца, и некоторым образом намекая на библейского Ваала/Бела. Гельмольд (и пересказывающий его Кранц) действительно описывает почитание Чернобога [17, с. 213] у ободритов, правда, не называя его добрым¹⁸. Что касается Белобога, то его, противопоставляя Чернобогу, впервые упомянул только в конце XVI в. Д. Хитреус, по видимому, автор этого слова как теонима¹⁹. В.Н. Татищев невольно показывает отсылки к топонимике, взятые через посредство немецких авторов: «Бел бух, правильно Бел бог». 4) «Ругиевич, в Ругине острове, с седмию лицами», «Паревид, мною Пятивид, с пятию лицами, Паренут с четырьмя лицами» [18, с. 100—101]: в данном случае, хотя почти и не касаясь объяснения образов, В. Н. Татищев довольно точно описывает богов города Кореницы: Руевита, Поревита и Поренута, также почитавшихся, согласно Саксону Грамматик (14.39.38—43) [16, с. 226—227] и исландской «Саге о Кнютлингах»²⁰ (гл. 122) на Руяне. 5) Кое-что взято из описания религии ободритов Гельмольда: «Радегаст и Радоист» [ср. 18, с. 337—338]; также «Сива, Сиеба и Дейва, мною, Диво или Дева, ибо западных наречие дзева. Сия богиня поляборов [полабов — О.К.]. Имя сие, мною, прилагательное, как греки Юону Парфеною имяновали, то же значит»; и «были же боги по градом особо почи-

¹⁸ Вероятно, в действительности это прочтение восходит к Т. Аркилю, которого В. Н. Татищев неверно понял: тот пишет, дословно, что некоторые славяне «имели доброго и злого богов, и верят, что всё счастье от доброго, а несчастье от злого происходят [по сути, цитата Гельмольда, I.52, где происходит единственное упоминание этого божества в надёжных источниках — О.К.], их называют Zornboch, что значит „чёрный бог“ и Belboch, что значит „белый бог“» (§XIII.1) [26, с. 116]. Аркиль не уточнил, какой бог за что отвечал, и Татищев, скорее всего, соотнёс названный порядок качеств (добро, затем зло) с названным порядком богов (Чернобог, затем Белобог), хотя у Гельмольда говорится только о Чернобоге (потому он и назван первым у Аркиля), и что зло направляется именно Чернобогом. Позже прочтение по Татищеву воспримет и М. В. Ломоносов.

¹⁹ Между тем, слово значительно распространено в древней топонимике, например, село и древний монастырь Białoboki в Польше (прежде Поморье); гора Bieleboh в Верхней Лужице (Германия) и т. д. Давид Хитреус (1530—1600) — один из ведущих представителей Реформации, ученик М. Лютера и Ф. Меланхтона. Будучи ректором Ростокского университета, много внимания уделял также истории и этнографии [ср. 9, с. 260]. Упоминание Белобога (в латинском написании Bialbug; противопоставлен Чернобогу) у Д. Хитреуса см. (Lib. I), но сходно он упоминает и название поморского монастыря в Бялобоки (Lib.X, Belbug) [27, р. 10—11; 6, 288—289].

²⁰ Текст середины XIII в., видимо, зависимый от «Деяний данов», но дополняющий его некоторыми фактами, достоверность которых неясна. Полный его русский перевод не издан.

таемые: Прове или Пронес в Стареграде, Погода (от немец превратно Подаге) в Плене» (идут ссылки на Гельмольда и А. Кранца); «хотя Арнкиел о богослужении, жертвах, украшениях и празднествах пространно описал, токмо я книги оной ныне не имею и выписка утратилась» [18, с. 100—101]. Таким образом, мало того, что на Т. Арнкиля, автора конца XVII в., русский историк опирается больше, чем на Гельмольда (действительно кратко описавшего (I.52, 69, 83) культы ободритских богов Прове, Живы и Подаги и чуть подробнее — велетско-ободритского Редегоста (I.2, 21, 23, 52; отчасти восходит к Титмару и Адаму)), он ещё и отвергает собственно гельмольдово написание *Podaga* (гл. I, 83) [17, с. 213, 232, 248], трактуя его, вслед за польскими историками XV—XVI вв. как искажённое от «изначального» *Pogoda* (впервые упоминается только у Яна Длугоша²¹ в конце XV в.; у Арнкиля *Podaga*²² (§XIII.2) [26, с. 118]). Влияние польских же историков видно и в толковании Живы как Дзевы (также впервые у Длугоша). 6) Часть сведений происходят (конечно, также через посредство) от «Дитмара Мерсербургского» [18, с. 198]: «Енил, бог вендов. Имя что значит, дознаться невозможно, но паче, мною, от еды или ежи, или един» (из таинственного серболужицкого бога Хеннил у Титмара, VII.69 [21, с. 161]); «Зит Тибер, бог вендов, мною, святыи мир испорчено. Бог примирения, или паче Житобор, т.е. собиратель жит, коему и празднество в осень отправлялось» [18, с. 100—101] (у Титмара — явно название священной рощи серболужичан, искажённое в «Шкейтбар» слово Святобор, VI.37 [21, с. 108]; известно и как личное имя у балтийских славян). 7) «Флиис или Плиис, бог аботритов славян»: Флинс или Флинц (от нем. flint «кремень») это вымышленный в конце XV в. К. Бото²³ серболужицкий бог смерти, который затем широко распространился по литературе, в результате чего В. Н. Татищев уже считал, что это божество ободритов [18, с. 100]. 8) Наконец, русский историк привлекает ещё несколько образов как якобы славянских божеств (Астарта, Беленус и т. д.), стремясь предложить им славянскую трактовку. Приведём только один пример: «Один или Водин и Водой», далее: «Водин и Один едино, или Водим» [18, с. 100—101]. Разумеется, германско-скандинавский Воден/Один не имел никакого отношения к славянским словам «вода» и «Вадим», как и вообще к славянской мифологии, однако и с этим примером на память приходят позднейшие подделки славянских древностей, куда «Водный» включался (Веда Словена)²⁴. Любопытно, что В. Н. Татищев полагал, будто у

²¹ «Анналы или хроники славного королевства Польши» Яна Длугоша (1415—1480) стали, пожалуй, одной из самых цитируемых работ о славянской истории в Новое время, оказав сильное влияние и на русскую историю. Полного их русского издания до сих пор нет. В XV—XVII вв. целый ряд авторов (в основном польских) развивали и продолжали сообщения «Анналов», много внимания уделяя и язычеству (т.н. «продолжатели Длугоша» [2, с. 181; 9, с. 115—132]). Длугош не писал о полабо-балтийских верованиях прямо, но опосредованно использовал некоторые их материалы.

²² У А. Кранца в этом месте опечатка; цитируя I, 83 Гельмольда, он пишет: *Pogaga* (IV.23) [28, p. 93, 355] вместо *Podaga*. Впрочем, влияние Яна Длугоша и его польских продолжателей вероятнее [22, с. 213].

²³ Конрад Бото (ок. 1475—1501) — издатель иллюстрированной «Саксонской хроники» (1492), где художник дал волю фантазии, зарисовав многих германских и славянских (частью взяв имена у Гельмольда) божеств: в последующие века эти иллюстрации широко разошлись по литературе, и, увы, влияют на умы и поныне. Об иллюстрациях К. Бото см. [6, с. 142—144, 150].

²⁴ Весьма вероятно, что на В. Н. Татищева прямо или опосредованно могли повлиять поддельные Прильвицкие идола, якобы почитавшиеся у велетов: среди них был и «Вода» [5, с. 40; 10, §86—97, с. 112—120]. Эти изделия были мистифицированы в XVII—XVIII вв. [6, с. 148—150]. Есть «Водный» бог (явно намекающий на Водена германцев) и в позднейшей «Веде Словена», мистификации якобы болгарского фольклора, опубликованной в

многих славян-язычников была письменность, возможно, руническая («готическое письмо») и заимствованная у скандинавов. Но непосредственно у славян она распространилась из Волина, некогда крупнейшего города Поморья²⁵, хотя её примеры деятелями католической церкви — «папистами так истреблены, что сыскать трудно» [18, с. 94, 96, 231, 397]: это мнение распространено у ряда современных сторонников альтернативной истории. Итак, хотя историк нередко мог представить факт, как он описан («у Адама Бременского, Гельмольда и у Саксона Грамматика» [18, с. 211] — в действительности имел перед собой только фрагменты перевода К.А. Кондратовича Гельмольда²⁶, а всё остальное списывал с тех или иных позднейших зарубежных историков, со всеми их неточностями, домыслами, а подчас и прямо ошибками и подделками).

Помимо «Истории Российской», В. Н. Татищев рассматривал ряд мифологических персонажей славян в своём незавершённом словаре, вышедшем под заглавием «Лексикон российской исторической, политической и гражданской»; кратко, но ярко выражающим дух Просвещения: «ничего человек чрезъестественного учинить не может». О религии славян здесь говорится всё то же, что в работе выше, но в сокращённом виде: в статье «Бел» о добром Чернобоге и злом Белобоге (дополнено, что культ возник во время мнимого проживания славян в Африке); далее в статье «Боги языческие» идёт без пояснений список: «**наши предки славяне и в Руси** особливо почитали, яко у славян Триглав, Святovid, Белбог, Черный бог, Поревид, Праве, или Правы, Радомысл²⁷, Радогаст и пр.» (выделено нами), после чего автор переходит к русским богам, добавляя к подлинным летописным образам не только Диду и Купалу, но даже Тора. Также он пишет про идол «Золотая баба» у остяков (хантов), что хотя и не имеет отношения к полабо-балтийским верованиям, всё же ещё встретится нам позже в художественной литературе [19, с. 182, 191, 219—220, 290]. «Лексикон», материалы к которому автор стал готовить с начала 1730-х гг., создавался по частям в нескольких вариантах вплоть до конца 1740-х; но его первое издание (по одной, неполной редакции) состоялось лишь в 1793 году, хотя рукописи имели некоторое употребление и раньше [19, с. 26—32]. Крайне важным кажется то, что В. Н. Татищев хотя и ощущал разницу между древнерусским и полабо-балтийским язычеством, но умышленно сближал их в своих трудах в некую единую веру предков.

Хронологически вторым русским автором, рассматривавшим язычество полабо-балтийских славян (в контексте общей славянской истории) был знаменитый **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711—1765), напоминать биографию которого не видим смысла. Как уже говорилось, он прекрасно знал основные (древние и со-

двух книгах 1874—1881.

²⁵ Наиболее подробное рассмотрение Волина (названного по Гельмольду «Винета») [17, с. 155], а жизнеописателями Оттона Бамбергского «Юлин») в новейшей литературе см.: [15, с. 245—310].

²⁶ При этом даже сам В. Н. Татищев сомневался в надёжности и этого перевода: «в погрешностях переводчика я извиняюсь, ибо за недостатком моим в латинском языке всеосные исправить не мог, но принужден большею частью ему верить» [18, с. 167].

²⁷ «Радомысл» попал в этот список божеств полабо-балтийских славян по ошибке и созвучию с Редегостом: в действительности «Радамас» (иногда как подземный бог) восходит к числу поздних подделок (возможно, возник из греческого Радаманта). О нём как якобы божестве чехов и болгар впервые говорит лишь в XVI в. упомянутый М. Стрыйковский (Хроника, IV.4); у А. Г. Маша он значится как «Радемас» (§37) [10, с. 70].

временные) европейские языки, но во многом работал тем же способом, что мы видели у В. Н. Татищева. «Древняя Российская история» Ломоносова стала довольно популярным трудом. Он вышел в печать (посмертно) в 1766 году, но «систематическая подготовительная работа» к нему «началась около 1751 г.», а его «время написания — 1754—1758 гг.». Автор пишет о своей подготовке: «в истории: читал книги для собрания материй к сочинению Российской истории: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том²⁸, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда²⁹ и другие <...>, читал Кранца, Претория» и т. д. [8, с. 572—573]. Как и В. Н. Татищев, он прямо ссылается на немецких историков, рассматривая «мекленбургских вендов» (а вместе с ними и «пафлагонов <...> славенского племени», мосхов Страбона, якобы предков москвитов — по созвучию; отсюда и Колхида, т.е. Месхети и т. п.), например: «Гарткнох <...> Арнкиль», хотя цитирует и собственно Гельмольда [8, с. 174, 181, 185]. В книге есть целая глава «..о верах славенских» (I.4), где, после краткого рассмотрения Прокопия Кесарийского и русской летописи, М. В. Ломоносов обращается в большей степени к полабо-балтийскому материалу. После слов Гельмольда о поморском городе Волине/Винете и сообщении о едином боге (христианская трактовка Свентовита у Гельмольда³⁰), Ломоносов пишет: 1) «Святовид на острове Ругене вырезан был из дерева о четырех лицах, в коротком платье, стоял в капище, в левой руке держал лук, в правой рог с вином; на бедре — превеликий меч в серебряных ножнах. <...> Четыре лица, как кажется, значили четыре части года. Именем сего идола давал жрец ответы» [8, с. 185]. Хотя в данном случае после цитаты идёт отсылка к популярному ещё у Татищева Т. Арнкилю, а не упомянутому Саксону Грамматику, в целом изложение источника верно (хотя вопреки весьма распространённой в литературе ошибке в левой руке не было лука (Саксон 14.39.3.5): он был с «согнутой в локте, наподобие лука, левой рукой» [16, с. 213]). Далее идёт пространный (как и в источнике) рассказ об особенностях почитания Свентовита в городе Аркона на Ругене, причём неточности по отношению к тексту Саксона заключаются в добавлении мелких деталей. Например, фрагмент о жертвоприношении Свентовиту [8, с. 186—187]: «лошадь четырьмя ногами привязывали к четырем сваям и, под поставленные по обеим сторонам костры дров подложив огонь, сожигали живых коня и всадника» — не находит никакого соответствия у Саксона или иного автора, писавшего в Средневековье о славянах, и взят Ломоносовым у Арнкиля (§XXVII.11) [26, s. 200—201], который ошибочно приписал обычай «вендам». На

²⁸ Имеется в виду рассмотренная выше «История Российская», хотя и не вышедшая ещё в печать, но известная М. В. Ломоносову по одному из рукописных вариантов.

²⁹ Арнольд Любекский, продолжатель «Славянской хроники» Гельмольда (начало XIII в.).

³⁰ Это известное место Гельмольда, часто вырванное из контекста, трактуется в пользу прамонотеизма, на самом деле не существовавшего у славян (I.83): «среди многообразных божеств <...> они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах, <...> [другие боги], повинувшись ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов» [17, с. 248]. То, что речь идёт именно о Свентовите, показывают те же эпитеты, приписанные именно ему в других главах хроники: «среди множества славянских божеств главным является Святовит, бог земли райской» (т.е. руянской); «рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают» (I.52); «Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах» (II.12) [17, с. 213, 279]. Созвучен в таком отношении к Свентовиту и Саксон (14.39.38.1) [16, с. 225].

самом деле он происходит из источников о религии балтов, о нём кратко сообщает Пётр из Дусбурга (III, 91, 338) [13, с. 93, 178], ставший также источником известия о неугасимых огнях на капищах (у балтов, но распространилось и на славян [6, с. 137—138, 144, 148]). 2) Не по Гельмольду, главному информатору в этом отношении, пишет М. В. Ломоносов и о язычестве ободритов: «Святовиду честию следовал Прове, или Проне, особливо у вагрских славян³¹; стоял на великом и кудрявом дубе. Около его на земли расставлены до тысячи идолов с двумя, тремя лицами и больше. Перед Проном стоял алтарь для приношения жертвы. Радегаст держал на груди щит с изображенною воловою головою, в левой руке копьё, на шлеме петух с распростертыми крылами. Сива, или Сиба, нагая женщина, волосы назад висели до подколенков; в правой руке яблоко, в левой виноградный гроздь держала» [8, с. 185]. Напротив, Гельмольд сообщает, что поклонение богу Прове проводилось в отсутствие всяких идолов и ни слова не сообщает об облике Сивы (или Живы). Иконографический образ трёх ободритских истуканов восходит к концу XV в., когда его выдумал упомянутый К. Бото: отсюда у Редегоста шлем с птицей и щит с головой быка (вола), плоды в руках у Живы и т. д.; он очень широко распространился в литературе Нового времени [6, с. 142—144]. М. В. Ломоносов, конечно, взял его у Арнкиля (который приводит иллюстрации Свентовита и троицы Ридегаст, Проне, Сиве: [26, с. 118—119, 120—121]³²) или другого западноевропейского автора, несмотря на прямой доступ к Гельмольду, у которого ничего подобного нет. 3) «Наконец, почитались у них Черн бог и Бел бог: первый добрый, другой злой» [8, с. 186]: здесь обнаруживается полное созвучие с В. Н. Татищевым, но виден всё тот же диссонанс с источниками. 4) Язычники демонизируются: «приносили тогда жившие славяне кровавую жертву людей христианских. По заклинании оных прикушивал жрец крови, от чего уповали силы и действия к предсказанию» [8, с. 187]: об употреблении жертвенной крови действительно упоминал Гельмольд, но он разделял человеческие жертвоприношения и кровоядение, которое происходило только при принесении в жертву животных³³. 5) Ничего подобного нельзя найти у Гельмольда или Саксона, однако это сообщение тоже взято М. В. Ломоносовым у Т. Арнкиля: «озеро обоготворялось на острове Ругене, в густом лесу, называемое Студенец, которое хотя весьма изобиловало рыбою, однако оныя не ловили для почтения мнимой святости» [8, с. 186] (в оригинале озеро названо

³¹ Вагрия — полуостров на западе расселения ободритов (ныне земля Шлезвиг-Гольштейн в Германии, нем. Wagrien), отсюда и пытались в XVIII в. вывести «варяжских» славян тем же способом, как, например, месхи (предки грузин) становились по созвучию колхидскими предками «московитов».

³² Фактически, три ободритских божества здесь — это копии рисунков К. Бото. Свентовит заимствован из более поздних изданий, у него в левой руке изображён лук. Есть у Арнкиля и взятая у Бото иллюстрация Флинса [26, с. 122—123], но в отличие от В. Н. Татищева, М. В. Ломоносов его не упоминает и тем самым повергает в забвение о нём русскую литературу до XIX столетия, когда рисунки Бото (опосредованно) вспоминает А. С. Кайсаров. Трудно сказать, почему Ломоносов не сообщил о Флинсе: возможно, он прозорливо разделял мнение ряда западноевропейских авторов, уже писавших о нём как о выдумке.

³³ Гельмольд, I.52: ободритские славяне по празднествам «приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми — христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их богам. После умерщвления жертвенного животного жрец отвеживает его крови, чтобы стать более ревностным в получении божественных прорицаний» (выделено нами) [17, с. 213]. Саксон и вовсе не упоминает человеческих жертв: Свентовиту приносили «в жертву скот» и ценные вещи (14.39.4, 7), а жрец пил только вино или мёд (14.39.3, 5) [16, с. 213—215]. См. также далее.

нем. Stubbenitz, §XIX.2) [26, s. 164]. В конечном итоге это сообщение восходит к «Германии» Тацита (гл. 40), где тот повествует о жертвовании рабов «*матери-земле Нерте*», происходящем «*в укрытом ото всех озере*», находящемся где-то «*на острове среди Океана*» [20, с. 479]. Но Тацит, конечно, не называл этот остров Рюген, а озеро Студенцом; такое соотнесение и прочие домыслы на эту тему (например, приписывание к Рюгену короля рогов Одоакра³⁴) вновь лежат на совести историков Нового времени, служивших (нередко, опосредованно) информаторами для В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова³⁵. Так вместе с фактами из литературы Нового времени обретались и домыслы.

И всё же, В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов стремились к знанию источников, так или иначе знакомились с ними, а научные западноевропейские работы использовали как объяснение и дополнение труднодоступных и ещё не вполне изданных к середине XVIII в. памятников, пусть и доверяя толкователям больше, чем самим средневековым текстам. Последующие русскоязычные авторы XVIII в., писавшие о религии полабо-балтийских славян, не делали и этого: они просто почерпнули сведения у Татищева, Ломоносова и в небольшом числе немецких книг, что не мешало им обрести славу в области собственно исследования мифологии.

Речь идёт о двух авторах, хорошо знакомых друг с другом и некоторое время сотрудничавших. Это **Михаил Дмитриевич Чулков (1744—1792³⁶)** и **Михаил Иванович Попов (1742—1790)**. Важно отметить, что первые издания их главных работ по мифологии вышли, соответственно, в 1767 («Краткий мифологический лексикон» Чулкова) и в 1768 («Описание древнего славянского языческого баснословия» Попова) годах: поскольку главный исторический труд М. В. Ломоносова вышел в печать в 1766, а В. Н. Татищева — в 1768 годах, получается, что в течение всего трёх лет 1766—1768 в России были напечатаны сразу четыре важнейших сочинения, рассматривающих славянскую мифологию, и **впервые** обращающихся к язычеству не только древней Руси, но и других славянских сообществ. Влияние четырёх названных работ ещё в течение столетия будет очень существенным, а отчасти его можно заметить и в XX—XXI вв.

М. Д. Чулков справедливо назвал первый вид своего труда «кратким»: в последующие годы он ещё несколько раз переиздавал его, причём в последней версии, названной «Абевега русских суеверий» (1786) объём книги увеличился почти втрое. Рассмотрим сведения словаря Чулкова по первому и последнему изданиям. Книга посвящена мифологии в целом: здесь огромное количество сведений о богах, как античных, так и из языческих религий народов дальних уголков России; сведения о свадьбах, похоронах, колдовстве и т. д. Блок сообщений о божествах полабо-балтийских славян представлен следующим образом. 1) «БЕЛБОГ, или

³⁴ Например, у Стрыйковского (IV.3).

³⁵ «Озеро Герты» (или Нерты, нем. Nerthasee), впрочем, действительно существует на Рюгене на севере полуострова Ясмунд в районе Stubnitz (а это название, действительно, может иметь славянское происхождение, хоть и не от «студенца»). С целью привлечения туристов здесь издавна муссируются легенды, что это то самое озеро, описанное у Тацита (возможно, восходит к Ф. Кловверу, автору начала XVII в.). Данный пример показывает, что влияние романтических домыслов Нового времени простиралось весьма широко.

³⁶ Точные даты его жизни дискуссионны, мы взяли 1792 год из Большой Российской Энциклопедии; М. М. Шахнович же указывает год его кончины как 1793 [25, с. 43].

Белцебуб, божество славян варяжских, имел кровавой образ, покрытой множеством мух. Его почитали они добрым богом; мухи означали его питателем тварей, жертвовали ему, и подобным оному веселием, играми и радостными пированиями» (по первому изданию; во втором почти то же, но устранён «Белцебуб», см. далее) [24, с. 18; 23, с. 66]. Здесь видно влияние немецкой литературы: это и соотнесение с «повелителем мух» Вельзевулом, и трактовка его добрым богом вопреки В. Н. Татищеву и М. В. Ломоносову. 2) Прове, Радегаст и Жива представлены без добавлений нового, почти в точности как у М. В. Ломоносова, иногда даже дословно, ср.: «ПРОВЕ, или ПРОНО, словенский бог, стоял на великом и кудрявом дубе, около его на земли расставлены были до тысячи или больше идолов, о двух, о трех и больше лицах» (хотя Жива как «Сива», названная «богиней произрастений», отмечается только в «Абевеге»). Есть тут и рассмотренное выше упоминание употребления жрецами крови: «закаляли христиан, текущую из них кровь прикушивал жрец» (хотя эта часть уже отсутствует в версии 1786 года) [24, с. 91, 93; 23, с. 273—274, 292]. 3) В основном совпадает и описание Свентовита (добавлено: «или СВЯТОВИЧ, бог солнца и войны, имел храм в Ахроне», т.е. Арконе), вплоть до подробностей о сжигании живых коня и человека (есть только в «Абевеге»; немного отличаются в разных редакциях и гадания с конём божества). Озеру «Студенец» посвящена отдельная статья с примерно тем же содержанием, какое известно по М. В. Ломоносову. Впрочем, автор пытался, самостоятельно находя дополнительные данные «в некотором Немецком баснословном словаре», добавить, что Свентовит почитался «в Лаунице» — но едва ли это сообщение кому-то пригодилось, тем более что речь наверняка идёт о сербской Лужице (нем. Lausitz, Лаузиц), то есть написание дано неверно (как и указанный год падения Арконы — 350 н.э., что вообще трудно объяснить; на самом деле около 1168—1170). Не существует и достоверных источников, показывающих почитание Свентовита у серболужицан, хотя вполне вероятно, что Чулков взял этот факт из немецкой литературы [24, с. 97—99, 101; 23, с. 286—290, 297—298]. 4) В версии 1767 года говорится без уточнения, какие славяне: «ЧЕРНОБОГ, или ЧЕРНБОГ, славяне признавали его богом злым, и жертвовали ему, чтоб отвратить его гнев, приносили ему кровавую жертву, и делали притом ужасные заклинания», но во второй версии к этому добавлено, что он обитал «во аде», а почитали его «все вообще Славяне» [24, с. 120; 23, с. 314]. Представляется, что эта необоснованная пометка М. Д. Чулкова сыграла колоссальную роль в последующей популярности Чернобога: с этого момента его, как древнерусское божество, стали включать в свои сочинения поэты и писатели, популяризируя образ, хотя по факту он оставался божеством исключительно полабо-балтийским (его единственное упоминание в связи с язычеством ободритов, восходит, как говорилось, к Гельмольду). 5) Только в «Абевеге», версии 1786 года, есть «Тригла или Триглава, богиня Славенская истукан ее имел три лица, и была она то же, что Зевана» [23, с. 300] (в первой версии польская Зевана есть, но ничего не говорится о её тождестве с Триглавой). Хотя В. Н. Татищев верно писал о Триглаве как персонаже мужском, М. Д. Чулков, опять опираясь, видимо, на европейскую литературу, и при отсутствии данных о божестве у М. В. Ломоносова, совершил ошибку. Именно в западноевропейской литературе Нового времени

Триглав стал женским образом: это случилось по той причине, что его, как трёхголовое божество, стали сравнивать с трёхговыми образами классических мифологий: Гекатой и Дианой [6, с. 142—144], не особенно вникая в факты самих источников («Жития св. Оттона Бамбергского», важнейшие аутентичные источники о его культе, имели весьма непростую судьбу открытия текста, исследования и изданий). 6) В словаре есть ещё ряд интересных образов; Подага исчезла, будучи заменённой Догодой (божеством ветров и погоды); здесь тоже, как у В. Н. Татищева, есть Золотая Баба, и ряд других персонажей, с которыми читатель ещё встретится в XVIII в., но об этом подробнее речь пойдёт во второй части, посвящённой художественной литературе. Многие исследователи «критиковали Чулкова за то, что он якобы выдумал сам многие мифы. Однако выдающийся историк русской литературы XVIII в. П. Н. Берков считал, что Чулков сам ничего не выдумывал, но лишь следовал некачественным источникам» [25, с. 45—46], что вполне подтверждается материалом о божествах полабо-балтийских славян.

М. И. Попов в «Описании баснословия»³⁷ держался тех же просвещенческих взглядов, что и его современники, также во многом делая отсылки к классическим мифологиям: «суеверство и многобожие древних Славян столь же было пространно, сколько у Греков и Римлян: и естлиб древний наш век изобиловал прилежными писателями, то бы мы ныне увидели такоеж множество книг, как и у них, о Славенских божествах, празднествах, обрядах, пророчествах, гаданиях, предзнаменованиях и о прочих их произшествиях»³⁸. Как иные авторы, возводя языческую религию к искажению изначального монотеизма и ругая древних за наивность, суеверие и доверие корыстным жрецам, этот автор тоже ужасается кровавым жертвам и радуется последовавшему крещению [14, с. 6—11]. И его словарь содержит пояснения к множеству мифологических систем мира, а в отношении славянского материала пишется явно с опорой не только на М. В. Ломоносова (что прямо указывается), но и, несомненно, на своего знакомого и коллегу М. Д. Чулкова, ср. 1) «БЕЛБОГ, или БЕЛЫЙ БОГ. Божество Славян Варяжских и Ахронских. Некоторые назвали его Бельцебубом; но однако сие неправильно. Кровавой его образ покрывался множеством мух; и как видно, то мухи означали его питателем тварей. Сего почитали они добрым Богом, так как Чернобога злым» [14, с. 14]. Видно, что замечание Попова «некоторые» заметили: он справедливо намекнул Чулкову, что попытки европейских авторов объяснить образ Белобога отождествив его по созвучию с Вельзевулом (Бельцебуб), библейским демоном — решение сомнительное. В результате в переизданиях своего труда Чулков убрал это упоминание.

³⁷ Этот труд был переиздан с некоторыми изменениями в 1772 году. Указав различия изданий, М. К. Азадовский отметил: «считать, что Попов изобретал сам какие-либо божества, как принято утверждать, мне кажется, нет никаких оснований, и все его ошибки и наивности являются результатом состояния его источников». [1, с. 79—80]. В настоящей статье «Описание баснословия» цитируется по первому изданию.

³⁸ Подобным образом (не влияя на Попова) высказывался и Мавро Орбини [11, с. 95—96]. Представляется, впрочем, что эти взгляды вполне имеют право на жизнь и сегодня: едва ли развитый и огромный славянский мир Средних веков не имел мифологии, сопоставимой если не с греческой, то, во всяком случае, со скандинавской или ирландской. Увы, эти мифы не были сохранены.

И всё же, уровень сходства текстов М. И. Попова и М. Д. Чулкова удивителен, как по каталогу (Золотая Баба и т. д.), так и по содержанию; хотя, например, часть текста о гаданиях полабо-балтийских славян, связанных со Свентовитом, он переносит из соответствующего раздела в статью «Гадания» и т. п. Пожалуй, Попов лишь даёт чуть больше сравнительного материала, например, в статье о польской Зеване, которая у него «богиня славенская»: «имя её кажется происходит от Зевса, которое ей наложено, как его дочери» [14, с. 25, 17] (весьма характерное слияние в старину различных языческих систем в одну). 2) Статьи о Прове, Радегасте и Живе во многом дословно повторяют то, что уже было у М. Д. Чулкова, и, соответственно, М. В. Ломоносова. Добавлен только следующий оригинальный материал: о Радегасте, в соответствии с древними источниками, что «сей Бог почитался у них защитником города» (Редегоста или, по-немецки, Ретры, священного города лютичей, впрочем, этого названия здесь нет; Чулков впишет этот эпизод в «Абевегу»); и о Сиве, что её функции можно объяснить из имени: «СИВА или СИБА. Но правильное всего Сева, происходящее имя от глагола сеять. Сия была богиня славян варяжских. Изображалась нагою женою: волосы её висели позади до подколенок; в правой руке держала яблоко, а в левой гроздь. По сим приметам была она у Славян на месте Помоны, богини садов» [14, с. 33, 35, 41, 44]. 3) Статья о Свентовите практически дословная с предшественниками, но в отличие от «Лексикона» Чулкова, здесь в гадании с конём сделан акцент на том, какой ногой тот перешагнёт через копыта: это М. Д. Чулков учёл позже в «Абевеге». Дословно повторяется здесь ошибочный эпизод о сжигании живых всадника и коня в жертву, а также о том, что «Ахрон» был взят датчанами в 350 году. Отдельная статья посвящена озеру «Студенец», впрочем, и здесь нет ничего нового и оригинального [14, с. 36—43]. 4) «ТРИГЛАВА или ТРИГЛА. Славянская Диана, получившая сие имя от треглаваго своего истукана. Имела капище на полях Киевских, потому что власть её на полях простиралась» [14, с. 44]. Поскольку в первом издании М. Д. Чулкова этой статьи нет, логично думать, что именно М. И. Попов добавил её с опорой на какое-то зарубежное издание, где прямо говорилось о сходстве её с римской трёхглавой Дианой, и уже это побудило включить её в последующие издания и Чулкова. Однако связь с киевскими полями — это уже не имеющее оснований добавление самого Попова. 5) Если в соответствующем месте Белобог был сопоставлен с зороастрийским Оромасом (Ахура Маздой, светлым персонажем, сопоставимым с христианским Богом), то в тексте о Чернобоге, также почти дословном по отношению к Чулкову (ему приносили «жертву кровавую и печальное моление, и также страшные заклятия»), добавлено: «сходствует он с Персидским Ариманием» (Ангро-Майнью, авестийский «Злой дух», сравнимый с дьяволом) [14, с. 46]; впрочем, похожие сравнения были ещё у Арнкиля.

То обстоятельство, что М. Д. Чулков и М. И. Попов работали над мифологическими словарями вместе, общепризнано; их сотрудничество было весьма обширно в деле издания журналов, театральной жизни России, сборе фольклора, составлении словаря русского языка [23, с. I—IV; 14, с. 67; 25, с. 50]. Важно и другое: «„Описание баснословия“ Попова получило большую популярность не только в России, но и в Западной Европе и особенно в славянских странах: в конце XVIII

века оно было переведено на французский и немецкий языки, и в течение довольно долгого времени к этому сочинению, как основному источнику для изучения древнерусской мифологии, обращались многие писатели и ученые» [1, с. 80; ср. 5, с. 44; 25, с. 53—55]. И это при том, что оригинального мифологического материала по отношению к М. В. Ломоносову и М. Д. Чулкову здесь появилось совсем немного. Характерно также то, что незаметной для этих учёных в области рассмотрения славянского язычества осталась работа В. Н. Татищева: так он до начала XIX в. остался единственным русскоязычным автором, обращавшимся к сведениям о язычестве Титмара Мерзебургского или, например, мистифицированному, но весьма яркому образу бога Флинса. Помимо упомянутых переизданий мифологических словарей Чулкова и Попова в 1770—1790-е годы на русском языке больше не появилось ни одной научной работы, где рассматривались бы религия полабо-балтийских славян.

Заключение. Таким образом, научный обзор русской литературы XVIII в. о полабо-балтийских божествах можно подытожить следующим образом. Широкие изыскания первопроходца в этой области, В. Н. Татищева, остались незаслуженно забытыми в XVIII в., да и в XIX обращение к ним было едва заметно (использовал его труд А. С. Кайсаров). Напротив, М. В. Ломоносов, хронологически вторым обратившийся к данной проблеме, стал, фактически, главным источником для работавших в связке М. Д. Чулкова и М. И. Попова. Результатом этого стало большое сходство сведений, изложенных у данных трёх авторов; они широко распространились в литературе, включая и зарубежные издания. Четыре труда (из которых лишь словарь Чулкова имел несколько переизданий, увеличивавшихся вплоть до последнего, датированного 1786 годом) стали единственными на почти полстолетия, пока в первые годы XIX в. не появились работы А. С. Кайсарова и Г. А. Глинки, во многом продолжающие те же тенденции.

Первое появление полабо-балтийских божеств в русскоязычной литературе было наивным и полным недоразумений и ошибок, однако оно всё же заложило основу для последующего интереса и изучения этой темы. Впрочем, как уже отмечалось, нельзя считать, что все сведения о славянской религии, которые излагают авторы XVIII в. вперемешку с данными домыслов или откровенных подделок, нужно отвергать и признать устаревшими. Рассуждения, например, о функциях руянских божеств или значениях их имён у того же В. Н. Татищева или М. В. Ломоносова местами, как говорилось, довольно любопытны, а подчас и вовсе совпадают с современными. Многие казусы и неточности, созданные этими авторами, или транслированные ими от предшественников, имели (или даже имеют до сих пор) существенное влияние в культуре. Можно предположить и дальнейший потенциал для употребления изысканий, например, В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова в литературе по «альтернативной истории». Крайне важным нам кажется и то, что с лёгкой руки М. Д. Чулкова Чернобог (необоснованно) обрёл статус общеславянского божества: видимо, именно это обеспечит ему долгую и большую славу в художественной литературе, а позже и в кинематографе XIX—XXI вв., включая зарубежные³⁹.

³⁹ Подробнее об этом мы планируем рассказать во второй части работы.

Для нас было чрезвычайно странно увидеть в работе такого уважаемого религиоведа как М. М. Шахнович, что в списке «богов и богинь, которые на самом деле были вымышлены мифографами XVII и XVIII веков» (в действительности значительная часть домыслов приходится на XV—XVI вв.) значатся «Пров, Погода [как Подага — О. К.] <...>, Припекала», как кажется, и Чернобог [25, с. 30, 52—53, ср. 57—59], в то время как эти боги засвидетельствованы в признанных древних источниках XII в.⁴⁰ Откровенную чепуху — иначе, увы, не сказать — представляют собой многие комментарии к современным изданиям старинных работ (А. Г. Маша, А. С. Кайсарова и Г. А. Глинки⁴¹), посвящённых этой теме. Несомненно, такое происходит, потому что в русскоязычной литературе (да и западноевропейской, с оговорками, тоже) до сих пор не разработана как следует историография по религии полабо-балтийских славян, включая как достоверные средневековые источники, так и работы Нового времени, включающие толкования, дополнения или прямые мистификации по отношению к древней базе. Хочется верить, что настоящая статья и её планируемое продолжение (возможно, и не одно) станут частью важной работы в этом нужном направлении.

Список литературы

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1958. 480 с.
2. Гейштор А. Мифология славян / пер. с пол. А. М. Шпирт. М.: Весь мир, 2014. 384 с.
3. Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М.: Русская панорама, 2013. 704 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Том I: Античные источники / сост. А. В. Подосинов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 352 с.
5. Кайсаров А. С., Глинка Г. А. Рыбаков Б. А. Мифы древних славян. Саратов: Надежда, 1993. 320 с.
6. Кутарев О. В. История мистификаций и домыслов в области славянского пантеона (до середины XIX в.) // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография / под ред. Р. В. Шиженского. Нижний Новгород: Мининский университет, 2016. С. 133—160.
7. Кутарев О. В. Языческие божества славянского союза померян по «Житиям» Оттона Бамбергского // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 188—198.
8. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 томах. Т. 6. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1952. 692 с.
9. Мансикка В. Й. Религия восточных славян. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 368 с.
10. Маш А. Г. Сокровища Ретры / пер. с нем. А. А. Бычкова. М.: ИЦ Слава, 2006. 252 с.
11. Орбини М. Славянское царство / пер. с ит. Ю. Е. Куприкова. М: Олма Медиа Групп, 2015. 576 с.
12. Пауль А. Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.
13. Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / пер. с лат. В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 1997. 384 с.
14. Попов М. И. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. М.: Salamandra P.V.V, 2010. 80 с.
15. Сага о йомсвикингах / пер. с др.-исл. Ю. А. Полуэктова. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2018. 592 с.

⁴⁰ Прове, Подага, Чернобог, как отмечалось, упомянуты у Гельмольда из Босау. Припегала (в латинском источнике *Pripegala*) неоднократно встречается в т.н. «Воззвании магдебургского архиепископа Адельгота», созданном, видимо, в 1108 году [30, s. 15—16]. Он представлен как славянское божество, которому велеты или ободриты приносят в жертву христиан. См. также: [22, с. 213].

⁴¹ Именно эти издания, за отсутствием других (кроме труднодоступных первых), мы цитировали (без привлечения их «научного» аппарата) в работе.

16. Саксон Грамматик. Деяния данов. В 2-х томах. Т. 2 / пер. с лат. А. С. Досаева. М.: Русская панорама, 2017. 616 с.
17. Славянские хроники. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский / пер. с лат. И. В. Дьяконова, Л. В. Разумовской. М.: Русская панорама, 2011. 584 с.
18. Татищев В. Н. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1: История Российская, часть 1. М.: Ладомир, 1994. 500 с.
19. Татищев В. Н. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8: Работы разных лет. М.: Ладомир, 1998. 464 с.
20. Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения / пер. с лат. А. С. Бобовича. М.: Ладомир, 2003. 992 с.
21. Титмар Мерзебургский. Хроника / пер. с лат. И. В. Дьяконов. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.
22. Топоров В. Н. Боги // Славянские древности. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 204—215.
23. Чулков М. Д. Абевега русских суеверий. СПб.: Сверхновая Былина, 2015. 336 с. (репринт издания 1786 года)
24. Чулков М. Д. Краткой мифологической лексикон. СПб.: Типография АН, 1767. 125 с.
25. Шахнович М. М. Очерки по истории религиоведения. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. 290 с.
26. Arnkiel T. Cimbrische Heyden-Religion. Hamburg, 1691. 430 p.
27. Chytraei D. Chronicon Saxoniae. Lipsiae, 1593. 996 p.
28. Krantz A. Wandalia. Francofurti, 1575. 408 p.
29. Meckelnborg C. Tractatus de urbe Brandenburg: Das älteste Zeugnis brandenburgischer Geschichtsschreibung. Textanalyse und Edition. Berlin: Lucas Verlag, 2015. 224 s.
30. Ostwald P. Erzbischof Adalgoz von Magdeburg (1107—1119). Halle, 1908. 44 s.
31. Słupecki L.P. Slavonic pagan sanctuaries. Warsaw, 1994. 264 p.

Авторская справка

КУТАРЕВ Олег Владиславович, аспирант кафедры религиоведения РХГА, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: etnogenez@mail.ru.

UDC 293.21, 930.23

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.118

GODS OF POLABIAN-BALTIC SLAVS IN RUSSIAN LITERATURE OF XVIII CENTURY. PART 1: SCIENTIFIC BOOKS

O. V. Kutarev*Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg (Russia)*

Introduction. The article discusses the material of Russian-language literature of the XVIII century in scientific genre (history or mythology), dedicated to the pagan deities of the Polabian-Baltic Slavs. The purpose of the study is to outline the scope of the described material, identify its sources and degree of reliability.

Methods. With the help of textual and historical analysis, the volume and limits of the information offered by Russian researchers of the phenomenon are revealed. With the application of the comparative methodology, an idea is achieved of which sources their data come from, which ideas the authors considered supported and which ones modified or criticized what was proposed by them for the first time. The method of source study allows us to trace the further fate of the views expressed by them.

Results. The article deals with the books of four authors, who were first in Russian who work with the religion of the Polabian-Baltic Slavs: V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov, M.D. Chulkov and M.I. Popov. V.N. Tatishchev with two works devoted to history stood apart: his research in this area was not in demand among his contemporaries, although he possessed great insight and deep appeal to the material. It is shown

how V.N. Tatishchev was dependent on foreign (primarily German and Polish) historiography. M.V. Lomonosov limited his search in this area, giving them a chapter in “Ancient Russian History”. Trying to be more critical of the material, nevertheless he made a number of inaccuracies that had a serious impact on the subsequent literature. Already interacting in their works on mythology M.D. Chulkov and M.I. Popov mainly relied on the development of M.V. Lomonosov, supplementing and changing his materials is not so significant. In turn, these authors played a prominent role in the subsequent history of the cultural appeal to the deities of the Polabian-Baltic Slavs. A large number of source studies are proposed in the literature for the first time.

Conclusion. From the point of view of modern science, at first glance, the work of the XVIII century seems unsuccessful: their authors do not know the sources well, trust the later interpretations of texts, in which there is room for errors and even mystifications. A number of traits are attributed to the medieval Slavs and their beliefs, which they did not actually possess; conversely, an understanding of their realities is completely incomplete. And yet, a number of the provisions of the literature in question have not lost their scientific relevance and accuracy, and even more so it is impossible to deny its significant impact on later culture.

Keywords: V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov, M.D. Chulkov, M.I. Popov, Slavic paganism, Baltic Slavs, Polabian Slavs, Sventovit, Redegost, Triglav.

References

1. Azadovsky M.K. *Istoriya russkoj fol'kloristiki* [History of Russian Folklore studies]. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1958. 480 p.
2. Gieysztor A. *Mifologiya slavyan* [Mythology of Slavs]. M.: Ves' mir, 2014. 384 p.
3. Hilferding A.F. *Istoriya baltijskih slavyan* [History of Baltic Slavs]. M.: Russkaya panorama, 2013. 704 p.
4. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Tom I: Antichnye istochniki* [Ancient Rus' in foreign sources. Vol. 1: Antiquity sources] / sost. A.V. Podosinov. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniyu i Nauke, 2009. 352 p.
5. Kaiserov A.S., Glinka G.A., Rybakov B.A. *Mify drevnih slavyan* [Myths of ancient Slavs]. Saratov: Nadezhda, 1993. 320 p.
6. Kutarev O.V. *Istoriya mistifikacij i domyslov v oblasti slavyanskogo panteona (do serediny XIX v.)* [History of mystifications and speculations on Slavic pagan pantheon (till middle of XIX century)] // *Yazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: monografiya* [Modern Russia Paganism: monography] / pod red. R.V. Shizhenskogo. Nizhnij Novgorod: Mininskij universitet, 2016. P. 133—160.
7. Kutarev O.V. *Yazycheskie bozhestva slavyanskogo soyuza pomoryan po «Zhityam» Ottona Bambergskogo* [Pagan Gods of Slavic Pomeranians in “Lives of St Otto of Bamberg”] // *Kul'tura i civilizaciya*. 2017. Tom 7. № 5A. P. 188—198.
8. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenij: V 10 tomah* [Complete set of works in 10 vols.]. T. 6. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. 692 p.
9. Mansikka V.J. *Religiya vostochnyh slavyan* [Religion of East Slavs]. M.: IMLI RAN, 2005. 368 p.
10. Masch A.G. *Sokrovishcha Retry* [Treasures of Rethra]. M.: Slava, 2006. 252 p.
11. Orbin M. *Slavyanskoe carstvo* [Tsardom of Slavs]. M.: Olma Media Grupp, 2015. 576 p.
12. Paul' A. *Baltijskie slavyane: ot Rerika do Starigarda* [Baltic Slavs: between Reric and Starigard]. M.: Knizhnyj mir, 2016. 544 p.
13. Peter of Dusburg. *Hronika zemli Prusskoj* [Chronicle of Prussian Land]. M.: Ladomir, 1997. 384 p.
14. Popov M.I. *Opisanie drevnyago slavenskago yazycheskago basnosloviya, sobrannago iz raznyh pisatelej, i snabdennago primechaniyami* [Description of the ancient Slavs' Pagan mythology, collected from various writers, and provided with notes]. M.: Salamandra P.V.V., 2010. 80 p.
15. *Jomsvikings saga* [Yeomswickings saga] / sost. Y.A. Poluektov. M.-SPb.: Al'yans-Arheo, 2018. 592 p.
16. Saxo Grammaticus. *Deyaniya danov* [Deeds of the Danes]. V 2-h tomah. T. 2 / per. s lat. A.S. Dosaev. M.: Russkaya panorama, 2017. 616 p.
17. *Slavyanskije hroniki* [Chronicles of the Slavs]. Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of

Lubek. M.: Russkaya panorama, 2011. 584 p.

18. Tatishchev V.N. *Sobranie sochinenij v 8 tomah. T. 1: Istoriya Rossijskaya, chast' 1* [Complete set of works in 8 vols. Vol. 1: Russian History, Part 1]. M.: Ladomir, 1994. 500 p.

19. Tatishchev V.N. *Sobranie sochinenij v 8 tomah. T. 8: Raboty raznyh let* [Vol. 8. Different works]. M.: Ladomir, 1998. 464 p.

20. Tacitus Publius Cornelius. *Annaly. Malye proizvedeniya*. M.: Ladomir, 2003. 992 p.

21. Thietmar of Merseburg. *Chronika*. M.: Russkaya panorama, 2009. 256 p.

22. Toporov V.N. *Bogi* [Gods: in Slavic Antiquities] // *Slavyanskie drevnosti*. T. 1. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. P. 204—215.

23. Chulkov M.D. *Abevega russkih sueverij* [ABC of Russian beliefs]. SPb.: Sverhnovaya Bylina, 2015. 336 p. (reprint izdaniya 1786 goda).

24. Chulkov M.D. *Kratkoj mifologicheskoj leksikon* [Short mythology encyclopedia]. SPb.: Tipografiya AN, 1767. 125 p.

25. Shakhnovich M.M. *Ocherki po istorii religiovedeniya* [Essays on Religion science history]. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2006. 290 p.

26. Arnkiel T. *Cimbrische Heyden-Religion*. Hamburg, 1691. 430 p.

27. Chytraei D. *Chronicon Saxoniae*. Lipsiae, 1593. 996 p.

28. Krantz A. *Wandalia*. Francofurti, 1575. 408 p.

29. Meckelnborg C. *Tractatus de urbe Brandenburg: Das älteste Zeugnis brandenburgischer Geschichtsschreibung. Textanalyse und Edition*. Berlin: Lucas Verlag, 2015. 224 p.

30. Ostwald P. *Erzbischof Adaloz von Magdeburg (1107—1119)*. Halle, 1908. 44 p.

31. Słupecki L.P. *Slavonic pagan sanctuaries*. Warsaw, 1994. 264 p.

Author's Bio

KUTAREV Oleg Vladislavovich. Postgraduate student in Religion science faculty of Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, Russia. E-mail: etnogenez@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Кутарев О. В. Боги полабо-балтийских славян в русской литературе XVIII в. Часть 1: научные труды // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 2(22). – С. 118-137. – DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.118

**РАЗВИТИЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА
ВО 2-М ЦАРЕВОКОКШАЙСКОМ ЛЕСНИЧЕСТВЕ
ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА***

А. А. Филонов

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. Целью статьи является рассмотрение состояния и основных тенденций развития лесного хозяйства во 2-м Царевококшайском лесничестве Казанской губернии. В условиях непростой ситуации в современном лесном секторе Республики Марий Эл и страны в целом, обращение к историческому опыту ведения лесного хозяйства Марийского края представляет несомненный интерес.

Методы. Исследование проведено на основе принципов историзма, объективности и системности с использованием историко-генетического, сравнительно-исторического, историко-статистического и историко-системного методов. Это позволило проанализировать приводимые факты, проследить динамику важнейших лесохозяйственных показателей применительно ко 2-му Царевококшайскому лесничеству.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Во второй половине XIX в. метеорологические и почвенные условия в целом были благоприятны для произрастания древесных пород и развития хозяйства во 2-м Царевококшайском лесничестве. Более 90% лесной почвы здесь занимали хвойные насаждения. Большинство казённых дач лесничества являлись объектом лесоустройства, и использование лесных ресурсов велось здесь в соответствии с утверждённым планом хозяйства. Однако результативность лесовозобновления вырубленных площадей и защиты лесных массивов от незаконного лесопользования была невысокой. Доходность лесного хозяйства, благодаря общему увеличению спроса на лес и лесоматериалы, а также росту стоимости древесины на рынках страны, имела тенденцию к росту.

Заключение. На основе материалов опубликованных источников, научной литературы и, в особенности архивных документов, извлечённых из фондов федеральных и региональных государственных архивов, приведены и проанализированы основные количественные и качественные показатели развития лесного хозяйства во 2-м Царевококшайском лесничестве. Охарактеризовано состояние произраставших здесь лесных массивов, раскрыта специфика лесопользования и защиты лесных ресурсов, выявлена динамика доходности лесного хозяйства. Основные итоги и выводы исследования имеют не только теоретическую, но и несомненную практическую значимость для современного лесного сектора Республики Марий Эл.

Ключевые слова: лесное хозяйство, 2-е Царевококшайское лесничество, Царевококшайский уезд, лесная дача, лесоустроительные работы, оборот рубки, лесосека, лесопользование, лесонасаждения, доходность лесного хозяйства.

Введение. Современная лесная отрасль России и её регионов, в том числе Республики Марий Эл, испытывает ряд проблем, связанных с сохранением и возобновлением лесных богатств, рациональным их использованием. Преодолению этих трудностей в известной мере может способствовать и обращение к историческому опыту организации и ведения лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX — начала XX вв., когда происходило постепенное накопление ле-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-49-120005 «Лесное хозяйство Марийского края второй половины XIX — начала XX веков в документах и материалах».

соводственного и лесокультурного опыта, развитие лесного управления и лесного хозяйства в целом. В связи с этим изучение истории лесного хозяйства Марийского края на примере отдельных лесничеств выглядит вполне оправданным.

В предлагаемой вниманию читателей статье объектом исследования выступает 2-е Царевококшайское лесничество, являвшееся во второй половине XIX в. одним из наиболее крупных лесничеств Царевококшайского уезда Казанской губернии. Некоторые сведения по заявленной проблематике нашли определенное освещение в литературе [2, с. 33—34; 6, с. 33; 7, с. 251—253, 256; 8, с. 23—25; 9, с. 47—48, 58—60, 65, 94, 116, 126—127, 177; 10, с. 271—279; 11, с. 163—171]. Однако, эти данные касаются в основном отдельных лесных дач, входивших в состав 2-го Царевококшайского лесничества. Комплексного же исторического исследования, посвящённого развитию здесь лесного хозяйства, до сих пор не имеется. В данной статье автором предпринимается попытка в известной степени восполнить имеющийся пробел за счёт обобщения информации, содержащейся в опубликованных источниках и научной литературе, а также введения в научный оборот нового архивного материала.

Методы исследования. В ходе работы активно реализовывались принципы историзма, объективности, системности; применялись такие специально-исторические методы как историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-статистический и историко-системный. Это позволило проанализировать приводимые факты, раскрыть сущность изучаемых процессов и явлений, выявить причинно-следственные связи, проследить динамику важнейших лесохозяйственных показателей применительно к изучаемому объекту исследования.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Имеющиеся в исторических источниках сведения не позволяют определить точную дату основания 2-го Царевококшайского лесничества. Однако, ещё в конце 50-х гг. XIX в. о нём упоминается как об уже существующей лесохозяйственной единице [1, ф. 154, оп. 1, д. 106]. Это лесничество располагалось в северо-восточной части Царевококшайского уезда на территории Моркинской, Кулле-Киминской, Шиньшинской и Себе-Усадской волостей. На западе оно граничило с 1-м Царевококшайским лесничеством, на востоке — с казёнными лесами Казанского уезда, на севере — с Уржумским уездом Вятской губернии, а на юге — с 3-м Царевококшайским лесничеством. В пределах 2-го Царевококшайского лесничества или в непосредственной близости от него находились десятки крестьянских сёл и деревень — Чукша, Семи-Сола, Большая Кушня, Малая Кушня, Морки и др. 2-е Царевококшайское лесничество занимало обширную территорию в 109186,00 десятин. В его состав входили Сотнурская 1-я, Сотнурская 2-я, Яраморская, Мушеранская, Кугужлоярская, Кушнинская, Варангушская, Унжинская, Уринская, Ислейтарская и Моркинская лесные дачи, а также Моркинский отрезок [1, ф. 154, оп. 1, д. 44, л. 4—5; д. 45, л. 2; д. 113, л. 1 об.; д. 116, л. 2; 2, с. 33; 4, ф. 324, оп. 733, д. 136, л. 1; д. 137, л. 1; д. 138, л. 1; 5, ф. 380, оп. 39, д. 559, л. 1; д. 561, л. 1; 9, с. 47—48; 11, с. 163]. Что касается произрастающих во 2-м Царевококшайском лесничестве древесных пород, то около 90 % лесной почвы здесь занимали хвойные леса (сосна, ель и пихта). Оставшаяся площадь находилась под лиственными породами деревьев — берёзой, осиной, ольхой, дубом, липой, клёном и вязом. В лесничестве

преобладал «спелый» возраст насаждения, колебавшийся от 80 до 120 лет. Средний запас древесной массы на одной десятине составлял 25 кубических сажень, а полнота насаждений — 0,7. Заготавливаемая древесина обладала хорошими техническими качествами строевого и топливного материала [3, с. 84—87, 90, 92].

В 60—70-е гг. XIX в. во 2-м Царевококшайском лесничестве проводились масштабные лесоустроительные работы, направленные на установление рационального лесопользования, определение точной его величины, охрану и защиту лесных массивов от самовольных порубок и других лесоповреждений. В 1861 г. объектом лесоустройства стала Унжинская казённая лесная дача, площадь которой составляла 620,79 десятин. В 1862 г. Варангушская дача, занимавшая территорию в 7312,50 десятин, была устроена таксационной партией при принятом 80-летнем обороте рубки. Площадь годичной лесосеки здесь была определена в 94,98 десятин [1, ф. 154, оп. 1, д. 114, л. 1, 3]. В апреле 1875 г. при проведении ревизионных работ Варангушская и Унжинская казённые дачи были соединены в общий план хозяйства. На предстоящее десятилетие в участках с преобладанием ели и сосны был принят 120-летний оборот рубки. К заготовке назначались лесонасаждения на площади по 75,18 десятин ежегодно. Но, принимая во внимание ограниченный сбыт лесоматериалов из этих казённых дач, размер лесосеки на 1879—1888 гг. был установлен в количестве 20% от величины годичной нормальной лесосеки, то есть 15,51 десятин [7, с. 251—252; 9, с. 58].

Лесоустройство Сотнурской 2-й дачи состоялось в 1861—1862 гг., а ревизия хозяйства здесь была произведена в 1875—1878 гг., когда общая площадь дачи составляла 5327,90 десятин. В хозяйстве с преобладанием сосны на 1879—1901 гг. была назначена чересполосная сплошная рубка леса при 120-летнем обороте и ширине лесосеки в 20 сажень. Площадь годичной нормальной лесосеки вычислили в 8,20 десятин. В преобладающих еловых насаждениях предполагалось вести выборочное хозяйство при 60-летнем обороте. Среднее количество годичного отпуска елового леса брусковых размеров здесь составило 833 дерева на площади около 150,31 десятин. Однако в лесоустроительном отчёте 1878 г. допускалось существенное колебание территории выборочного участка от 102,50 десятин до 264,20 десятин и годичного числа вырубаемых еловых деревьев от 500 штук в одном до 1500 штук в другом году. Что касается итогов ведения хозяйства в даче, то в 1879—1901 гг. следовало вырубить по плану в сосновых насаждениях 188,60 десятин, в действительности же эта цифра составила всего 54,20 десятин. Таким образом, оказалось недорублено 134,40 десятин или 73% от сметного назначения. Зато, в течение упомянутого ревизионного периода велась усиленная выборочная рубка елового леса. Всего в 1879—1901 гг. было вырублено не менее 100 тыс. штук еловых деревьев, то есть почти в пять раз больше примерного назначения 1878 г. Это привело к ухудшению состояния еловых насаждений и их изреживанию до почти 0,4—0,5 [11, с. 170—171].

Кугужлоярская лесная дача 2-го Царевококшайского лесничества была устроена в 1861 г. и обревизована в первый раз в 1875 г. с дополнением в 1878 г. Для выборочной рубки здесь на последующие 24 года отводились участки на территории 4791,10 десятин. В действительности же выборка бруса началась только в 1888

г. Всего до 1902 г. были произведены вырубki на площади 3196,80 десятин, и оказалось заготовлено 50612 штук сосен и 26388 штук ели, а всего 77 тысяч брусковых деревьев. Таким образом, оказалось недорублено 1594,30 десятин. Такой же недоруб получился и при выборке липы, которой за 24 года подлежала площадь в 1772,90 десятин, а в действительности эта цифра составила 1580,30 десятин, то есть на 192,60 десятин меньше запланированного [1, ф. 154, оп. 1, д. 39, л. 4 об.; 9, с. 59, 126]. В Кушнинской казённой даче лесоустroительные работы проводились в 1862—1863 гг., а первая ревизия лесоустroительства состоялась в 1875—1878 гг. В еловых насаждениях назначался 120-летний оборот рубки при величине ежегодной лесосеки в 33,47 десятин. Всего за 1879—1901 гг. здесь предполагалось вырубить 769,80 десятин. В действительности же за этот период лесоматериалы оказались заготовлены на площади 107,20 десятин, то есть на 662,60 десятин менее того, что было назначено по плану хозяйства. В сосновых насаждениях планировалось ежегодно заготавливать выборочной рубкой по 6000 штук деревьев брусковых размеров не ниже 3 саженей в длину и 8 вершков в толщину на высоте груди. Материалы лесоустroительного отчёта 1901 г. свидетельствуют, что за вышеуказанный период вместо положенных по плану 138 тыс. деревьев было вырублено только 46023 сосен или около 33% от сметного назначения [2, с. 33; 9, с. 59, 127].

Моркинская дача 2-го Царевококшайского лесничества была устроена в 1862—1863 гг. и обревизована в 1875—1878 гг. Для заготовки сосны был установлен 120-летний оборот рубки. В течение 1879—1901 гг. в сосновых насаждениях подлежали вырубке 1121,50 десятин, но, вследствие ограниченных условий сбыта, было вырублено всего 296,90 десятин хвойных насаждений и осталось недорублено 824,60 десятин, то есть 73% от сметного назначения. Совершенно иная ситуация наблюдалась в участках с еловым лесом. По приблизительным подсчётам за вышеупомянутый срок здесь было заготовлено выборочной рубкой около 112420 еловых деревьев, что практически в три раза превышало назначенную к вырубке по смете величину. Это нанесло серьёзный ущерб лесному хозяйству в даче и привело к значительной изреженности еловых насаждений. Всего от этих рубок пострадала территория в 4048,40 десятин [1, ф. 154, оп. 1, д. 45, л. 21 об.; 7, с. 253; 8, с. 24; 9, с. 60, 127].

В Яраморской лесной даче в ходе осуществлявшихся здесь в 1861 г. лесоустroительных работ был установлен 80-летний оборот рубки. В Сотнурской 1-й даче и Моркинском отрезке при устройстве их в 1862 г. назначалось вести высокоствольное хозяйство при выборочной системе рубок и 50-летнем обороте хозяйства для заготовки соснового и елового бруса. В Мушеранской казённой даче в 1878 г. также было установлено высокоствольное хозяйство с выборочной системой рубок для разработки строевого и поделочного хвойного леса и для выборки липы на начало [1, ф. 154, оп. 1, д. 116, л. 10—11]. В 1882—1886 гг. в Сотнурской 1-й, Яраморской дачах и Моркинском отрезке 2-го Царевококшайского лесничества планировалось вырубить 104276 деревьев и заготовить 9850 кубических саженей сухостоя и валежника. В действительности за этот период оказалось отпущено всего 9802 дерева, что составило 9 % от сметного назначения и 8250 куб. саж. сухостоя и валежника (84 % от назначенного по смете). Величина главного пользования в

Мушеранской даче от выборки соснового и елового бруса с учётом по количеству была определена при ревизии 1878 г. на предстоявшее десятилетие в 1056,00 десятин с примерным количеством бруса в 41816 штук. Также в течение этого периода была назначена выборка сухостоя и валежника по 3—4 квартала ежегодно. В них за десятилетие предполагено было к выборочной рубке 2000 перестойных деревьев. В действительности в 1879—1886 гг. было отпущено 23806 штук бруса (57 % от сметы) и 35 перестойных деревьев (2 % от сметы) [9, с. 126].

Постановлением от 27 августа 1887 г. из Сотнурской 1-й, Яраморской, Мушеранской дач и Моркинского отрезка был образован Мушеранский отрез площадью 47062,00 десятин. Здесь предполагалось вести высокоствольное хозяйство при выборочной системе рубки на крупный строевой и поделочный материал из деревьев хвойных пород при 90-летнем обороте рубки. Для выборки берёзы и осины был назначен 80-летний оборот рубки. Нормальная площадь годичной лесосеки в хвойных участках на предстоящее 20-летие составила 7701,50 десятин. На этой территории оказалось 236943 дерева, которые могли иметь сбыт [1, ф. 154, оп. 1, д. 116, л. 5 об., 6 об.; 9, с. 47, 65]. Эффективность возобновления лесосек во 2-м Царевококшайском лесничестве была невысокой. Нередко, уже в первый год после их вырубки, почва зарастала травой и различными сорными растениями. Для содействия лесовозобновлению на площади сплошных вырубок в сосновых и еловых насаждениях нередко не предпринималось никаких мер [1, ф. 154, оп. 1, д. 39, л. 10; 2, с. 34; 8, с. 25; 10, с. 273]. Непосредственную охрану и защиту лесных ресурсов 2-го Царевококшайского лесничества осуществляли объездчики и лесники. Профессионализм и квалификация некоторых из них были далеко не на самом высоком уровне. Так, во время ревизии хозяйства лесничества, произведённой в марте 1883 г., старший лесной ревизор Успенский дал не совсем лестную характеристику ряду представителей лесной стражи, в частности: «Объездчик 1-го объезда — человек совершенно не знающий своих обязанностей и своего объезда. Видно, что он очень мало посещает лес для осмотра, а лишь проезжает от лесника к леснику» [5, ф. 387, оп. 6, д. 33788, л. 12—13]. По данным 1884 г. в лесничестве работали 5 объездчиков и 55 лесников. В течение этого года здесь было возбуждено 573 дела по нарушениям Лесного устава на сумму 1901 руб. 58 коп. Из общего числа правонарушений 554 дела (96,7 %) оказались по самовольным порубкам леса. В 1885 г. число нарушений по сравнению с предыдущим годом возросло до 703, что было связано с окончательным истощением лесных наделов у местного населения и его возросшей потребностью в топливном и строительном материалах [1, ф. 154, оп. 1, д. 80, л. 2; 9, с. 94]. К 1895 г. количество объездчиков в лесничестве осталось прежним, а число лесников было увеличено до 57 человек. В середине 90-х гг. XIX в., как и десятилетием ранее, в лесничестве ежегодно составлялось около 500 протоколов о нарушениях Лесного устава [5, ф. 387, оп. 6, д. 34827, л. 53 об. — 54].

В рассматриваемый период лесные массивы 2-го Царевококшайского лесничества являлись источником значительных доходов для казённого ведомства, которое по несколько раз в год организовывало торги на продажу делянок для сплошной или выборочной рубки. Так, 6 января 1858 г. с государственного крестьян-

янина д. Кожла-Сола Царевококшайского уезда Д. Т. Атлашкина за вырубку в лесничестве 400 сосновых брёвен было взыскано 185 руб. 70 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 106, л. 2 об., 3 об.]. В январе этого же года государственные крестьяне села Шиньша П. Алексеев и А. Борисов, заготовившие в Варангушской даче 42 сосновых бревна и 20 куб. саж. дров, должны были выплатить 17 руб. 60 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 106, л. 9 об., 10 об.]. С крестьянина д. Кулле-Кими Г. Файзуллина за заготовку в Моркинской даче 200 жердей, 150 кольев и 13 брёвен из елового леса, а также 44 куб. саж. дров причиталось к оплате 26 руб. 86 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 106, л. 16 об., 17 об.]. Масштабами лесопромышленной деятельности здесь особо выделялся крестьянин д. Верхнепижемской Яранского уезда Вятской губернии С.С. Старостин, который в январе 1858 г. заготовил в Сотнурской 1-й даче с целью дальнейшей переработки и сплава к низовьям Волги 7975 сосновых деревьев за 5085 руб. 99 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 106, л. 45 об., 46 об.]. Всего же в лесничестве в течение 1858 г. делянки леса с торгов приобрели около 900 крестьян, мещан и купцов, проживавших в различных населённых пунктах Царевококшайского, Казанского, Яранского и Уржумского уездов на общую сумму 16715 руб. 57 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 106, л. 1 об. — 200; д. 107, л. 1 об. — 29 об.]. В начале октября 1859 г. с мещанина города Царевококшайска В. И. Ратманова и крестьянина села Сотнур И. А. Богданова за разрешённую по лесорубочному билету заготовку 700 сосновых брёвен была взыскана полагающаяся плата в сумме 218 руб. 30 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 108, л. 15 об., 16 об.]. В этом же году крестьянин д. Верхнепижемской Яранского уезда С. С. Старостин заготовил во 2-м Царевококшайском лесничестве с целью дальнейшего сплава в низовые поволжские города 3700 штук сосновых брёвен на сумму 2407 руб. 20 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 108, л. 84 об., 85 об.].

С торгов 17 января 1862 г. царевококшайскому мещанину В. И. Ратманову был выдан билет на вырубку леса из 2-го Царевококшайского лесничества для заготовки 892 сосновых и еловых брёвен на сумму 268 руб. 11 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 110, л. 6—7]. 21 января того же года лесорубочный билет был выдан крестьянину Яранского уезда Вятской губернии И. Д. Козыреву для заготовки в срок с 22 января по 15 марта 910 сосновых брёвен на сумму 574 руб. 70½ коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 110, л. 11]. 9 февраля 1862 г. удельный крестьянин д. Верхнепижемской Яранского уезда С. С. Старостин получил несколько лесорубочных билетов на заготовку в лесничестве 5900 сосновых и еловых деревьев для последующей выработки из них бруса на сумму 4123 руб. 96 коп. [1, ф. 154, оп. 1, д. 110, л. 41—44].

Валовой доход казённого ведомства от 2-го Царевококшайского лесничества в рассматриваемый период имел тенденцию к росту. В 1867 г. он составил 32662 руб. 93 коп. В течение года расход на ведение лесного хозяйства выразился в сумме 3078 руб. 29 коп., и было выручено 29584 руб. 64 коп. чистого дохода [4, ф. 91, оп. 3, д. 740, л. 102]. В 1876—1878 гг. средняя ежегодная доходность здесь составляла 58417 руб., в том числе 55043 руб. (94,2%) от продажи леса и 3374 руб. (5,8%) от оброчных статей, побочных пользований в казённом лесу и взысканий за нарушения Лесного устава [5, ф. 387, оп. 28, д. 1744, л. 43]. В 1884 г. в кассу лесничества поступило уже 72681 руб. 34 коп. дохода и произведено 9738 руб. 51 коп. расходов. Чистый доход в этом году составил 62942 руб. 83 коп. В 1885 г. валовой

доход во 2-м Царевококшайском лесничестве возрос до 87343 руб. 81 коп. С учётом расходных статей в сумме 11219 руб. 31 коп., чистый доход, вырученный в 1885 г., выразился в сумме 76124 руб. 50 коп. Увеличение дохода можно объяснить тем, что часть платежей за лес по заготовкам 1883 г. поступила в течение 1885 г. Валовой доход от лесничества в 1890 г. составил 110 тыс. руб., в 1891 г. — 102 тыс. руб., в 1892 г. — 45655 руб. 42 коп., в 1893 г. — 66825 руб. 90 коп., а в 1894 г. — 111314 руб. 37 коп. Такое серьёзное падение доходности лесного хозяйства в 1892—1893 гг. объясняется тем, что почти вся лесосека для сплошной рубки 1891 г. и весь лес брусковых размеров сметы 1892 г. были предоставлены Управлению общественных работ, но деньги за этот лес в кассу лесничества не поступили. В 1895 г. за весь проданный лес для сплошной и выборочной рубки удалось выручить 97581 руб. 77 коп. С учётом других поступлений валовой доход по лесничеству составил 105983 руб. 28 коп., что являлось в 3,2 раза больше, чем в 1867 г., и в 1,5 раза более, чем было получено 1884 г. Аналогичная тенденция наблюдалась и в отношении роста чистого дохода от использования лесных ресурсов [5, ф. 387, оп. 6, д. 34827, л. 61—61 об.; 6, с. 33; 9, с. 116].

По территории 2-го Царевококшайского лесничества с севера на юг протекала река Илеть с двумя притоками — Юшутом и Ировкой. По Илети лес и лесоматериалы сплавлялись до впадения её в Волгу, где лес связывался в плоты и отправлялся в поволжские города — Саратов, Царицын и Астрахань. Крупные дрова, заготовленные из сухостойного и валежного леса и из остатков от разработки бруса, также связывались в плоты и сплавлялись в Казань. Значительная часть леса шла на удовлетворение потребностей местного рынка сбыта, представленного крестьянами, прилегавших к лесничеству сёл и деревень, а также стекольными и смолокуренными заведениями, находившимися в самом лесничестве или поблизости от него [5, ф. 387, оп. 6, д. 34827, л. 49 об.; 9, с. 177]. В конце XIX века в Царевококшайском уезде наблюдалась тенденция к разукрупнению лесных дач и лесничеств, что было во многом обусловлено необходимостью их эффективного использования и охраны. В связи с этим во второй половине 90-х гг. XIX в. 2-е Царевококшайское лесничество прекратило своё самостоятельное существование, а на его базе были созданы Моркинское и Мушеранское лесничества [5, ф. 380, оп. 39, д. 559, л. 1].

Таким образом, во второй половине XIX в. местные метеорологические и почвенные условия в целом были благоприятны для произрастания древесных пород и развития хозяйства во 2-м Царевококшайском лесничестве Казанской губернии. По распространённости здесь наблюдалось абсолютное преобладание хвойных лесов над лиственными. Уже в первой половине 60-х гг. XIX в. большинство казённых дач лесничества были устроены, и использование лесных ресурсов велось в соответствии с утверждённым планом хозяйства. Заготовка леса осуществлялась путём сплошной или выборочной рубки. При этом оборот рубки в различных дачах лесничества не был одинаков и напрямую зависел от условий произрастания лесных насаждений и их состояния. Вырубки в большинстве случаев производились в соответствии со сметным назначением, а зачастую и намного меньше того, что назначалось в ходе проведения лесоустроительных работ и ревизий лесо-

устройства. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, в этом отношении были и некоторые исключения. Результативность лесовозобновления вырубленных площадей оставляла желать лучшего. Нередко происходила смена древесных пород, когда наиболее ценные с хозяйственной точки зрения еловые и сосновые насаждения после вырубki зарастали лиственными породами деревьев. Защите лесных массивов от незаконного лесопользования уделялось значительное внимание, однако она также была не всегда успешной, следствием чего стало большое количество нарушений Лесного устава и, прежде всего, самовольных порубок леса. Доходность лесного хозяйства во 2-м Царевококшайском лесничестве в рассматриваемый период заметно возросла, что было обусловлено общим увеличением спроса и цен на деловую и топливную древесину на рынках страны.

Заключение. Опубликованный фактический материал и выводы исследования могут применяться при подготовке как обобщающих трудов по социально-экономической истории, так и работ по истории лесного хозяйства, методических и учебных пособий для преподавателей, студентов, краеведов и музейных работников. Исторический опыт организации лесного хозяйства может быть использован в лесном секторе экономики, при разработке нормативных документов по управлению, охране, защите и воспроизводству лесных ресурсов Республики Марий Эл. Таким образом, основные итоги и выводы исследования имеют не только теоретическую, но и практическую значимость. В дальнейшем несомненной представляется необходимость расширения источниковой базы по заявленной проблематике, введения в научный оборот новых архивных материалов.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Марий Эл.
2. Иванов А. А., Иванов А. Г., Филонов А. А. Развитие лесного хозяйства в Кушнинской лесной даче Царевококшайского уезда Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. Т. 4. № 3. С. 32—38.
3. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 5. Уезд Царевококшайский. Казань: Типография губернского правления, 1887. 111 с.
4. Государственный архив Республики Татарстан.
5. Российский государственный исторический архив.
6. Филонов А. А. Использование лесного фонда Царевококшайского уезда Казанской губернии казённым и удельным ведомствами во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1 (45). С. 31—39.
7. Филонов А. А. К вопросу о лесоустроительных работах в Царевококшайском уезде во второй половине XIX — начале XX вв. // Марийский архивный ежегодник. 2014. Вып. 14. С. 251—258.
8. Филонов А. А. Лесное хозяйство в Моркинской лесной даче Царевококшайского уезда Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков // Марийский археографический вестник. 2018. Вып. 28. С. 23—27.
9. Филонов А. А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX — начала XX веков. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 296 с.
10. Филонов А. А. Уринская казённая лесная дача Царевококшайского уезда Казанской губернии // Марийский архивный ежегодник. 2018. Вып. 18. С. 271—279.

11. Филонов А. А., Филонова А. Б. Лесоустроительный отчёт Талтанской лесной дачи Царевококшайского уезда Казанской губернии 1901 года // Марийский археографический вестник. 2018. Вып. 28. С. 162—177.

Авторская справка

ФИЛОНОВ Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия. E-mail: fil88meat@rambler.ru.

UDC 908(470.343)

DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.138

***DEVELOPMENT OF FORESTRY IN THE SECOND
TSAREVOKOKSHAYSKY FOREST AREA
OF THE TSAREVOKOKSHAYSKY COUNTY OF THE KAZAN
PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY***

A. A. Filonov

Mari State University, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The purpose of the article is to consider the state and main trends of forestry development in the second Tsarevokokshaysky forest area of the Kazan Province. In the context of the difficult situation in the modern forest sector of the Republic of Mari El and the country in a whole, the appeal to the historical experience of forest management in the Mari region is of undoubted interest.

Methods. The study was carried out on the basis of the principles of historicism, objectivity and systemicity with using of historical-genetic, comparative-historical, historical-statistical and historical-systemic methods. This allowed to analyze the presented facts and trace the dynamics of the most important forest indicators for the second Tsarevokokshaysky forest area.

Results. In the second half of the XIX century, meteorological and soil conditions were generally favorable for tree growing and development of the economy in the second Tsarevokokshaysky forest area. More than 90% of the forest soil here was occupied by coniferous plantations. Most of the treasury forest givings was the object of forest management and the use of forest resources here was carried out in accordance with the approved plan of economy. However, the efficiency of reforestation and protection of forests from illegal forest use was rather low. Profitability of forestry tended to growth due to the increase of the demand for forest and timber, as well as the increase in the cost of wood in the country's markets.

Conclusion. On the basis of the materials of published sources, scientific literature and, in particular, archival documents extracted from the funds of federal and regional state archives, the main quantitative and qualitative indicators of forestry development in the second Tsarevokokshaysky forest area have been presented and analyzed. The state of the forest areas that have spoken here is characterized. The specifics of forest management, protection of forest resources and forest profitability dynamics are revealed. The main results and conclusions of the study have not only theoretical, but also undeniable practical significance for the modern forest sector of the Republic of Mari El.

Keywords: forestry, second Tsarevokokshaysky forest area, Tsarevokokshaysky County, forest giving, forest management works, cabin turn, cutting area, forest exploitation, forest plantings, profitability of forestry.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El [State Archives of the Republic of Mari El].
2. Ivanov A.A., Ivanov A.G., Filonov A.A. Razvitie lesnogo khozyaistva v Kushninskoi lesnoi dache Tsarevokokshayskogo uезда Kazanskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vekov [Development of forestry in Kushninsky forest area of the Tsarevokokshaysky County of the Kazan province]

in the second half of XIX — the beginning of the XX centuries]. Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki», 2018, no. 3, pp. 32—38.

3. Materialy dlja sravnitel'noj ocenki zemel'nyh ugodij v uezdah Kazanskoj gubernii. Vypusk 5. Uezd Carevokokshajskii [Materials for comparison purposes of lands in counties of the Kazan province. Issue 5. Tsarevokokshaysky County], Kazan: Tipografiya gubernskogo pravleniya [Printing house of provincial board], 1887, 111 p.

4. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archives of the Republic of Tatarstan].

5. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives].

6. Filonov A.A. Ispol'zovanie lesnogo fonda Tsarevokokshaiskogo uezda Kazanskoj gubernii kazennym i udel'nym vedomstvami vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vekov [Use of the forest fund of the Tsarevokokshaysky county of the Kazan province by the state and specific departments in the second half of XIX — the beginning of the XX centuries]. Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 2018, no. 1, pp. 31—39.

7. Filonov A.A. K voprosu o lesoustroitel'nykh rabotakh v Tsarevokokshaiskom uezde vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vekov [To a question about forestry works in Tsarevokokshaysky County in the second half of XIX — the beginning of the XX centuries]. Mariiskii arkhivnyi ezhegodnik, 2014, no. 14, pp. 251—258.

8. Filonov A.A. Lesnoe khozyaistvo v Morkinskoj lesnoi dache Tsarevokokshaiskogo uezda Kazanskoj gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vekov [Forestry in the Morkinsky forest area of the Tsarevokokshaysky County of the Kazan province in the second half of XIX — the beginning of the XX centuries]. Mariiskii arkheograficheskii vestnik, 2018, no. 28, pp. 23—27.

9. Filonov A.A. Ocherki po istorii lesnogo khozyaistva Mariiskogo kraja vtoroi poloviny XIX — nachala XX vekov [Sketches on history of forestry of the Mari region of the second half of XIX — the beginning of the XX centuries], Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet [Mari State University Publ.], 2014, 296 p.

10. Filonov A.A. Urinskaya kazennaya lesnaya dacha Tsarevokokshaiskogo uezda Kazanskoj gubernii [Urinsky state forest area of the Tsarevokokshaysky county of the Kazan province]. Mariiskii arkhivnyi ezhegodnik, 2018, no. 18, pp. 271—279.

11. Filonov A.A., Filonova A.B. Lesoustroitel'nyi otchet Taltanskoj lesnoi dachi Tsarevokokshaiskogo uezda Kazanskoj gubernii 1901 goda [Forest Management Report of the Taltan forest area of the Tsarevokokshaysky county of the Kazan Province of 1901]. Mariiskii arkheograficheskii vestnik, 2018, no. 28, pp. 162—177.

Author's Bio

FILONOV Aleksandr Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: fil88meat@rambler.ru.

Библиографическая ссылка

Филонов А. А. Развитие лесного хозяйства во 2-м Царевококшайском лесничестве Царевококшайского уезда Казанской губернии во второй половине XIX века // SocioTime / Социальное время. — 2020. — № 2(22). — С. 138-147. — DOI: 10.25686/2410-0773.2020.2.138

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» — это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200—250 слов), ключевые слова (5—10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4—1,0 авторского листа (16—40 тысяч знаков, включая пробелы), оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписанные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегель 9) помещается в конце текста и строится в алфавитном порядке;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегель 8,5): Ф. И. О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация — краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusions)*.

Ключевые слова — основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;
- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5—2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10—30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников — 3—5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. **Список материалов**, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);
- договор на издание статьи.

4. **Порядок рассмотрения рукописи**. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1—3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала SocioTime / Социальное время: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatch.net

Телефон редакции (главного редактора): 8-8362-686040.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"SocioTime / Social Time" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. General information. The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200—250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5—10, font size 9);
- The manuscript 7—16 pages (16—40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
 - References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
 - List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in alphabetical order;

- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;

- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and e-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200—250 words) — summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;

- Methods: methods and approaches used by the author in the study;

- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);

- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5—10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5—2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10—30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3—5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;

- The manuscript;

- Recommendation of the supervisor (for students);

- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80%** are allowed to be published);

- Contract for the publication of an article.

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1—3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net. Tel. (Editor in Chief): 8-8362-686040.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединённому каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**)